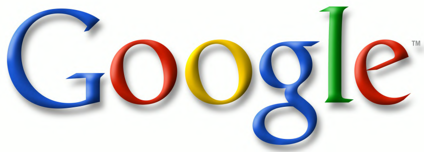

Google

[redacted]

[redacted]

This "O-P Book" is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography
by University Microfilms, Ann Arbor, Michigan, 1967

Zelinskii, V. A.

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Часть четвертая.

СОБРАЛЪ
В. Зелинскій.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

JPK

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1902.

КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

Василіемъ Аполлоновичемъ Эслинскимъ.

I. Пособія по изученію русскаго языка:

1. Справочникъ по русскому правописанію, съ приложеніемъ ороографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква ѣ. Составленъ по «Руководству» Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. М. 1901 г. Ц. 50 к.

2. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 50 к.

3. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 50 к.

4. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ IV. Правописаніе, этимологическое происхожденіе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. М. 1898 г. Ц. 50 к. (Всѣ четыре выпуска въ одномъ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ стоятъ 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.).

5. Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 5-е. М. 1902 г. Ц. 25 к.

6. Вступительный курсъ зрительнаго диктанта. Книга для элементарныхъ ороографическихъ упражненій (печатается).

7. Зрительный диктантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система для практическаго самоизученія русскаго правописанія. Часть первая. Изд. 12-е. М. 1902 г. Ц. 50 к.

8. Зрительный диктантъ. Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 7-е. М. 1902 г. Ц. 40 к.

9. Справочный словарь буквы Ѣ. Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ **Ѣ**. Изд. 4-е. М. 1901 г. Ц. 25 к.

10. Таблицы для письменнаго грамматическаго разбора. № 1. Части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголъ. Цѣна каждой таблицы—2 к. (распроданы).

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Часть четвертая.

СОБРАЛЪ

В. Зелинскій.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

 ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1902.

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

Оглавленіе.

Критика шестидесятыхъ годовъ.

„Война и Миръ".

Критическія статьи 1868 г.:

Андрей Болконскій.

Выдержки изъ критическихъ статей:

Борисъ Друбецкой.

Характеристика Д. Писарева.

КРИТИКА ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

1868-й годъ.

„Война и Миръ“.

*) Въ послѣднія недѣли наше общество сильно занято произведеніемъ графа Л. Н. Толстого „Война и Миръ“, которое явилось въ продажѣ пока тремя томами (четвертый выйдетъ, какъ мы слышали, на-дняхъ), обнимающими время съ 1805 по 1811 г. включительно. Романъ изданъ Чертковскою библіотекою довольно опрятно, разгонистымъ, крупнымъ шрифтомъ, какъ можно издавать только для дѣтей и стариковъ. Томы, исключая перваго, очень тонки (во второмъ 186 стр., въ третьемъ немногимъ больше); изъ-подъ обертки, съ внутренней стороны, торчатъ обрывки московскихъ афишъ. Мы говоримъ о внѣшности потому, что цѣна (7 р.), назначенная за романъ, безобразно дорога. Правда, Чертковская библіотека ничего дешево не издаетъ—дороговизна вошла у нея, какъ видно, въ обычай, но обычай, какъ бы ни былъ онъ ни съ чѣмъ несообразенъ, все-таки требуетъ соблюденія извѣстныхъ приличій. Несмотря, однако, на неприличную цѣну, романъ расходится быстро; онъ пошелъ бы во сто разъ лучше, если бы цѣна была соразмѣрна его объему.

Большая часть перваго тома была напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1866 года, подъ заглавіемъ „1805 годъ“; объ этой части мы говорили, въ свое время, довольно подробно, по мѣрѣ того, какъ появлялась она въ книжкахъ названнаго журнала. На ней мы не станемъ останавливаться...

---

*) „Русскій Инвалидъ“ 1868 г., № 11. Журнальныя и библіографическія замѣтки. Статья А. И-на, подъ заглавіемъ: „*Война и Миръ*. Соч. гр. Л. Н. Толстого. 3 тома. М. 1868 г.“

Графъ Л. Толстой задался мыслію изобразить русское общество въ первую половину царствованія императора Александра I. Для этого онъ сосредоточилъ интересъ своего произведенія на семействѣ графа Ростова, на графѣ Пьерѣ Безухомъ и семействѣ князя Болконскаго. Эти три семейства постоянно приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, захватывая въ свой кругъ лицъ второстепенныхъ предназначенныхъ играть какую-нибудь роль въ интригѣ романа, и лицъ совершенно эпизодическихъ, каковы, напримѣръ, императоры Александръ I и Наполеонъ. Сперанскій, Аракчеевъ, Багратіонъ, Кутузовъ и другія тогдашнія знаменитости; романистъ не забылъ даже г-жу Жоржъ и танцовщика Дюпора, которому платили, за его искусство, 60,000 рублей въ годъ.

Интрига романа крайне проста; развивается она съ тою естественною логикою или, пожалуй, естественною нелогичностью, которая существуетъ въ жизни. Ничего необыкновеннаго, ничего натянутаго, ни малѣйшихъ фокусовъ, употребляемыхъ даже талантливыми романистами. Это—спокойная эпопея, написанная поэтомъ-художникомъ, который выводитъ передъ вами живыя лица, анализируетъ ихъ чувства, описываетъ ихъ поступки съ безстрастіемъ пушкинскаго Пимена. Отсюда — достоинства и недостатки романа.

Въ семействѣ Ростовыхъ ярче другихъ выступаютъ молодой графъ Николай и сестра его Наташа. Около Николая, какъ его сослуживцы, замѣтны гусаръ Денисовъ и Долоховъ. Эти лица служатъ автору и для интриги и для описанія боевой жизни, ея будничныхъ и праздничныхъ явленій. Пьеръ, незаконнорожденный сынъ графа Безухаго, сдѣлавшись наслѣдникомъ громаднаго состоянія и титула своего отца, женился на Элленъ Курагиной, дочери министра, князя Василія Курагина, и силою обстоятельствъ, сталкивается съ Долоховымъ, Анатолемъ Курагинымъ, братомъ Элленъ и масонами. Молодой Болконскій, другъ Пьера, вступаетъ въ адъютанты къ Кутузову, и передъ авторомъ вся высшая военная администрація; раненный при Аустерлицѣ, Андрей Болконскій выходитъ въ отставку, потомъ снова поступаетъ

на службу и сталкивается съ Сперанскимъ и Аракчеевымъ. Вотъ кругъ, изъ котораго авторъ не выходитъ, послѣдовательно, глава за главою, останавливаясь то на семействѣ графовъ Ростовыхъ, то на семействѣ князей Болконскихъ, то, наконецъ, на Пьерѣ и его красавицѣ-женѣ. Если читатель припомнитъ изъ „1805 года", что Ростовы—аристократическое семейство, живущее широко, но отличающееся семейными добродѣтелями, ровными характерами, сохранившее нѣкоторый деревенскій, патріархальный складъ; что представитель князей Болконскихъ — старикъ - деспотъ, Пьеръ—просто добрый человѣкъ, по складу ума и воспитанію служащій звеномъ между аристократіею и образованными людьми, обязанными своимъ положеніемъ личнымъ своимъ качествамъ, а не происхожденію; что, наконецъ, министръ князь Василій Курагинъ—образецъ ловкаго придворнаго; если, говоримъ, все это припомнить, то будетъ ясно, что авторъ захватилъ въ своемъ изображеніи самые разнообразные типы и воспроизвелъ ихъ, по большей части, мастерски. Особенно ярко представленъ старикъ Болконскій—типъ деспота съ душою любящей, но испорченною привычкою властвовать. Необыкновенно тонко подмѣчены и развиты авторомъ малѣйшія черты этого характера, до сихъ поръ не являвшагося въ такой законченной, художественной формѣ. Графъ Л. Толстой остановился почти исключительно на средѣ аристократической, какъ болѣе ему знакомой, какъ ближе стоящей къ высшей администраціи—въ рукахъ той и другой были судьбы народа, судьба Россіи. Боги Олимпа и герои выступаютъ на первомъ планѣ; служебныя силы захвачены вскользь. Но, разсказывая интриги романа, мы остановимся на богахъ и герояхъ. Мы еще въ „1805 году". Князь Василій Курагинъ, онъ же министръ, заботится объ устройствѣ своей дочери, блистательной красавицы Эллепъ. Весь интересъ жизни князя составляли различные планы и соображенія насчетъ собственныхъ выгодъ. По увѣренію автора, онъ не думалъ „дѣлать зло для того, чтобы пріобрѣсть выгоду". На самомъ дѣлѣ изъ плановъ и соображеній князя выходитъ только зло. Онъ самымъ

безцеремоннымъ образомъ навязываетъ свою Элленъ Пьеру, и способу, употребленному имъ въ этомъ случаѣ, конечно, позавидовалъ бы величайшій пройдоха въ мірѣ. Бракъ этотъ для Пьера выходитъ самый несчастный. Элленъ—существо въ полной мѣрѣ развратное и притомъ глупое; она не останавливалась даже передъ ласками брату своему Анатолію: они влюбились другъ въ друга, и дѣло пошло бы далеко, если бы достопочтенные родители еще во время не удалили на нѣкоторое время Анатоля. Красота, однако, дѣлаетъ Элленъ героинею высшаго свѣта: она пріобрѣтаетъ репутацію d'une femme charmante, aussi spirituelle que belle. Принцъ де Линь пишетъ ей длинныя письма; секретари посольства и даже посланники повѣряли ей дипломатическія тайны; въ салонѣ ея говорилось о политикѣ, поэзіи и философіи; молодые люди прочитывали книги передъ вечеромъ Элленъ, чтобы было о чемъ говорить. Элленъ беззастѣнчиво говорила глупости и пошлости, и, однакоже, всѣ ею восхищались, восхищались даже ея глупыми и пошлыми сужденіями, находя въ нихъ какой-то глубокій смыслъ. Вокругъ этой богини, какъ уже сказано, группируется все лучшее. все избранное. Ее замѣтилъ даже Наполеонъ, когда она была въ Эрфуртѣ, и сказалъ своимъ приближеннымъ: „Quel bel animal!“ Эта фраза характеризуетъ ее лучше всего.

Вотъ первая богиня, которая намъ встрѣчается. Мы найдемъ затѣмъ другую, поэтическую, на которой особенно долго останавливается авторъ. Не желая нарушать хронологическаго порядка, усвоеннаго себѣ авторомъ, мы возвратимся къ эпопеѣ войны Русскихъ и Австрійцевъ съ Французами. Приближалась грозная Аустерлицкая битва. Въ войскахъ Шенграбенское дѣло подняло воинскій духъ. Около Ольмюца производится смотръ союзной арміи обоими императорами, Александромъ и Францемъ. Наполеонъ прислалъ письмо къ императору. Союзники, польщенные побѣдою, разумѣется, не думаютъ уступать, и въ этомъ смыслѣ положено написать отвѣтъ; но какъ адресовать его? Начались серьезныя пренія. Одинъ дипломатъ нашъ, Билибинъ, острякъ, очень удачно очерченный авторомъ, предлагалъ,

васъ въ ихъ жизнь, съ ея горемъ и радостями, съ такимъ стараніемъ подмѣчаетъ хорошія черты даже въ отъявленныхъ негодяяхъ, что, казалось бы, помянутое чувство вовсе незаконно. Передъ вами люди со всѣмъ ихъ внутреннимъ міромъ, и все-таки ваше наслажденіе не полно. Намъ кажется, что разгадка этому лежитъ прежде всего въ отношеніяхъ автора къ его героямъ, въ направленіи его таланта, въ томъ, что онъ, какъ выразились мы въ началѣ статьи, рисуетъ ихъ съ безстрастіемъ пушкинскаго Пимена или, пожалуй, поетъ о нихъ, какъ Гомеръ. Но между Гомеромъ и графомъ Толстымъ, между нами и греками, есть маленькая разница. Мы не младенчествующій народъ, съ безыскусственною жизнію, съ ребяческими вѣрованіями, съ полною гармоніею между чувствомъ и разсудкомъ, и „Война и Миръ"—не можетъ быть „Иліадою". Тамъ, гдѣ жизнь сложилась изъ противорѣчій, гдѣ явленія ея сложны, характеры постольку возбуждаютъ къ себѣ вниманія, поскольку важны они въ общественной дѣятельности, поскольку задѣваютъ они соціальные вопросы, тамъ гомеровское отношеніе къ героямъ и жизни невозможно. Тамъ невозможно анализировать чувства, анализа не стоющія, какъ бы ни былъ онъ вѣренъ; тамъ невозможно, съ одинаковымъ спокойствіемъ и самоуслажденіемъ описывать и прелести псовой охоты вмѣстѣ съ прелестями собаки Карея, и величественную красоту, и умѣнье негодяя Анатоля Курагина держать себя, и туалетъ барышень, отправляющихся на балъ, и страданія русскаго солдата, умирающаго отъ жажды и голода въ одной палатѣ съ разложившимися мертвецами, и такую ужасную бойню, какъ Аустерлицкая битва. Для автора словно не существуетъ ни великаго, ни малаго. „Въ Божіемъ мірѣ гармонія и красота,—въ Божіемъ мірѣ все одинаково заслуживаетъ вниманія", словно говоритъ онъ себѣ, почти постоянно воздерживаясь отъ ироніи и юмора. Вы скажете, что это и есть настоящее спокойствіе истиннаго художника; намъ же чуется въ этомъ какой-то художественный дилетантизмъ, какое-то пристрастіе къ тому, что красиво выглядываетъ, что тѣшитъ зрѣніе своимъ изяществомъ, граціею и блескомъ...

Вторая причина неполной удовлетворенности читателя зависитъ, по нашему мнѣнію, отъ самой эпохи. Несмотря на блескъ именъ и образность характеровъ, она производитъ какое-то сѣренькое впечатлѣніе. Быть можетъ, въ этомъ частію виноватъ и авторъ, слишкомъ много потратившійся на пустяки вслѣдствіе своего дилетантизма, но мы думаемъ, что если и виноватъ онъ, то именно частію только. Жизни общественной не было еще, если не считать баловъ и клубныхъ обѣдовъ; политическое сознаніе общества едва ли и начиналось; молодой государь, вступившій на престолъ съ искреннимъ желаніемъ реформъ, не находилъ кругомъ себя ни подготовленной почвы, ни дѣятелей. Общество, правда, ворошилось, но это едва ли было полное пробужденіе. Даже такіе огромные умы, какъ Сперанскій, дѣйствуютъ скорѣй ощупью, лихорадочно стараясь переносить въ родную страну все чужеземное и преклоняясь передъ Наполеономъ, который насаждалъ на развалинахъ революціи полный деспотизмъ. При такомъ порядкѣ вещей, при господствѣ канцелярской инщіативы, нѣтъ ничего мудренаго, что рядомъ съ Сперанскимъ выступаютъ впередъ и такія личности, какъ Аракчеевъ. Эпохи броженія, эпохи довольно безсознательнаго и, по тому самому, нерѣшительнаго исканія лучшаго очень пригодны какъ для людей талантливыхъ, такъ и для ловкихъ посредственностей. Бѣдность общественной жизни, которая не могла придать роману особенно яркихъ красокъ, заставила автора искать спасенія въ жизни семейной, въ анализѣ семейныхъ добродѣтелей и пороковъ. Но люди, выступающіе на этой аренѣ, не могутъ насъ сильно интересовать, особенно если они не далеко смотрятъ, если міръ ихъ воззрѣній крайне узокъ. Свадьбы, балы, кутежи, карточная игра, служба—вотъ что на умѣ той молодежи, которая изображена авторомъ. Только князь Андрей Болконскій и Пьеръ Безухій смотрятъ далѣе; они поэтому и сильнѣе интересуютъ читателя, хотя изображеніе Пьера не вполнѣ удалось автору. Изъ женскихъ личностей ярко выступаетъ впередъ Наташа Ростова, — это та поэтическая богиня,

надъ которою авторъ останавливается съ особенною любовью. Рѣзвая, смѣлая, надѣленная сильнымъ чувствомъ любви, граціей, ребяческой наивностью и глубокими поэтическими инстинктами, она кажется обворожительною съ перваго раза. Такое впечатлѣніе производитъ она на всѣхъ, кто съ нею сталкивается. Она и сама знаетъ себѣ цѣну и въ тайныхъ мечтахъ своихъ говоритъ о себѣ: „какая прелесть эта Наташа!" Постоянно влюбляясь, она, наконецъ, полюбила Андрея Болконскаго, и была съ нимъ обручена. Но, по настоянію старика Болконскаго, свадьба откладывается на цѣлый годъ, и женихъ уѣзжаетъ за границу. Наташа первые мѣсяцы спокойно переноситъ разлуку, но потомъ становится безпокойнѣе и безпокойнѣе. Ее мучитъ мысль, что она пропадаетъ даромъ, ни за что. „Ахъ, поскорѣй бы онъ пріѣхалъ, говоритъ она. Я такъ боюсь, что этого не будетъ! А главное: я старѣюсь, — вотъ что! Уже не будетъ того, что теперь во мнѣ есть". Она ходитъ какъ потерянная, словно ищетъ чего-то, и говоритъ матери: „Мама! Дайте мнѣ его, дайте, мама, скорѣе, скорѣе", и она едва удерживала дыханіе. Въ театрѣ, подъ настроеніемъ оперы, музыки, блеска, она встрѣчается съ молодымъ Анатолемъ, личностію глупою, пошлою и развратною до мозга костей. Анатоль подступаетъ къ ней съ нахальствомъ избалованнаго женщинами красавца, и побѣждаетъ разомъ. Она разомъ почувствовала, что „между нимъ и ею совсѣмъ нѣтъ той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собою и другими мужчинами. Она, сама не зная какъ, черезъ пять минутъ чувствовала себя страшно близкою къ этому человѣку". Психологическій анализъ борьбы, которая происходитъ въ Наташѣ между прежнимъ ея чувствомъ и теперешнимъ, развитъ авторомъ съ тою полнотою и правдою, которыя рѣдко встрѣтишь у другихъ писателей нашихъ. „Она представляла себя женою князя Андрея, представляла себѣ столько разъ повторенную воображеніемъ картину, картину счастія съ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, разгораясь отъ волненія, представляла всѣ подробности своего вчерашняго свиданія съ

Анатолемъ.—Отчего же этого не могло быть вмѣстѣ? ни гда, въ совершенномъ затменіи, думала она. Тогда толы я бы была совсѣмъ счастлива, а теперь я должна выбрат и ни безъ одного изъ обоихъ я не могу быть счастлива Судьба устроила такъ, что она осталась безъ обоихъ: кн зю Андрею она отказала, а съ Анатолемъ ей помѣша бѣжать. Предаваясь совершенному отчаянію, она говори роднымъ своимъ: „Зачѣмъ вы всему помѣшали! зачѣм зачѣмъ? кто васъ просилъ?“ И она права, негодуя на ро ныхъ. Анатоль негодяй—это правда, но съ нимъ она мог быть счастлива хоть нѣсколько дней, а теперь ей счаст не дали вкусить, а жизнь все-таки разбили. Дѣло въ том что Наташа—личность, богатая дарами природы, но эти д ры лежали втунѣ или совсѣмъ не воздѣланные, или ду но направленные.

У насъ нѣтъ еще четвертаго, послѣдняго тома „Войны Мира“: мы не знаемъ, что будетъ съ этою привлекател ною личностью, которую авторъ окружилъ всѣмъ обаяніем поэзіи. Гдѣ она является, тамъ является близко и жизн и вниманіе читателя приковывается къ ней. Сколько нам помнится, ни въ одномъ изъ прежнихъ произведеній авт ра не было женскаго характера, столь оригинальнаго, сто ярко опредѣленнаго...

Мы возвратимся еще къ роману съ полученіемъ четве таго тома...

„Русскій Инвалидъ“ 1868 г.—А. И—нъ.

* * *

*) Въ русской литературѣ давно не появлялось произве денія, въ такой степени обильнаго художественными до стоинствами, какъ новое сочиненіе графа Л. Н. Толстог „Война и Миръ“. Удивительный талантъ автора „Дѣтства и „Севастопольскихъ Разсказовъ“ выступаетъ на стран цахъ „Войны и Мира“ со всѣмъ огромнымъ запасомъ свое свѣжести и силы, со всею яркостью тѣхъ особенност

---

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1868 г., № 24. „Русская Литератур“ Статьи Z. (В. П. Буренина), подъ заглавіемъ: *Война и Миръ*, соч. гра Л. Н. Толстого. М. 1868 г.

которыми онъ заявлялъ себя въ прежнихъ беллетристическихъ работахъ, какъ большихъ, такъ и мелкихъ. Въ новомъ произведеніи графа Толстого каждое описаніе, начиная, положимъ, отъ мастерски набросанныхъ очерковъ Аустерлицкаго сраженія и кончая картинами псовой охоты, каждое лицо, начиная отъ первыхъ административныхъ и военныхъ дѣятелей александровскаго времени и кончая какимъ-нибудь русскимъ ямщикомъ Балагой, дышитъ жизнію, правдой и реализмомъ изображенія. Отъ гр. Толстого, впрочемъ, иной рисовки картинъ и лицъ ожидать нельзя: авторъ, по общему признанію, принадлежитъ къ числу первостепенныхъ писателей-художниковъ. Распространяться на этотъ счетъ и приводить изъ новаго сочиненія перлы художественныхъ красотъ для подкрѣпленія похвалъ и восторговъ мы считаемъ совершенно излишнимъ. Точно также считаемъ мы излишнимъ подробное указаніе на недостатки „Войны и Мира", безъ которыхъ, разумѣется, не обходится и это произведеніе. Авторъ не назвалъ свое сочиненіе романомъ, и сдѣлалъ это, конечно, не безъ причины. „Война и Миръ" не есть романъ уже потому, что авторъ набрасываетъ рядъ картинъ, болѣе или менѣе широкихъ, весьма мало заботясь о томъ, насколько размѣры и подробности этихъ картинъ необходимы для выясненія характеровъ изображенныхъ героевъ и ихъ отношеній другъ къ другу. Иногда за этими картинками герои положительно стушевываются и дѣлаются почти незамѣтными. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, должно быть вмѣнено въ недостатокъ повѣствователю съ точки зрѣнія обычныхъ эстетическихъ требованій. Кромѣ того, мѣстами сочиненіе графа Толстого представляется слишкомъ растянутымъ: мѣстами авторъ обдаетъ читателя такимъ изобиліемъ знаменитаго „тонкаго психологическаго анализа", что читатель положительно не понимаетъ, какъ можно расточать этотъ анализъ на вещи, зачастую нестоящія вниманія. Но все это, какъ и поистинѣ удивительныя художественныя красоты „Войны и Мира", конечно, не составляютъ самой сути новаго сочиненія. Вѣдь, не спеціально-же для высказыванія художественныхъ красотъ,

„психологическаго анализа“ и прочаго написатъ гр. Толстой сочиненіе въ нѣсколькихъ томахъ? Предположить что либо подобное, по нашему мнѣнію, значило бы обидѣт такое дарованіе, какое представляетъ авторъ „Войны и Мира“. Имѣя въ виду это обстоятельство, отклонимся от роли путеводителя по художественнымъ красотамъ новаго сочиненія и отъ указателя нѣкоторыхъ его недостатковъ и обратимъ вниманіе на его общій смыслъ, поскольку это возможно сдѣлать въ предѣлахъ газетной рецензіи.

Какъ читателямъ не безызвѣстно, графъ Толстой изображаетъ въ своемъ сочиненіи александровское время, начиная съ восемьсотъ-пятаго года, въ вышедшихъ покуда томахъ, по восемьсотъ двѣнадцатый годъ. Говорятъ, что впослѣдствіи авторъ намѣренъ идти рука объ руку съ своими героями до конца царствованія Александра I, т. е. до двадцать пятаго года. Не увлекаясь съ излишкомъ этими слухами, займемся покуда тѣмъ, что у насъ подъ руками. По преимуществу графъ Толстой сосредоточиваетъ свои старанія на изображеніи высшаго слоя тогдашняго общества. Въ этой сферѣ общества въ то время обнаруживалось жизненное движеніе: что же это за общество было и какого рода проявлялось въ немъ движеніе? Отвѣтъ на это мы находимъ, просматривая рядъ картинъ, которыя чертитъ намъ съ поразительной рельефностью даровитое перо автора. Намъ представляется пустота и безцвѣтность петербургской аристократически-придворной сферы въ образѣ Анны Павловны Шереръ и ея салоннаго общества. „La crême de la véritable bonne société“ Анны Павловны состоитъ изъ такихъ ничтожныхъ личностей и обнаруживаетъ въ своихъ политическихъ бесѣдахъ такую пустоту политическихъ воззрѣній и такое нравственное ничтожество, частію даже разнузданность, что становится какъ-то обидно даже при чтеніи мастерской характеристики „салона“ Анны Павловны. Въ этомъ салонѣ Наполеона зовутъ антихристомъ, и какой-то французскій виконтъ Мортемаръ, котораго хозяйка подаетъ гостямъ какъ вкусное блюдо, занимаетъ все общество анекдотомъ о томъ, что Наполеонъ убилъ герцога Энгіенскаго

изъ ревности къ m-lle George. Кромѣ этого виконта, у Анны Павловны фигурируютъ на первомъ планѣ блистательныя на видъ, но совершенно идіотическія по внутреннимъ качествамъ княжны и княгини, какой-то итальянскій аббатъ, занятый проектомъ всеобщаго мира, сынъ министра князь Курагинъ, или, какъ его именуютъ въ обществѣ, „le charmant Hippolyte“, великосвѣтскій фатъ, способный хвастаться передъ своими сверстниками не существующей связью между нимъ и свѣтскими красавицами, и прибѣгать, для приданія большаго вѣроятія своему хвастовству, къ самымъ постыднымъ уловкамъ, и, наконецъ, „тетушка“—нѣчто въ родѣ безмолвнаго идола, къ которому долженъ прикладываться каждый, входящій въ салонъ и проч. Два лица, выдающіяся въ этомъ „салонѣ“—Пьеръ Безухій и князь Андрей Болконскій — относятся одинъ съ недоумѣніемъ, другой съ презрѣніемъ къ этому пустому обществу и къ его политическимъ разговорамъ и сужденіямъ о революціи, Наполеонѣ и о прочемъ. Съ своей стороны, и оно встрѣчаетъ съ неодобреніемъ и ужасомъ всякія идеи, выходящія изъ уровня легитимистскихъ и анекдотическихъ воззрѣній французскаго виконта и остается довольнымъ лишенными смысла выходками князя Ипполита. Въ pendant фрейлинѣ Шереръ, однимъ изъ представителей петербургской придворной сферы можетъ служить министръ князь Василій Курагинъ—довольно ограниченный лицемѣръ и дипломатъ, способный на все ради выгодъ, стремящійся всѣми силами женить на богатыхъ невѣстахъ своихъ сынковъ, безнравственныхъ идіотовъ, и почти насильно обвѣнчивающій богача графа Безухаго съ своей красивой, глупой и отличающейся развратными наклонностями дочерью. Эта дочь — „прекрасная Элленъ“ — тоже въ своемъ родѣ одинъ изъ замѣчательныхъ типовъ тогдашняго аристократическаго общества. Обладая единственно блескомъ красоты, при полномъ отсутствіи всякихъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ, эта дама или—какъ о ней выразился Наполеонъ, увидавъ ее въ Эрфуртѣ — „c'est un superbe animal“, пріобрѣла себѣ въ петербургскомъ высшемъ обществѣ ре-

путацію „d'une femme charmante, aussi spirituelle que belle“ Она тоже организовала свой „салонъ“. Извѣстный петербургскій дипломатъ Билибинъ приберегалъ свои mots, чтобы въ первый разъ сказать ихъ въ этомъ салонѣ; молодые люди прочитывали книги передъ вечерами Эллепъ, чтобы было о чемъ говорить въ ея салонѣ, и секретари посольства и даже посланники, повѣряли ей дипломатическія тайны, такъ что она была силой въ нѣкоторомъ родѣ. Положимъ, что красота есть великая вещь; но только въ совершенно-ничтожномъ и пустомъ обществѣ подобная женщина могла получить такое значеніе и вліяніе.

Таково было петербургское общество въ его обычныхъ, не выходящихъ изъ уровня герояхъ, и таковы были его интересы. Весьма естественно, что людямъ, сознающимъ въ себѣ хоть какія-нибудь силы и какіе-нибудь задатки живой дѣятельности, въ подобной средѣ тяжело и невыносимо, и они ищутъ выхода изъ этой безотрадной пустоты. Одни изъ нихъ, какъ офицеръ Долоховъ—энергическая натура, надѣленная сильнымъ характеромъ—ищутъ исхода въ безобразномъ кутежѣ, игрѣ, дикомъ удальствѣ и съ какимъ-то отчаяніемъ заглушаютъ въ себѣ всякіе порывы на что-либо. Другіе, какъ князь Андрей Болконскій, рвутся къ политической и общественной дѣятельности и, не имѣя въ себѣ надлежащей выдержки, постигаютъ невозможность для себя настоящаго, полезнаго дѣла на этомъ пути; третьи, какъ графъ Пьеръ Безухій... впрочемъ, покуда пропустимъ это лицо и обратимъ по преимуществу вниманіе на князя Андрея Болконскаго, такъ какъ онъ герой и едва-ли не самый главный въ произведеніи графа Толстого и такъ какъ эта личность отдѣлана авторомъ съ особымъ стараніемъ и представляется интересной во многихъ отношеніяхъ.

Князь Андрей Болконскій, сынъ генералъ-аншефа Болконскаго, сосланнаго при Павлѣ I на жительство въ деревню, является предъ нами съ самаго начала разочарованнымъ въ своемъ счастіи и въ своей жизни. „Je suis un homme fini“, говоритъ онъ о себѣ въ цвѣтѣ силъ и моло-

дости, обладая красавицей-женой и пользуясь ролью въ обществѣ. Красавица Болконская (превосходно обрисованная г. Толстымъ до мелочныхъ подробностей), которую въ большомъ свѣтѣ именуютъ „маленькой княгиней", кажется князю Андрею, уразумѣвшему вполнѣ ея свѣтскую прелесть и ничтожество, тяжелой обузой. Онъ говоритъ, что, женившись, связалъ себя, что все хорошее въ немъ тратится по мелочамъ. „Не женись", поучаетъ онъ своего пріятеля: „ежели ты ждешь отъ себя чего-нибудь впереди, то на каждомъ шагу будешь чувствовать, что для тебя все кончено, все закрыто, кромѣ гостиной, гдѣ ты будешь стоять на одной доскѣ съ придворнымъ лакеемъ и идіотомъ. Свяжи себя съ женщиной и, какъ скованный колодникъ, потеряешь свою свободу. Гостиныя, сплетни, балы, тщеславіе, ничтожество — вотъ заколдованный кругъ, изъ котораго я не могу выйти!" И, чтобъ порвать связи съ этимъ заколдованнымъ кругомъ, съ этимъ „глупымъ обществомъ", онъ рѣшается покинуть и жену и большой свѣтъ, и, очертя голову, отправиться на войну въ дѣйствующую армію. Для чего онъ туда пойдетъ, во имя чего будетъ сражаться— онъ не даетъ себѣ яснаго отчета. Онъ считаетъ Наполеона великимъ человѣкомъ и образцомъ для себя и, между тѣмъ, идетъ биться противъ него и противъ его замысловъ, которые онъ признаетъ геніальными. Онъ идетъ на войну потому, что жизнь, которую онъ велъ среди аристократическаго общества, не по немъ. Не зная, куда пріурочить свою энергію, не зная, чѣмъ заглушить въ себѣ тоску отъ пустоты и праздности окружающихъ его людей, онъ съ отчаянія бросается туда, гдѣ думаетъ найти блестящую арену для своихъ недюжинныхъ способностей. И что же встрѣчаетъ онъ на этой блестящей аренѣ? Благодаря протекціи своего отца, онъ дѣлается адъютантомъ Кутузова и, слѣдовательно, получаетъ возможность видѣть во всемъ объемѣ ту дѣятельность, къ которой онъ бросился съ тоски, и участвовать въ этой дѣятельности въ значительной мѣрѣ. Въ видѣ пролога къ настоящей военной трагикомедіи, въ которой ему приходится видѣть армію и ея глав-

нокомандующаго подъ Аустерлицемъ, онъ участвуетъ въ стычкѣ съ Мортье и въ Шенграбенскомъ сраженіи, гдѣ съ одной стороны видитъ всю стойкость и храбрость русскихъ войскъ, и съ другой убѣждается въ печальномъ положеніи нашей арміи; убѣждается въ томъ, что въ сраженіяхъ не всегда заслуживаютъ репутацію храбрецовъ и совершителей великихъ подвиговъ люди, въ самомъ дѣлѣ оказавшіе храбрость и сдѣлавшіе въ битвахъ нѣчто необыкновенное, что въ дѣйствительности бываетъ совершенно напротивъ. Человѣка, который въ Шенграбенскомъ сраженіи оказалъ чудеса храбрости, истинно честной и простой, безъ всякой фразировки и затаенной цѣли отличиться — капитана Тушина не только не награждаютъ и не благодарятъ за подвигъ, но, напротивъ, еще осуждаютъ за неисправность во время битвы, тогда какъ ея успѣхъ былъ по преимуществу слѣдствіемъ его распорядительности, неустрашимости и вѣрнаго исполненія своего солдатскаго долга. Князь Андрей выноситъ грустное, тяжелое впечатлѣніе изъ этой битвы. Все, что онъ видитъ, кажется ему такъ непохожимъ на то, чего онъ надѣялся. Аустерлицкая битва и предшествовавшіе ей дни еще болѣе убѣждаютъ Болконскаго въ тщетѣ его надеждъ и разочаровываютъ въ военной дѣятельности. Тутъ князь Андрей имѣетъ случай увѣриться въ томъ, что русское войско играетъ самую несчастную роль во всей этой несчастной кампаніи, особенно въ послѣдніе дни передъ ея трагической развязкой — Аустерлицемъ. Планъ этой битвы заранѣе обдуманъ во всѣхъ мелочахъ австрійскимъ генераломъ Вейротеромъ, и партія молодыхъ генераловъ въ русскомъ войскѣ вполнѣ одобряетъ его и рвется къ сраженію. Одинъ старикъ Кутузовъ предвидитъ заранѣе печальный исходъ дѣла, и не желаетъ вступить въ генеральное сраженіе. Но онъ не можетъ ничего сдѣлать противъ партіи, восторжествовавшей во мнѣніи обоихъ государей, русскаго и австрійскаго, и предпочитаетъ махнуть рукой и предоставить все теченію событій. Превосходно у г. Толстого изображено засѣданіе военнаго совѣта наканунѣ битвы, въ которомъ Багратіонъ — лучшій

генералъ арміи—отказывается присутствовать,—а Кутузовъ спитъ или, по крайней мѣрѣ, притворяется спящимъ въ то время, когда Вейротеръ читаетъ труднѣйшую и сложнѣйшую диспозицію сраженія. Въ диспозиціи этой съ нѣмецкой аккуратностью предусматривались всѣ имѣющія воспослѣдовать движенія непріятеля, и упускалось изъ виду одно только — военный геній Наполеона. Когда Вейротеръ кончилъ чтеніе, Кутузовъ проснулся, тяжело откашлялся и, оглянувъ генераловъ, сказалъ:

— Господа, диспозиція на завтра, даже на нынче, потому что уже первый часъ, не можетъ быть измѣнена. Вы ее слышали, и всѣ мы исполнимъ нашъ долгъ. А передъ сраженіемъ нѣтъ ничего важнѣе... (онъ помолчалъ), какъ выспаться хорошенько.

Такъ кончилъ главнокомандующій комическое засѣданіе совѣта, а предъ началомъ засѣданія, на вопросъ князя Андрея: „что думаетъ онъ о завтрашнемъ сраженіи?“, сказалъ ему: — „Я думаю, что сраженіе будетъ проиграно, и я такъ сказалъ графу Толстому и просилъ его это передать государю. — Что же, ты думаешь, онъ мнѣ отвѣтилъ? Eh, mon cher general, je me mèle du riz et des côtelettes, mêlez vous des affaires de la guerre. Да... Вотъ что мнѣ отвѣчали!“ Нельзя сказать, чтобы подобные уроки, на какіе приходится наталкиваться князю Болконскому, способствовали очень къ оживленію и усиленію благородныхъ его мечтаній о великой дѣятельности на военномъ поприщѣ и надеждъ уподобиться современемъ Наполеону, котораго за образецъ беретъ себѣ князь Андрей. И однако же, несмотря на то, что опытъ военной карьеры ежедневно показываетъ князю Андрею, на полѣ битвы, въ моментъ, когда пораженіе несомнѣнно, и русскія войска бѣгутъ уже безъ всякой надежды, онъ кидается геройски впередъ, думая, что для него „насталъ Тулонъ“... Слѣдуетъ изъ романа выписка, какъ образецъ превосходнѣйшей картины, начинающаяся словами: „Войска бѣжали такой густой толпой, что, разъ попавши въ середину толпы, трудно было изъ нея выбраться“...

Заканчивается выписка словами: „...Но и того даже нѣтъ кромѣ тишины, успокоенія. И слава Богу“!...

Уразумѣвъ совершенную тщету своихъ военныхъ подвиговъ, князь Андрей возвращается съ поля битвы, израненный и физически и нравственно, къ своему семейству. Только пріѣзжаетъ онъ, и ему приходится хоронить „маленькую княгиню“, подарившую мужу сына и скончавшуюся отъ родовъ. Сокрушенный нравственно, князь на нѣкоторое время думаетъ, что ему осталось только одно въ этомъ мірѣ — сынъ и его воспитаніе. Онъ живетъ въ уединеніи и работаетъ надъ собой вдали отъ всякаго движенія жизни. Въ своемъ уединеніи онъ доходитъ до узкаго эгоистическаго взгляда на все существующее и на свои отношенія ко всему существующему. Впрочемъ, его усиленное отчужденіе себя отъ жизни и сомнѣнія въ томъ, что онъ не нуженъ для ея общаго теченія, продолжаются не особенно долго. Энергія вновь воскресаетъ въ немъ, и воскресаетъ отъ чисто случайнаго толчка. Онъ побѣждаетъ свое душевное охлажденіе къ дѣятельности различными доводами логики. Ему снова кажется, что богатство жизненнаго опыта и теоретическихъ знаній, имъ пріобрѣтенныхъ въ уединеніи, не должны пропасть даромъ, что жизнь, его окружающая, не должна идти независимо отъ его жизни. Словомъ, въ немъ совершается переломъ, и онъ ѣдетъ въ Петербургъ съ цѣлью поработать, сколько силъ хватитъ, для общей пользы. Съ этимъ-то настроеніемъ князь Андрей попадаетъ въ Петербургъ во время „апогея славы молодого Сперанскаго и энергіи совершаемыхъ имъ переворотовъ“. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, князь Андрей является ко двору на выходъ. Но его не замѣчаютъ, и онъ не рѣшается лично подать государю составленную имъ записку о военномъ уставѣ — плодъ его соображеній и первый трудъ, которымъ онъ надѣется заявить себя. Старый фельдмаршалъ, другъ его отца (какъ читатель видитъ, князь пользуется второй разъ протекціей генералъ-аншефа), докладываетъ объ этой запискѣ государю. Черезъ нѣсколько дней князю объявлено, что онъ имѣетъ явиться къ военному министру, графу Аракчееву“... (Вы-

писывается изъ романа встрѣча Аракчеевымъ князя Андрея)...

„Послѣ этого дебюта передъ Аракчеевымъ, князь Андрей знакомится съ Сперанскимъ и сперва увлекается умомъ и реформаторскимъ геніемъ этого человѣка, который ему кажется однимъ изъ великихъ дѣятелей эпохи; но потомъ, увидѣвъ Сперанскаго въ его частномъ личномъ быту и замѣтивъ въ немъ нѣкоторую мѣщанскую посредственность и умѣренность, князь Андрей съ пренебреженіемъ истинно-аристократическимъ отвертывается отъ привлекавшаго его къ себѣ неодолимо кумира. Черты „обыкновенности", замѣченныя княземъ Андреемъ въ Сперанскомъ, проясняютъ его воззрѣніе разомъ:

„Вернувшись домой (съ интимнаго обѣда у Сперанскаго), князь Андрей сталъ вспоминать свою петербургскую жизнь за эти четыре мѣсяца, какъ будто что-то новое. Онъ вспоминалъ свои хлопоты, искательства, исторію своего проекта военнаго устава, который былъ принятъ къ свѣдѣнію, и о которомъ старались умалчивать единственно потому, что другая работа очень дурная, была уже сдѣлана и представлена государю; вспомнилъ, какъ въ засѣданіяхъ комитета старательно и продолжительно обсуживалось все, касающееся формы и процесса засѣданій, и какъ старательно обходилось все, что касалось сущности дѣла. Онъ вспомнилъ о своей законодательной работѣ, о томъ, какъ онъ озабоченно переводилъ на русскій языкъ статьи римскаго и французскаго свода, и ему стало совѣстно за себя. Потомъ онъ живо представилъ себѣ свои занятія въ деревнѣ, своихъ мужиковъ и, приложивъ къ нимъ права лицъ, которыя онъ распредѣлялъ по параграфамъ, ему стало удивительно, какъ онъ могъ такъ долго заниматься такой праздной работой".

Сдѣлавъ такое прискорбное для самаго себя заключеніе, князь Болконскій кидается искать утѣшенія въ любви къ дѣвочкѣ, характера замѣчательнаго по оригинальности, поэтической прелести, но, тѣмъ не менѣе, еще не сформировавшейся вполнѣ. На этомъ пунктѣ покуда мы и разстанемся съ Болконскимъ въ первыхъ трехъ томахъ романа гр. Толстого.

Изъ похожденій героя „Войны и Мира“, представленныхъ нами въ краткомъ и совершенно обнаженномъ отъ всякихъ поэтическихъ прикрасъ (обильно разсыпанныхъ авторомъ) изложеніи можно извлечь слѣдующіе выводы.

Въ Андреѣ Болконскомъ мы видимъ типъ благороднаго и, по своей натурѣ, далеко недюжиннаго человѣка, воспитаннаго пустою общественной средой, изъ которой онъ, вслѣдствіе силы своего характера, рвется вонъ. У него есть неопредѣленные идеалы, есть стремленіе осуществить ихъ, и онъ мечется въ жизни ради этихъ идеаловъ и покорный этому стремленію. Но, съ одной стороны, ему мѣшаетъ самая жизнь, не давая надлежащей почвы для его стремленій, съ другой—туманность и непріуроченность къ дѣйствительности его фантазій. Онъ мечтаетъ о „своемъ Тулонѣ“ на поприщѣ войны, глядитъ нѣкоторымъ образомъ въ Наполеоны, и между тѣмъ сокрушается и унываетъ духомъ при первыхъ же горькихъ урокахъ, съ которыми встрѣчается на этомъ поприщѣ. Онъ идетъ на войну безъ опредѣленной полезной цѣли. Его цѣль—военная слава, въ нѣкоторомъ родѣ искусство для искусства, и задавшись такою цѣлью, онъ предполагаетъ обнаружить себя наполеоновскими подвигами. Если-бъ онъ шелъ сражаться не ради разочарованія въ окружающемъ его, не ради мечтаній о славѣ, а ради дѣйствительной существенной потребности отстоять отъ враговъ дѣло родное и святое для него, или ради торжества какихъ-нибудь дорогихъ его сердцу убѣжденій, сроднившихся со всѣмъ его нравственнымъ существомъ, то ему не пришлось бы опустить крылья на первыхъ порахъ, онъ пренебрегъ бы всякими тяжелыми впечатлѣніями дѣйствительности и нашелъ бы для себя „свой Тулонъ“, или, упавъ раненымъ на полѣ битвы, возсталъ бы не съ сознаніемъ разбитаго въ самыхъ смѣлыхъ надеждахъ человѣка, а съ энергіей героя, готоваго при первомъ удобномъ случаѣ вознаградить новыми подвигами несчастіе первыхъ шаговъ по пути своихъ стремленій. Почти то же можно сказать о второмъ періодѣ дѣятельности князя Андрея. И тутъ онъ принялся за служеніе дѣлу, очевидно, не опредѣливъ

себѣ предварительно, для чего онъ его намѣренъ дѣлать, для кого по преимуществу окажется полезнымъ это дѣло и въ какой мѣрѣ оно возможно въ дѣйствительности. Отсутствіе этого сознанія, этой опредѣленности, повело къ быстрому охлажденію, къ обезсиленію, къ признанію своей работы совершенно праздной и никому не нужной.

То, что мы видимъ достаточно наглядно въ главномъ героѣ „Войны и Мира" и менѣе рельефно въ нѣкоторыхъ другихъ лицахъ этого романа, можно замѣтить въ дѣятельности цѣлаго общества той эпохи, которую обрисовываетъ гр. Толстой въ первыхъ трехъ томахъ своего произведенія. Все, что считалось развитымъ въ первую половину александровскаго царствованія, рвалось къ осуществленію какихъ-то не совсѣмъ ясныхъ и, главное, не пріуроченныхъ къ дѣйствительности идеаловъ. Люди, принадлежавшіе къ образованному меньшинству того времени, считавшіе себя по развитію европейскими людьми, толкались на путь дѣятельности во всякаго рода двери, начиная отъ дверей придворныхъ и административныхъ преобразованій сверху и кончая дверями безплоднаго, чисто-формальнаго филантропическаго мистицизма. Главнымъ мотивомъ, который руководилъ дѣятельность тогдашнихъ людей, было непреодолимое желаніе занять чѣмъ-нибудь свою жизнь. Грубое самодовольное проживаніе на чужой счетъ, на счетъ отягченнаго рабствомъ народа, тогда начало казаться для многихъ, если не преступнымъ, то предосудительнымъ. Это сознаніе назойливо шевелилось въ глубинѣ всѣхъ, не совсѣмъ дюжинныхъ умовъ и, чтобы заглушить его, необходима была какая-нибудь дѣятельность. Прежде всего, разумѣется, эта дѣятельность устремлялась на тѣ пути, по которымъ ходить было легче — на жажду военной славы и на преобразовательные проекты. Порывъ къ военнымъ подвигамъ „изъ любви къ человѣчеству" и противъ „врага человѣческаго рода" кончился Аустерлицемъ. Преобразовательные проекты—опалой Сперанскаго и возвышеніемъ Аракчеева. Какимъ бы путемъ пошли далѣе стремленія тогдашняго образованнаго общества, если-бъ не наступилъ двѣнадцатый годъ

и послѣдовавшія за нимъ событія—неизвѣстно. Но въ этотъ новый періодъ на сцену жизненной дѣятельности выступилъ новый элементъ—народъ, который заявилъ о себѣ довольно крупно. Пробужденіе этой коренной силы было маякомъ, который указалъ направленіе многимъ бродившимъ и путавшимся безъ цѣли стремленіямъ образованной среды...

Часть этой среды поняла, что всѣ усилія и всѣ стремленія должны быть направлены на путь дѣятельности во имя этого народа, для блага этого народа, на расчищеніе препятствій на этомъ пути. Другая часть тоже поняла это и, вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣвъ, что при этомъ придется поступиться многимъ изъ такихъ существенныхъ основъ дѣйствительности, разрушенія которыхъ отнюдь не предполагалось при прежнихъ канцелярскихъ и кабинетныхъ реформахъ—кинулась въ реакцію. Съ одной стороны, образованное общество примкнуло къ аракчеевщинѣ; съ другой... Впрочемъ, мы забѣжали впередъ и говоримъ о такомъ времени, которое покуда еще не затронуто въ вышедшихъ томахъ графа Толстого.

Разставаясь съ „Войною и Миромъ“, мы извиняемся передъ читателями за то, что занялись по преимуществу однимъ героемъ и забыли о другихъ, изъ которыхъ иные (напримѣръ, графъ Пьеръ Безухій) интересны не въ меньшей степени. Впрочемъ, мы еще думаемъ вернуться къ роману гр. Толстого при появленіи его окончанія, и тогда будемъ имѣть случай побесѣдовать и о многомъ другомъ, на что намъ теперь не пришлось обратить вниманія въ романѣ.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1868 г. Статья Z (В. Буренина).

* * *

*) Первые три тома романа, появленію котораго въ свѣтъ предшествовали такіе громкіе толки, поступили, наконецъ, въ продажу и нарасхватъ разбираются читателями; четвертый и послѣдній томъ тоже, вѣроятно, не замедлитъ. Въ обществѣ успѣхъ романа графа Л. Н. Толстого „Война

*) „Голосъ“ 1868 г., № 11. „Библіографія и журналистика“. „Война и Миръ“. Соч. гр. Л. Н. Толстого.

и Миръ“ и теперь уже огромный, обѣщаетъ возрасти еще больше, съ появленіемъ четвертаго тома, на страницахъ котораго выступитъ, какъ слышно, 1812 г. Что же можетъ сказать критика объ этомъ новомъ произведеніи даровитаго автора? Критика подкуплена поэтической прелестью изложенія, и не рѣшается на строгій судъ. Въ новомъ романѣ графа Толстого тѣ же литературные пріемы, которые такъ плѣняли читателей въ первыхъ его произведеніяхъ, въ его „Дѣтствѣ“ и „Отрочествѣ“, тотъ же подробный, чрезвычайно тонкій психологическій анализъ. Только размахъ этого анализа теперь гораздо шире. Тамъ разборъ душевныхъ ощущеній, внутренняго міра отдѣльной личности и тѣснаго кружка близкихъ къ нему людей: тутъ характеристика цѣлой эпохи, одной изъ знаменательнѣйшихъ во всей нашей исторической жизни. Тамъ вымышленныя лица; тутъ Сперанскій, Магницкій, Багратіонъ, Кутузовъ, самъ Александръ, и потомъ цѣлый рядъ очень извѣстныхъ второстепенныхъ дѣятелей, подъ болѣе или менѣе прозрачными псевдонимами. Первыя страницы романа, подъ названіемъ „1805 г.“, были уже напечатаны въ нѣсколькихъ номерахъ „Русскаго Вѣстника“ и заключаютъ въ себѣ мастерскую характеристику русскаго высшаго общества въ первые годы царствованія Александра I, а также художественное изображеніе, если не всей первой войны съ Императоромъ Наполеономъ, то по крайней мѣрѣ, отдѣльныхъ наиболѣе выдающихся эпизодовъ ея. Теперь къ 1805 г. присоединяется эпоха преобразованій, война 1807 г., эрфуртское и тильзитское свиданія, 1812 г.; при чемъ романъ изображаетъ событія первой четверти нынѣшняго столѣтія не въ сухой исторически-объективной картинѣ, а въ животрепещущемъ субъективномъ представленіи, въ той мѣрѣ и въ томъ видѣ, въ какомъ эти событія отражались на тогдашнемъ обществѣ...“ (Далѣе слѣдуетъ разборъ: Александра I, Пьера Безухаго, Андрея Болконскаго и Наташи Ростовой. См. въ этой же книгѣ разборы отдѣльныхъ лицъ романа...“).

„Собственно романическая часть не занимаетъ перваго мѣста въ сочиненіи графа Толстого. Главный характеръ

этого сочиненія составляетъ изображеніе эпохи, изображеніе русскаго общества въ царствованіе Александра I. Въ этомъ изображеніи не слѣдуетъ, однако, искать цѣльности, полноты и строгой системы. Это не законченная картина, а рядъ прелестныхъ, но отрывочныхъ очерковъ. Такъ, мастерски изображая тонъ разговоровъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, всегда настроенныхъ соотвѣтственно намѣреніямъ и чувствамъ двора въ данную минуту, авторъ безъ достаточной осязательности показываетъ переходъ отъ времени, когда Наполеона называли „господиномъ Бонапарте“, къ тому времени, когда онъ, послѣ тильзитскаго свиданія, величался уже въ нашихъ гостиныхъ „императоромъ Наполеономъ“. И тотъ и другой моменты изображены въ романѣ; но не показано, какъ и почему совершилась эта перемѣна. Поэтически описывая отдѣльные эпизоды, хотя бы, напримѣръ, аустерлицкаго сраженія, авторъ вовсе не даетъ намъ общаго о немъ представленія, какъ не даетъ понятія о объ общемъ ходѣ кампаній 1805 и 1807 годовъ. Художнически обрисовывая образъ Кутузова или Багратіона въ отдѣльные моменты ихъ боевой дѣятельности, авторъ не даетъ намъ ихъ цѣлыхъ характеровъ. Правда, онъ можетъ предполагать ихъ извѣстными. Правда также и то, что описаніе шенграбенскаго или голабрунскаго сраженія (въ 1805 году), гдѣ горсть русскихъ выдерживала напоръ цѣлаго французскаго корпуса (Мюрата), одно изъ лучшихъ описаній въ нашей литературѣ. Неустрашимая атака двухъ баталіоновъ 6-го егерскаго полка подъ личнымъ предводительствомъ князя Багратіона; необыкновенный военачальническій тактъ Багратіона, который, зная, что битва должна быть кровавою и что отъ войскъ его отряда требуется только неустрашимость, „не отдавалъ никакихъ приказаній, а только старался дѣлать видъ, что все, что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ, дѣлалось хоть не по его приказанію, но совершенно согласно съ его намѣреніями“, и этимъ ободрялъ и успокоивалъ и начальниковъ и солдатъ: все это изображено у автора съ исторической вѣрностью и съ поэтической правдой. Въ цѣломъ сочиненіи

графа Толстого, все-таки, недостаетъ нѣкоторой окончательной отдѣлки. Желая изобразить въ высшемъ русскомъ обществѣ пренебреженіе ко всему русскому, доходившее до того, что генералы передъ строемъ своихъ войскъ и въ виду французскихъ колоннъ объяснялись между собою и даже отдавали свои приказанія по французски, а русскіе дипломаты въ свои французскія рѣчи и французскія письма вставляли по-русски только названія предметовъ, для нихъ особенно презрительныхъ (notre православное русское воинство, иронически выражался нѣкто Билибинъ, секретарь посольства при вѣнскомъ дворѣ), авторъ неумѣренно употребляетъ французскій языкъ въ своемъ сочиненіи. Цѣлыми страницами тянутся у него длинные французскіе діалоги и еще болѣе длинныя французскія письма съ подстрочными къ нимъ переводами. То, что было бы совершенно умѣстно въ какихъ-нибудь мемуарахъ или историческихъ запискахъ, совершенно неумѣстно въ художественномъ произведеніи, требующемъ обработки и нетерпящемъ сырыхъ матеріаловъ. По выходѣ четвертаго тома сочиненія „Война и Миръ“, мы вернемся еще къ общему значенію этого произведенія.

Статья изъ „Голоса“ за 1868 г.

* * *

*) Въ фельетонѣ „Голоса“ (№ 14) между прочимъ говорится о романѣ „Война и Миръ“ слѣдующее:

„Какъ далеко нынѣшнее положеніе нашего войска отъ того тяжелаго, безвыходнаго положенія, при которомъ оно совершало въ началѣ нынѣшняго столѣтія невѣроятные подвиги храбрости, превосходно описанные въ новомъ романѣ графа Л. Н. Толстого, о которомъ уже былъ данъ отчетъ въ „Голосѣ“, и который нарасхватъ раскупается публикою, и какъ знаменателенъ тотъ фактъ, что измѣненіе къ лучшему въ положеніи нашего солдата произошло въ эпоху,

---

*) „Голосъ“ 1868 г., № 14. „Прошлая Недѣля“. „(Романъ гр. Л. Толстого и различіе между нынѣшнимъ обществомъ нашимъ и русскимъ обществомъ временъ Александра I-го)“. Ст. X. Л.

совершенно почти чуждую тѣхъ общихъ стремленій и мистическихъ идеаловъ, которые отличали время, описанное графомъ Л. Н. Толстымъ! Вообще, необыкновенно интересно, при чтеніи романа „Миръ и Война“, останавливаться на вопросѣ: отчего тогдашнее, несомнѣнно либеральное и гуманное настроеніе принесло такъ мало плодовъ, и отчего отсрочилось на много лѣтъ исполненіе задуманныхъ въ то время реформъ? Рядъ мастерскихъ картинъ, въ которыхъ авторъ знакомитъ насъ съ тогдашнимъ развитымъ и стремившимся къ реформамъ обществомъ, даетъ, какъ намъ кажется, хотя и косвенный, но довольно ясный отвѣтъ на это. Гдѣ, въ какихъ слояхъ общества господствовали въ то время духъ реформъ и гуманныя стремленія? Исторія и романъ графа Л. Н. Толстого прямо отвѣчаютъ намъ: „въ высшихъ слояхъ“. Всѣ тогдашніе реформаторы, мистики, масоны и проч. принадлежали въ большинствѣ къ высшему кругу, вовсе не знали — да врядъ ли и считали нужнымъ знать—русскій народъ, его потребности, его положеніе, его отношенія къ власти. Они мечтали облагодѣтельствовать Россію изъ своихъ кабинетовъ, по разнымъ либеральнымъ книжкамъ иностранныхъ мыслителей. Это, конечно, ни къ чему не привело, и не могло привести, потому что народъ не понимаетъ и не хочетъ понимать отвлеченныхъ мыслителей. Если нынѣ реформы, задуманныя законодателемъ, успѣшно принялись на нашей почвѣ, то это произошло потому именно, что въ своихъ подробностяхъ онѣ были разработаны людьми, болѣе знакомыми съ народомъ, чѣмъ наши реформаторы первыхъ годовъ царствованія Александра I, да еще подъ вліяніемъ *общественнаго мнѣнія*, не существовавшаго въ ту эпоху, когда все наше развитое общество ограничивалось почти небольшой группой либеральствовавшихъ представителей высшаго сословія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что свѣтлыя личности изъ тогдашняго развитого общества, выведенныя на сцену авторомъ „Мира и Войны“, глубоко симпатичны: но къ сочувствію, ими возбуждаемому, какъ-то невольно примѣшивается чувство соболѣзнованія. Всѣ эти лица кажутся какими-то

оторванными отъ почвы, какими-то *нерусскими* людьми; въ нихъ трудно узнать потомковъ доблестныхъ дѣятелей старой Руси.

Только въ бою да въ увлеченіяхъ жизни сказывается ихъ происхожденіе—во все же другое время они прежде всего европейцы, и очень мало русскіе. Ихъ интересуетъ, что скажетъ о Россіи „генералъ Бонапартъ“ и „господинъ Сіесъ“, въ масонскихъ ложахъ они подчиняются главенству иноземныхъ вождей, ищутъ своихъ идеаловъ въ иностранныхъ дѣятеляхъ... Это доходитъ до того, что позднѣе, въ отечественную войну 1812 года, русскіе генералы и офицеры стараются подражать Мюрату, носятъ въ бою дорогое, усыпанное драгоцѣнными камнями оружіе, опоясываются турецкими шалями и бесѣдуютъ по-французски передъ рядами своихъ солдатъ.

Такимъ вожакамъ трудно было преобразовать общественный строй; задуманныя ими реформы оказывались или вполнѣ несущественными или приводили къ грустнымъ результатамъ. Все это, конечно, не высказано прямо въ романѣ графа Л. Н. Толстого, но все это невольно приходитъ на мысль при чтеніи его и уясняетъ намъ, почему Россіи пришлось такъ долго ждать осуществленія благихъ замысловъ императора Александра І-го и почему въ то время замыслы эти кончились подвигами Аракчеева, совершавшимися въ одно время съ процвѣтаніемъ мистицизма г-жи Крюднеръ.

Новый романъ графа Л. Н. Толстого, конечно, самое крупное событіе въ нашемъ литературномъ мірѣ, но оно не одно. Рядомъ съ нимъ насъ ожидаютъ въ самомъ непродолжительномъ времени другія, хотя и менѣе крупныя, но, все-таки, нелишенныя интереса явленія въ литературѣ. На дняхъ снова должна выступить на литературное поприще цѣлая группа писателей, молчавшихъ въ послѣднее время. Интересно, конечно, будетъ встрѣтиться съ этими старыми знакомыми и посмотрѣть, какіе плоды имѣло ихъ продолжительное молчаніе“.

Изъ „Голоса“. Статья Х. Л.

*) Ни одинъ, быть можетъ, періодъ нашего прошедшаго не имѣетъ для насъ большей занимательности, какъ время царствованія Александра. По интересамъ, волновавшимъ то время, эта эпоха наиболѣе намъ близка. Еще тогда лучшія русскія силы стремились провести тѣ реформы въ общественной жизни, которыя осуществляются только теперь, а многое изъ того, что для Александровскаго времени было поставленною, но еще не разрѣшенною задачею, остается такою же и для насъ. При такомъ сходствѣ современныхъ намъ интересовъ съ интересами того времени, произведеніе писателя, даже не отличающагося особеннымъ талантомъ, но избравшаго своею задачею возстановить передъ нами жизнь этой эпохи, вызвало бы къ себѣ вниманіе читающей публики. Тѣмъ сильнѣе возбуждено это вниманіе произведеніемъ графа Толстого „Война и Миръ“, въ которомъ онъ задумалъ изобразить состояніе умовъ и нравовъ лучшей части русскаго общества въ первую половину царствованія Александра и представить въ главныхъ чертахъ великія событія, потрясавшія тогдашній европейскій міръ. Недавно появился въ печати 4-й томъ названнаго произведенія, обнимающій событія 12 года—нашествіе Наполеона и оканчивающійся Бородинскою битвою. О немъ-то мы и скажемъ нѣсколько словъ. Гр. Толстой въ своемъ произведеніи является сторонникомъ, давно потерявшей уже кредитъ въ наукѣ историко-фаталистической школы и, при своей послѣдовательности, доводитъ взгляды свои до крайне-одностороннихъ выводовъ. Каждое событіе, по его мнѣнію, обусловливается милліардами причинъ, совершенно *равносильныхъ* по своему вліянію на событіе, такъ что ничто не можетъ считаться исключительною причиною событія, которое совершается только потому, что должно совершиться. Все совершается по предвѣчному опредѣленію, и всякая историческая личность тутъ не при чемъ. „Въ историческихъ событіяхъ, говоритъ авторъ, такъ называемые великіе люди суть ярлыки, дающіе наименованіе событію, которые, такъ же какъ ярлыки, менѣе всего имѣютъ

*) „Харьковскія Вѣдомости“ 1868 г., № 48. „Письма о русской журналистикѣ. *Война и Миръ*. Соч. гр. Толстого. Т. IV“. Статья К.

связи съ самымъ событіемъ“. Примѣняя это философское воззрѣніе свое къ событіямъ 12-го года, авторъ полагаетъ, что честолюбіе Наполеона не болѣе имѣло вліянія на событіе этого года, какъ и воля послѣдняго французскаго солдата. До какой степени такой взглядъ недостаточенъ для пониманія историческихъ явленій, лучшимъ доказательствомъ тому служитъ разсматриваемое нами произведеніе. Авторъ самъ вынужденъ измѣнять своимъ воззрѣніямъ и, устраняя рядъ малозначащихъ причинъ, указывающихъ на исключительныя причины, породившія событіе; такъ, на стр. 126 сказано: „Никто не станетъ спорить, что причиной погибели французскихъ войскъ Наполеона было, съ одной стороны, вступленіе ихъ въ позднее время, безъ приготовленія къ зимнему походу, въ глубь Россіи, а съ другой стороны—характеръ, который приняла война отъ сожженія русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу въ русскомъ народѣ“. Этой выписки, полагаемъ, достаточно, чтобы покончить съ фаталистическою философіею автора.

Далеко небезупреченъ и критическій взглядъ его на военныя событія. Побѣда и пораженіе, по мнѣнію гр. Толстого, не зависятъ ни отъ военнаго генія, ни отъ позиціи, вооруженія, ни даже отъ численности войскъ, — все это уничтожается милліонами самыхъ разнообразныхъ случайностей. которыхъ нельзя ни предвидѣть ни предотвратить. Единственная сила, дающая успѣхъ, — это душевная сила арміи. „Сраженіе выигрываетъ тотъ — кто твердо рѣшилъ его выиграть“. Опять-таки взглядъ этотъ поражаетъ своею односторонностью. Ни одна изъ опровергаемыхъ авторомъ причинъ не остается безъ вліянія на исходъ сраженія, здѣсь можетъ идти рѣчь только объ относительной важности той или другой въ боевомъ дѣлѣ, и если бы успѣхъ его зависѣлъ только отъ настроенія арміи, то тысячи военныхъ столкновеній имѣли бы далеко не тотъ исходъ; автору слѣдовало бы припомнить хоть самое недавнее столкновеніе при Кустоццѣ, когда преимущество осталось вовсе не за тою арміею, которая была проникнута лучшимъ духомъ. Не менѣе странны и слѣдующія слова, которыя авторъ влагаетъ въ уста сво-

его героя, кн. Андрея Болконскаго, передъ бородинскою битвою: „Не брать плѣнныхъ, высказывался онъ, а убивать и идти на смерть“... „Это великодушничанье и чувствительность — въ родѣ великодушія и чувствительности барышни, съ которой дѣлается дурнота, когда она видитъ убиваемаго теленка: она такъ добра, что не можетъ видѣть крови, но она съ аппетитомъ кушаетъ этого теленка подъ соусомъ. Намъ толкуютъ о правахъ войны, о рыцарствѣ, о парламентерствѣ, щадить несчастныхъ и т. п.“ Все это признается за вздоръ на томъ основаніи, что „ежели бы не было великодушничанья на войнѣ, то мы шли бы только тогда, когда стоитъ того идти на вѣрную смерть“. Но вѣдь выполненіе такой программы не сдѣлало бы войну болѣе рѣдкимъ явленіемъ, оно изгнало бы только весь тотъ смягчающій элементъ, который внесенъ въ нее прогрессомъ европейскихъ народовъ.

Оставляя личныя воззрѣнія автора и переходя къ самому роману, слѣдуетъ прежде всего указать на главный его недостатокъ. Весь томъ состоитъ изъ цѣлаго ряда эпизодовъ, выхваченныхъ почти поочереди то изъ историческихъ событій того времени, то изъ жизни передовой части русскаго общества. Между этими, слѣдующими одинъ за другимъ, эпизодами до такой степени нѣтъ внутренней связи, что половину сценъ (содержанія, конечно, не историческаго) можно помѣстить въ любомъ мѣстѣ произведенія, и романическое дѣйствіе попрежнему останется въ своемъ лѣнивомъ, полусонномъ развитіи. Весь томъ не оставляетъ у читателя цѣльнаго впечатлѣнія оттого, что авторъ хочетъ вести наравнѣ развитіе романа и излагать историческія событія, но двойная задача не влагается въ его произведеніе, и одна другую подавляетъ, такъ что читатель не находитъ въ разсказѣ ни исторіи, ни романа. Но, несмотря на существенные недостатки, талантъ автора сумѣлъ воспроизвесть много прекрасныхъ сценъ, мѣтко рисующихъ изображаемую имъ эпоху, и въ этихъ исполненныхъ поэзіи и правды эпизодахъ и заключается громадный успѣхъ его произведенія.

Разсказъ открывается переправой Наполеона черезъ Нѣманъ. Французскія войска въ восторженномъ состояніи; польскіе уланы бросаются вплавь, гордясь тѣмъ, что они плывутъ и тонутъ въ глазахъ императора, не обратившаго, впрочемъ, вниманія на ихъ поступокъ. Въ то время, какъ французы перешли нашу границу, императоръ Александръ жилъ въ Вильнѣ, откуда дѣлалъ приготовленія къ войнѣ. Извѣстіе о вступленіи непріятеля застало государя на балу, въ загородномъ домѣ графа Бенигсена. „Безъ объявленія войны вступить въ Россію! сказалъ онъ, — я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженнаго непріятеля не останется на моей землѣ“. Генералъ Балашовъ посланъ къ Наполеону передать письмо отъ государя. Маршалъ Даву, „Аракчеевъ Наполеона“, какъ характеризуетъ его авторъ, принудилъ генерала пропутешествовать до Вильны, и здѣсь уже Наполеонъ принялъ Балашова въ томъ самомъ домѣ, изъ котораго отправлялъ его Александръ. Въ сценѣ свиданія русскаго генерала съ императоромъ Наполеономъ авторъ рисуетъ послѣдняго человѣкомъ, который считаетъ каждый свой поступокъ хорошимъ, потому только, что это поступокъ его; горячимъ до забывчивости, до способности оскорбить посла. Его разговоръ принимаетъ тотъ характеръ, который онъ менѣе всего желалъ ему дать вначалѣ, вся цѣль Наполеона состояла теперь въ томъ, чтобы возвысить себя и оскорбить Александра. Свои упреки и обвиненія Наполеонъ часто прерываетъ восклицаніемъ: „Quel beau règne aurait pu être celui de l'empereur Alexandre“!—разумѣется, только въ томъ случаѣ, если-бъ онъ послушалъ совѣтовъ Наполеона и явился исполнителемъ его воли. Балашовъ разсчитывалъ, что послѣ такого разговора Наполеонъ постарается не видѣть его—оскорбленнаго посла и, главное, свидѣтеля его непристойной горячности. Но, къ удивленію своему, генералъ былъ приглашенъ къ столу императора. „Есть въ человѣкѣ извѣстное, послѣ-обѣденное расположеніе духа, говоритъ авторъ, которое сильнѣе всякихъ разумныхъ причинъ заставляетъ человѣка быть довольнымъ собой и считать всѣхъ своими

друзьями“. Наполеонъ находился въ этомъ расположеніи. „И вотъ онъ неожиданно подходитъ къ Балашову и съ легкой улыбкой, такъ увѣренно, быстро, просто, какъ будто онъ дѣлалъ какое-нибудь не только важное, но и пріятное для Балашова дѣло, поднявъ руку къ лицу сорока-лѣтняго русскаго генерала и взявъ его за ухо, слегка дернулъ, улыбнувшись одними губами“. „Avoir l'oreille tirée par l'empereur“ считалось великой честью и милостью при французскомъ дворѣ. Всѣ подробности разговора были переданы генераломъ русскому императору, и война началась.

Затѣмъ авторъ переноситъ насъ въ лагерь при Дриссѣ и характеризуетъ существовавшія тамъ партіи. Здѣсь были партіи Пфуля, Барклай-де-Толли, Багратіона, Бенигсена и проч. Самая большая не желала ни войны, ни мира, а только наибольшихъ для себя удовольствій и выгодъ. Наконецъ, возникла партія людей старыхъ, разумныхъ, государственно-опытныхъ и успѣвшихъ, не раздѣляя ни одного изъ противорѣчащихъ мнѣній, отвлеченно посмотрѣть на все, что дѣлалось при штабѣ главной квартиры и обдумать средства къ выходу изъ неопредѣленности, нерѣшительности, запутанности и слабости“. Люди этой партіи считали вреднымъ присутствіе государя при арміи. „Одушевленіе государемъ народа и воззваніе къ нему для защиты отечества—то самое одушевленіе народа, которое было главной причиной торжества Россіи, было представлено государю и принято имъ, какъ предлогъ для оставленія арміи“. Затѣмъ авторъ описываетъ намъ военный совѣтъ передъ оставленіемъ Дрисскаго лагеря и съ мѣткимъ остроуміемъ обрисовываетъ Пфуля. „Пфуль былъ однимъ изъ тѣхъ безнадежно, неизмѣнно, до мученичества самоувѣренныхъ людей, которыми бываютъ только нѣмцы. Французъ самоувѣренъ потому, что онъ почитаетъ себя лично, какъ умомъ, такъ и тѣломъ, непреодолимо обворожительнымъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Англичанинъ самоувѣренъ на томъ основаніи, что онъ есть гражданинъ благоустроеннѣйшаго государства въ мірѣ и потому, какъ англичанинъ, знаетъ всегда, что сдѣлать нужно, и знаетъ, что все, что онъ дѣлаетъ, какъ

англичанинъ, несомнѣнно хорошо. Итальянецъ самоувѣренъ потому, что онъ взволнованъ, и забываетъ и себя и другихъ. Русскій — потому, что онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, потому что онъ не вѣритъ, чтобы можно было что-нибудь знать. Нѣмецъ хуже всѣхъ и тверже всѣхъ, и противнѣе всѣхъ потому, что онъ воображаетъ, что знаетъ истину, науку, которую онъ самъ выдумалъ, но которая для него есть абсолютная истина. Таковъ, очевидно, былъ Пфуль“. Между тѣмъ война принимала все болѣе неблагопріятное направленіе. Авторъ съ неподражаемымъ талантомъ передаетъ намъ тотъ восторгъ и безпредѣльную народную любовь, съ которою встрѣченъ государь въ Москвѣ. Собраніе дворянъ и купцовъ, созванное для изысканія средствъ къ защитѣ родины, обнаруживаетъ всю невыработанность своихъ убѣжденій, но не лишено патріотизма и готовности къ жертвамъ. Хотя этотъ патріотизмъ и не идетъ въ уровень съ важностію совершающагося событія, обнаруживаясь только постановкой ополченій, военнымъ воодушевленіемъ отдѣльныхъ личностей и до нѣкоторой степени изгнаніемъ французскаго языка изъ аристократическихъ салоновъ. Весь этотъ ходъ историческаго разсказа авторъ постоянно перерываетъ рядомъ картинъ, посредствомъ которыхъ онъ знакомитъ читателя съ обществомъ высшихъ администраторовъ, съ московскими аристократическими кружками или рисуетъ походную жизнь. Разсказъ идетъ за историческими событіями. Авторъ изображаетъ оборону Смоленска и взятіе его непріятелемъ. Послѣ этого дѣйствіе романа переходитъ въ деревню старика Болконскаго.

Сцена смерти этого старика принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ романа. Вельможный самодуръ, Екатерининскій генералъ, честолюбивый завистникъ Потемкина, Болконскій до послѣдней минуты отвергаетъ событія Александровской эпохи, до послѣдней минуты не вѣритъ въ опасный для Россіи ходъ войны и въ успѣхи Наполеона; но вотъ Смоленскъ взятъ, и непріятель подъ Москвой. Тяжеловѣсный фактъ всею силою поражаетъ старика. Страшная жажда идти на защиту родины овладѣваетъ его душою. Болконскій

становится во главѣ ополченія, но старческій организмъ его не въ силахъ вынести неожиданныхъ потрясеній, и его поражаетъ ударъ. Превосходно описаніе послѣднихъ минутъ старика, рыдающаго о погибели родины и высказывающаго безконечную любовь къ дочери, страстно имъ любимой и которую, однако, всю жизнь свою онъ мучилъ. Оставляя рядъ романическихъ картинъ, не производящихъ особеннаго впечатлѣнія, мы переходимъ теперь къ великому моменту въ нашей исторіи, къ бородинской битвѣ. Объ этомъ мѣстѣ историческаго романа приходится сказать то же, что было уже сказано о цѣломъ произведеніи. Яснаго представленія объ этомъ сраженіи во всѣхъ его фазахъ развитія читатель не выноситъ; но это мѣсто романа особенно богато прекрасными сценами историческаго и романическаго содержанія.

Вотъ, наприм., сцена, рисующая намъ состояніе полка Болконскаго, поставленнаго въ самомъ отчаянномъ мѣстѣ сраженія: „Съ каждымъ новымъ ударомъ все меньше и меньше случайностей жизни оставалось для тѣхъ, которые еще не были убиты. Полкъ стоялъ въ батальонныхъ колоннахъ на разстояніи 300-тъ шаговъ, но несмотря на то, всѣ люди полка находились всегда подъ вліяніемъ одного и того же настроенія. Всѣ люди полка были молчаливы и мрачны. Рѣдко слышался между рядами говоръ, но говоръ этотъ замолкалъ каждый разъ, какъ слышался попавшій ударъ и крикъ: носилки! Большую часть времени люди полка, по приказанію начальства, сидѣли на землѣ. Кто, снявъ киверъ, старательно распускалъ и опять собиралъ сборки; кто разминалъ ремень и перетягивалъ пряжку перевязи. Нѣкоторые строили домики изъ калмыжекъ пашни или плели плетеночки изъ соломы. Всѣ казались вполнѣ погружены въ эти занятія. Когда ранило и убивало людей, когда тянулись полки, когда наши возвращались назадъ, когда видпѣлись сквозь дымъ большія массы непріятеля, никто не обращалъ никакого вниманія на эти обстоятельства. Когда же впередъ проѣзжала кавалерія, виднѣлись движенія пѣхоты, одобрительныя замѣчанія слышались со всѣхъ сторонъ... Но самое большое вниманіе заслуживали событія совершенно посто-

роннія, не имѣвшія никакого отношенія къ сраженію. Какъ будто вниманіе этихъ нравственно-измученныхъ людей отдыхало на этихъ обычныхъ, житейскихъ событіяхъ. Батарея артиллеріи прошла передъ фронтомъ полка. Въ одномъ изъ артиллерійскихъ ящиковъ пристяжная заступила постромку. — „Эй, пристяжную-то!.. вправь упадетъ!“ по всему полку одинаково кричали изъ рядовъ. Въ другой разъ общее вниманіе обратила небольшая, коричневая собака, которая, Богъ знаетъ откуда взявшись, озабоченной рысцой выбѣжала передъ ряды и вдругъ отъ близко ударившаго ядра взвизгнула и, поджавъ хвостъ, бросилась въ сторону. По всему полку раздалось гоготанье и взвизги. Но развлеченія такого рода продолжались минуты, а люди уже 8 часовъ стояли безъ ѣды и безъ дѣла подъ непроходящимъ ужасомъ, и ихъ блѣдныя лица все болѣе и болѣе блѣднѣли и хмурились“.

Или вотъ, напримѣръ, превосходная сцена, изображающая нравственное состояніе Наполеона въ день бородинской битвы: „Наполеонъ видѣлъ, что это было не то, совсѣмъ не то, что было во всѣхъ его прежнихъ сраженіяхъ. Онъ видѣлъ, что то же чувство, которое испытывалъ онъ, испытывали и всѣ его окружающіе люди, всѣ глаза избѣгали другъ друга. Когда онъ перебиралъ въ соображеніи всю эту странную русскую кампанію, въ которой не было выиграно ни одно сраженіе, въ которой въ 2 мѣсяца не взято ни знаменъ ни пушекъ; когда глядѣлъ на скрытнопечальныя лица окружающихъ и слушалъ донесеніе о томъ, что русскіе все стоятъ — страшное чувство, подобное чувству испытываемому въ сновидѣньяхъ, охватывало его, и ему приходили въ голову всѣ несчастныя случайности, могущія погубить его. Русскіе могли напасть на его лѣвое крыло, могли разорвать его середину, шальное ядро могло убить его самого. Все это было возможно. Въ прежнихъ сраженіяхъ онъ обдумывалъ только случайности успѣха, теперь же безчисленное количество несчастныхъ случайностей представлялось ему, и онъ ожидалъ ихъ всѣхъ. Да, это было какъ во снѣ, когда человѣку представляется наступающій на него

злодѣй, и человѣкъ во снѣ размахнулся и ударилъ своего злодѣя съ тѣмъ страшнымъ усиліемъ, которое, онъ знаетъ, должно уничтожить его, и чувствуетъ, что рука его, безсильная и мягкая, падаетъ какъ тряпка, и ужасъ неотразимой погибели охватываетъ безпомощнаго человѣка“. Если мы сравнимъ восторженное состояніе, въ которомъ находились французскія войска въ началѣ кампаніи, съ тѣмъ душевнымъ смущеніемъ и тревогою, которыми всѣ, отъ Наполеона до простого солдата, были проникнуты въ день бородинскаго боя, и сопоставимъ это состояніе съ настроеніемъ русскихъ солдатъ, наполовину выкошенныхъ страшнымъ сраженіемъ, но все-таки непоколебимыхъ и грозныхъ своею настойчивостью, то согласимся, что французы понесли нравственное пораженіе, которое прямо вело ихъ къ гибели. Авторъ слѣдующими словами оцѣниваетъ результаты бородинскаго сраженія: „Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться, такъ же какъ не могло отклонить вдвое слабѣйшее русское войско. Послѣ даннаго толчка, французское войско еще могло докатиться до Москвы; но тамъ, безъ новыхъ усилій со стороны русскихъ, оно должно было погибнуть, истекая кровью отъ смертельной раны, нанесенной въ Бородинѣ“.

„Харьковскія Вѣдомости“. Статья К.

*
* *

*) Фельетонистъ „Голоса“ въ № 63, между прочимъ, говоритъ о романѣ „Война и Миръ“ такъ:

„Въ кружкахъ, интересующихся русскою литературою, много говорятъ о выходѣ въ свѣтъ четвертой (послѣдней) части романа графа Л. Н. Толстого, „Война и Миръ“. Успѣхъ этого романа составляетъ явленіе, совершенно выходящее изъ ряда обыкновенныхъ явленій въ нашей литературѣ. О новомъ произведеніи графа Л. Н. Толстого го-

*) „Голосъ“ 1868 г., № 63. „Прошлая недѣля“ (4-й томъ романа „Война и Миръ)“. Статья Х. Л.

ворятъ повсюду, и даже въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ рѣдко появляется русская книга, романъ этотъ читается съ необыкновенною жадностью. Первое изданіе „Войны и Мира“, какъ мы слышали, расходится быстро, такъ что вскорѣ придется приступить ко второму изданію. Желательно, чтобы цѣна этого второго изданія была болѣе доступна для небогатыхъ классовъ, а то теперь очень многіе жалуются на дороговизну этого романа. Мы не присоединяемся къ голосу сѣтующихъ и вполнѣ понимаемъ причины, вызвавшія назначеніе высокой цѣны на первое изданіе. Графъ Л. Н. Толстой, увѣренный въ интересѣ своей книги, поступилъ въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ поступаютъ заграничные писатели. Всѣ иностранныя книги последняго времени, возбуждавшія заранѣе горячій интересъ въ публикѣ, выходили первымъ изданіемъ по дорогой цѣнѣ. „Les Misérables“ и „Les Travailleurs de la Mer“ Виктора Гюго, книга Ренана, „L'affaire Clémençaux“ Александра Дюма-сына и много другихъ стоили сначала очень дорого, но за первыми изданіями слѣдовали почти тотчасъ другія, гораздо болѣе дешевыя, дававшія каждому возможность пріобрѣсть интересную книгу. Вѣроятно, то же самое повторится и съ романомъ „Война и Миръ“. Для писателя, издающаго свое сочиненіе отдѣльно, безъ предварительнаго напечатанія его въ журналѣ, совершенно естественно и законно заботиться о томъ, чтобъ его трудъ скоро и щедро вознаградился; но когда эта цѣль достигнута быстрою распродажею перваго дорогого изданія, не мѣшаетъ подумать и о большинствѣ публики, лишенной возможности платить слишкомъ дорого за интересующія ее книги...“

„Голосъ“, № 63. Статья Х. Л.

***

*) Мы не запомнимъ, когда бы съ такимъ живымъ интересомъ принималось въ нашемъ обществѣ появленіе какого-либо художественнаго произведенія, какъ нынѣ при-

*) „Голосъ“ 1868 г., № 83. „Библіографія“. „Война и Миръ“. Томъ 4.

нимается появленіе романа графа Толстого. Четвертый томъ его всѣ ожидали не просто съ нетерпѣніемъ, а съ какимъ-то болѣзненнымъ волненіемъ. И вотъ вышелъ, наконецъ, въ свѣтъ этотъ четвертый томъ. Но онъ не послѣдній, какъ предполагали въ обществѣ: за нимъ послѣдуетъ еще пятый, окончательно уже послѣдній томъ. Книга раскупается съ невѣроятною быстротою, и параллельно съ ея возрастающимъ успѣхомъ поднимается на нее и цѣна. Кто не подписался на сочиненіе при выходѣ первыхъ трехъ его томовъ, тотъ заплатитъ за него теперь уже не 7 р., какъ прежде, а 8; съ выходомъ же въ свѣтъ пятаго тома, цѣна за все изданіе будетъ еще возвышена—до 10 рублей.

Четвертому тому романа Графа Толстого суждено, быть можетъ, произвести содержаніемъ своимъ, или, вѣрнѣе, содержаніемъ нѣкоторыхъ страницъ своихъ, еще сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ какое произведено было на читателей первыми тремя томами „Войны и Мира“. Четвертый томъ обнимаетъ собою событія 1812 года—нашествіе Наполеона и „великій день Бородина“. Но собственно романъ, завязка его, фабула не подвигаются тутъ ни на волосъ. Характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ застыли въ тѣхъ моментахъ, въ какихъ оставлены они авторомъ въ третьемъ томѣ (см. № 11 „Голоса“), и въ ихъ личныхъ ощущеніяхъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ не произошло никакой, рѣшительно никакой перемѣны. Четвертый томъ кажется связаннымъ съ первыми тремя только потому, что въ немъ затронуты историческія событія, слѣдовавшія, въ порядкѣ времени, за событіями, изображенными въ первыхъ трехъ томахъ, и развѣ еще потому, что въ немъ выступаютъ тѣ же собственныя имена главныхъ характеровъ, что и прежде. Недостатокъ романическаго развитія, замѣченный въ первыхъ трехъ томахъ романа, обозначается въ четвертомъ его томѣ еще рѣзче и несомнѣннѣе. Авторъ не только не ведетъ далѣе своихъ героевъ, но даже, когда, уступая необходимости, говоритъ о нихъ въ связи съ главнымъ, собственно романическимъ замысломъ

романа, то повторяетъ лишь, въ противность всѣмъ условіямъ художественнаго творчества, пережитые уже ими и извѣстные читателю моменты. Такъ, отношенія между Пьеромъ Безухимъ и Наташею Ростовою, завязанныя на послѣднихъ страницахъ третьяго тома и обѣщавшія такъ много интереснаго, не подвинулись ни на шагъ впередъ, хотя Наташа уже успѣла оправиться отъ своей болѣзни и нѣсколько поуспокоиться отъ вынесенныхъ ею треволіненій. Точь въ точь, какъ въ третьемъ томѣ, Пьеръ и тутъ дѣлаетъ робкіе намеки на свою любовь къ ней, и притомъ, въ тѣхъ самыхъ, буквально тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ; но, какъ и въ третьемъ томѣ, изъ этихъ намековъ ровно ничего не выходитъ, и ровно ни къ чему они не ведены. Лучше бы совсѣмъ не упоминать объ отношеніяхъ Пьера къ Наташѣ, чѣмъ ограничиваться этимъ ненужнымъ, а потому и безцвѣтнымъ повтореніемъ. Андрей Болконскій такъ-же точно аристократически презираетъ Наташу Ростову; точно такъ-же ненавидитъ Анатолія Курагина и ищетъ его, чтобы вызвать на поединокъ, но нигдѣ не находитъ, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ южной арміи (въ Турціи), ни въ западныхъ арміяхъ, высланныхъ противъ Наполеона. Въ самомъ уже концѣ четвертаго тома Болконскій, тяжело раненый подъ Бородинымъ, подобно тому, какъ онъ былъ тяжело раненъ подъ Аустерлицемъ, попадаетъ, для операціи, на перевязочный пунктъ, переполненный ранеными, и тамъ, на сосѣднемъ столѣ, въ рыдающемъ молодомъ офицерѣ, которому только что отняли ногу, узнаетъ Анатолія Курагина. Но уже не злобой дышитъ князь Андрей; сердце его размягчено видомъ страшнаго побоища, глубокою жалостью къ массѣ гибнущихъ, къ этой, какъ говорятъ по-французски: „chair à canon“, сжимается теперь это гордое сердце. Не хотѣлось умирать князю Андрею; ему чувствовалось, что если бы онъ остался живъ, то сострадание, любовь къ братьямъ, къ любящимъ, любовь къ ненавидящимъ, любовь къ врагамъ, та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ, и которой онъ прежде не понималъ, наполняла бы отнынѣ его душу. И вотъ, когда въ человѣкѣ

съ отнятою ногою онъ узналъ Анатолія, новое, неожиданное воспоминаніе изъ міра дѣтскаго, чистаго и любовнаго представилось князю Андрею. „Онъ вспомнилъ Наташу такою, какою онъ видѣлъ ее въ первый разъ на балѣ 1810 года, съ готовымъ на восторгъ, испуганнымъ, счастливымъ лицомъ, и любовь и нѣжность къ ней еще сильнѣе и живѣе, чѣмъ когда-либо, проснулись въ душѣ его. Онъ вспомнилъ связь, которая существовала между нимъ и Анатолемъ Курагинымъ; онъ вспомнилъ все, и восторженная жалость и любовь къ этому человѣку наполнили его счастливое сердце“. Если хотите, это внутреннее примиреніе съ врагомъ можно считать моментомъ романическаго развитія въ характерѣ князя Андрея; но этотъ моментъ такъ коротокъ и обставленъ такими потрясающими событіями высшаго порядка (бородинская битва), что проносится почти безслѣдно въ головѣ читателя. Вообще историческія событія слишкомъ выдвинуты впередъ въ книгѣ графа Толстого; ими совсѣмъ подавляется теченіе романа; между тѣмъ, по самой задачѣ своего труда, авторъ даетъ намъ не полное описаніе войнъ Александра съ Наполеономъ, а лишь нѣкоторые моменты изъ этихъ войнъ; онъ не описываетъ ни одной битвы въ общемъ ея ходѣ — ни Аустерлица ни Бородина, а лишь изображаетъ отдѣльные ихъ эпизоды. Увлеченные мастерскимъ, художническимъ изображеніемъ этихъ моментовъ, этихъ эпизодовъ, читатели невольно упускаютъ изъ виду нити самаго романа, невольно забываютъ его; зато они тѣмъ тревожнѣе ищутъ въ книгѣ полноты историческаго описанія, ищутъ полной картины дней Аустерлица или Бородина, и, разумѣется, не находятъ; разочарованные, они обращаются снова къ роману, но романа нѣтъ — его забылъ и самъ авторъ. Отсюда какая-то неудовлетворенность, какая-то неопредѣленность впечатлѣнія. Ни исторіи ни романа нѣтъ въ книгѣ графа Толстого, а главное — нѣтъ въ ней единства. Можно растянуть число ея томовъ до безконечности, но можно и сократить ихъ до двухъ, до одного, съ ущербомъ, пожалуй, для наслажденія читателей (потому что они потеряли-бы нѣсколько

мастерскихъ сценъ), но безъ малѣйшаго ущерба для полноты задуманной интриги. Какъ недостаетъ единства для завязки собственно романической, такъ недостаетъ его и для историческихъ описаній. Авторъ перескакиваетъ отъ одного момента къ другому безъ всякой внутренней между ними связи. Восторженное настроеніе французскихъ войскъ во время переправы черезъ Нѣманъ (12-го іюня 1812 г.), при чемъ одинъ уланскій полкъ бросился вплавь черезъ рѣку, чтобъ только щегольнуть безстрашіемъ въ глазахъ своего императора, самоувѣренность самого Наполеона, какъ въ этотъ моментъ, такъ и черезъ три дня, въ Вильнѣ, на аудіенціи съ Балашовымъ, и потомъ вдругъ день Бородина, упадокъ духа въ императорѣ, въ его маршалахъ и генералахъ, въ самой арміи даже! Какъ совершился этотъ переворотъ, какимъ процессомъ, какими вліяніями доведены были французскія войска до того нравственнаго состоянія, которое въ сравненіи съ настроеніемъ русской арміи, одно, рѣшительно одно, по мнѣнію автора, было причиною, что Наполеонъ не выигралъ Бородинской битвы? На это не даетъ отвѣта книга графа Толстого: между Вильною и Бородинымъ темная страница; переворотъ совершается внѣ романа, за кулисами. Причину перемѣны въ настроеніи духа французской арміи мы знаемъ изъ исторіи; но при томъ догматическомъ, не допускающемъ сомнѣнія въ достовѣрности, способѣ, какимъ авторъ излагаетъ событія, нельзя не требовать отъ него полноты и послѣдовательности, тѣмъ болѣе, что онъ самъ смѣется надъ исторіею и надъ историками, и совсѣмъ не признаетъ достовѣрности въ ихъ изысканіяхъ. Это отсутствіе единства и внезапные скачки отъ одного положенія къ другому страннымъ образомъ сочетаются въ книгѣ съ тою неподвижностью выведенныхъ въ ней характеровъ, о которой мы сейчасъ говорили...

(Далѣе слѣдуетъ разборъ Андрея Болконскаго. См. „Разборы отдѣльныхъ лицъ романа“).

„Если въ общемъ планѣ романа, со стороны его собственно романической развязки, если въ изображеніи исто-

рическихъ событій, со стороны ихъ внутренней последовательности, нѣтъ, какъ мы уже сказали, строгаго единства, то единство мысли господствуетъ въ нынѣ вышедшемъ четвертомъ томѣ нераздѣльно. Авторъ написалъ весь этотъ четвертый томъ какъ бы для того только, чтобъ высказать свой личный взглядъ на войну, на жизнь, на общественное устройство, а отдѣльныя сцены и картины, художественностью которыхъ нельзя не плѣняться и о которыхъ мы упоминаемъ ниже, ворвались сюда независимо отъ воли сочинителя, въ силу его безотчетной творческой способности. Словно не изображеніе эпохи, само въ себѣ, имѣлъ въ виду авторъ, а этимъ изображеніемъ хотѣлъ только подкрѣпить свои личныя мысли и убѣжденія. Какія же это мысли? Тѣ самыя мысли, которыя тревожили и мучили князя Андрея, когда онъ, безпомощный, вперялъ съ аустерлицкаго поля свой потухавшій взоръ въ далекое голубое небо: тщета и ничтожество всѣхъ человѣческихъ дѣяній; исторія не имѣетъ своихъ законовъ—она безсознательна; историческія событія не могутъ быть объяснены никакими причинами, или, вѣрнѣе, причинъ бываетъ всегда такъ много, что въ нихъ теряешься, какъ въ лабиринтѣ; военный геній — безсмыслица, Наполеонъ просто тщеславный и ограниченный человѣкъ, вся сила и успѣхъ котораго заключались именно въ томъ, что онъ не понималъ поэзіи, искусства, хвалился злодѣяніями, и безсмысленнымъ дѣламъ, имъ совершаемымъ, придавалъ важность; вообще чья-бы то ни была личная воля безсильна для управленія событіями, и всѣ великіе люди, монархи и полководцы—простыя пѣшки, слѣпое игралище, слабыя, ничтожныя орудія исторической жизни, еще болѣе ничтожныя, чѣмъ самый послѣдній изъ ихъ солдатъ; всякое событіе въ исторіи совершается по предопредѣленію свыше, безъ малѣйшаго участія свободной воли человѣка. Войну 12-го года авторъ называетъ безсмысленнымъ, кровавымъ событіемъ, противнымъ человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ. Какія-же были причины его? „Наполеону казалось, — иронически говоритъ авторъ, — что причиной войны были интриги Англіи; членамъ англійской

палаты казалось, что причиной войны было властолюбіе Наполеона; принцу Ольденбургскому казалось, что причиной войны было совершенное противъ него насиліе; купцамъ казалось, что причиной войны была континентальная система; старымъ солдатамъ и генераламъ казалось, что главной причиной была необходимость употребить ихъ въ дѣло; легитимистамъ того времени казалось, что необходимо было возстановить les bons principes, а дипломатамъ, что все произошло оттого, что союзъ Россіи съ Австріей не былъ достаточно искусно скрытъ отъ Наполеона, и что неловко былъ написанъ меморандумъ за № 178“. Но авторъ не понимаетъ, чтобъ мильоны людей-христіанъ убивали и мучили другъ друга потому только, что Наполеонъ былъ властолюбивъ, Александръ твердъ, политика Англіи хитра, и герцогъ Ольденбургскій обиженъ; авторъ не понимаетъ, какую связь могли имѣть всѣ эти обстоятельства съ самимъ фактомъ убійства и насилія. Если доискиваться причинъ такого необычайнаго и неразумнаго событія, то ихъ отыщется, по мнѣнію автора, милліонъ милліоновъ, и чѣмъ больше станешь ихъ доискиваться, тѣмъ неразумнѣе будетъ казаться само событіе. Такъ же точно, какъ и при меньшемъ властолюбіи Наполеона или меньшей твердости Александра, не было-бы войны, полагаетъ авторъ, и въ томъ случаѣ, если-бъ милліоны людей, въ которыхъ была дѣйствительная сила, солдаты и народъ, не согласились исполнить волю единичныхъ и слабыхъ людей (Наполеона и Александра), если-бъ сержанты во Франціи не пожелали поступить на вторичную службу, если-бъ не было самодержавной власти въ Россіи, если-бъ не было французской революціи и послѣдовавшихъ диктаторствъ и имперіи, и всего того, что произвело французскую революцію. Авторъ съ такимъ же основаніемъ могъ бы прибавить, что войны 1812 года не было бы и тогда, если-бъ римляне не покорили галловъ, а франки римлянъ, и если-бъ, такимъ образомъ, вовсе не было и самой Франціи. Но что же доказываетъ это поистинѣ дѣтское упражненіе, это нагроможденіе разныхъ если-бъ и когда-бы, и объ этихъ-ли отдаленныхъ причинахъ идетъ

рѣчь въ историческихъ изслѣдованіяхъ того или другого событія? Нашъ авторъ не допускаетъ, однако, ближайшихъ. спеціальныхъ причинъ историческаго событія: онъ допускаетъ одну его причину — предопредѣленіе свыше. Событіе, по его мнѣнію, должно было совершиться только потому, что оно *должно было совершиться*. „*Должны были* мильоны людей, отрекшись отъ своихъ человѣческихъ чувствъ и своего разума, идти съ Запада на Востокъ и убивать себѣ подобныхъ,“ говоритъ авторъ, прямо и откровенно высказываясь за неизбѣжность фатализма въ исторіи. Желательно было-бы знать, чѣмъ именно таинственное „должно было совершиться, *потому что* должно было совершиться“... разумнѣе какой-нибудь выслѣженной историками, хотя бы и ошибочной причины?

Военнаго генія, военной науки, стратегіи, тактики точно такъ же не признаетъ авторъ, какъ не признаетъ онъ разумности въ исторіи. Зло подсмѣивается онъ надъ разными дислокаціями, диспозиціями, планами битвъ и т. п. Побѣда или пораженіе зависятъ не отъ искусства военачальниковъ, не отъ расположенія войскъ, даже не отъ численности и вооруженія ихъ, а единственно отъ духа и настроенія сражающихся. Тутъ авторъ стоитъ на болѣе твердой почвѣ, такъ какъ неустрашимость и высокое настроеніе духа войскъ болѣе всего помогаютъ выиграть сраженіе; подробныя диспозиціи почти никогда не выполняются, какъ случилось и съ диспозиціею Наполеона подъ Бородинымъ. Но и этого мнѣнія нельзя доводить до крайности; отрицать всякое участіе военнаго генія полководцевъ въ счастливыхъ войнахъ и выигранныхъ сраженіяхъ рѣшительно невозможно. Настроеніе постоянно смѣняемыхъ и набираемыхъ армій Наполеона въ кампанію 1814 года никакъ уже нельзя было назвать особенно вдохновеннымъ, кромѣ развѣ личнаго обожанія къ нему его ветерановъ, а между тѣмъ, несмотря на общій, такъ сказать, политически несчастный для него характеръ этой войны, она состояла изъ непрерывнаго ряда блистательныхъ побѣдъ; точно также и войска, побѣждавшія французовъ въ Италіи съ Суворовымъ, не имѣли при-

ніъ къ такому настроенію, какимъ одушевлены были рус-
іе солдаты въ отечественную войну, а между тѣмъ итальян-
ій походъ Суворова составляетъ одну изъ великолѣп-
ѣйшихъ страницъ въ военной исторіи. „Давая и принимая
ородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступили
произвольно и безсмысленно", говоритъ авторъ. Дѣйстви-
льно описать въ точности, какъ происходила бородинская
итва—дѣло, если не совсѣмъ невозможное, то чрезвычайно
рудное: доказательство—генералъ Липрандъ, который писа-
лъ цѣлые томы критическихъ статей объ отечественной
ойнѣ и о бородинской битвѣ, посвятилъ этой битвѣ огром-
ое изслѣдованіе въ „Чтеніяхъ Исторіи и Древностей Рос-
ійскихъ" за 1866 годъ, и, все-таки, не далъ яснаго по-
ятія объ общемъ ходѣ сраженія. Такъ историки не со-
ласились еще даже насчетъ позиціи, въ которой русская
рмія ожидала наступленія непріятеля, и въ этомъ отно-
еніи объясненіе графа Толстого, основанное, безъ сомнѣ-
ія, на запискахъ участника битвы, кажется намъ весьма
равдоподобнымъ. Авторъ опровергаетъ предположеніе исто-
иковъ, что бородинское сраженіе принято было нами по
аранѣе выбранной и укрѣпленной позиціи, при чемъ ше-
ардинскій редутъ былъ, будто-бы, передовымъ постомъ
той позиціи. Авторъ утверждаетъ, что Кутузовъ, имѣя
ѣлью остановить непріятеля, подвигавшагося по смолен-
кой дорогѣ къ Москвѣ, избралъ позицію по рѣкѣ Колочѣ,
ересѣкающей большую дорогу подъ острымъ угломъ, при-
емъ первый флангъ этой позиціи былъ около селенія Но-
аго, вправо отъ дороги, центръ у Бородина, на самой до-
огѣ, при сліяніи рѣкъ Колочи и Воины, а лѣвый флангъ
пирался въ Шевардино. 24-го августа Наполеонъ, въ
реслѣдованіи русскаго аріергарда, слѣдовавшаго къ пози-
іи, наткнулся на лѣвый ея флангъ и неожиданно для рус-
кихъ перевелъ свои войска черезъ Колочу. Русскіе, не
спѣвъ вступить въ генеральное сраженіе на позиціи, ко-
орую намѣревались занять, отступили изъ нея лѣвымъ
рыломъ назадъ и заняли новую позицію, которая не была
ми ни предвидѣна ни укрѣплена. Такимъ образомъ, Напо-

леонъ, самъ того не подозрѣвая, передвинулъ все будущее сраженіе справа налѣво (со стороны русскихъ) и перенесъ его въ поле между Утицей, Семеновскимъ и Бородинымъ, гдѣ и произошла битва 26-го августа. Предоставляемъ спеціалистамъ рѣшить, насколько достовѣрно это предположеніе; но нельзя отрицать, что оно многое объясняетъ, въ томъ числѣ и то обстоятельство, что курганная батарея (вправо отъ Семеновскаго), составившая ключъ новой позиціи, была такъ слабо укрѣплена—на ней поставлено было всего 18 орудій. Изъ всѣхъ дѣятелей отечественной войны, авторъ, кромѣ Кутузова, никого не считаетъ не только настоящимъ полководцемъ, но и генераломъ порядочнымъ, и одного только Багратіона называетъ устами Наполеона хотя и глупымъ, но храбрымъ генераломъ. Да и самъ Кутузовъ только потому пощаженъ суровымъ авторомъ, что онъ, будто-бы, ровно ничего не дѣлалъ, а какъ главнокомандующій, не принималъ никакихъ мѣръ, не составлялъ никакихъ плановъ и пассивно покорялся обстоятельствамъ.

Но очевидно, что до перехода русской арміи съ Рязанской дороги на Калужскую, дѣйствія Кутузова ничѣмъ не отличались отъ дѣйствій Барклая-де-Толли: онъ точно такъ же отступалъ, хотя безпрестанно же надѣялся и обѣщалъ дать сраженіе французамъ. Г. Жуковъ, въ недавно вышедшей 4-й книгѣ „Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ за минувшій годъ, очень основательно доказываетъ, что Барклай не имѣетъ никакого опредѣленнаго плана для отступленія; что, повинуясь голосу общественнаго мнѣнія, онъ готовъ былъ бы сразиться съ непріятелемъ, но вынужденъ былъ отступать естественною необходимостью, подобно тому, какъ вынужденъ былъ отступать и самъ Кутузовъ. То же находимъ въ многочисленныхъ критическихъ статьяхъ генерала Липранда, собранныхъ имъ нынѣ въ одну книжку, подъ общимъ заглавіемъ: „Матеріалы для отечественной войны 12-го года“. Авторъ изображаетъ Кутузова въ день Бородинской битвы совершенно бездѣйствующимъ и только для формы озирающимъ поле сраженія и выслушивающимъ донесенія адъютантовъ. Безспорно, вели-

чава фигура слабаго старца, спокойно выжидающаго исхода битвы и свято увѣреннаго въ неустрашимости и непоколебимости войска. Но если мужество русскихъ въ день Бородина было дѣйствительно безпримѣрно; если на полѣ смерти, между Курганною батареею и Семеновскимъ, страшный огонь нѣсколькихъ сотъ орудій вырывалъ рядами нашихъ солдатъ, а мы все стояли на мѣстѣ, смыкаясь и не отступая, такъ что изумились и струхнули французскіе генералы, а Наполеонъ вышелъ изъ себя *); если защита Кургановой батареи явила примѣръ какой-то отчаянной храбрости, то были, все-таки, со стороны Кутузова, нѣкоторыя распоряженія, которыя поддержали эту неустрашимость и содѣйствовали русскимъ устоять въ центрѣ позиціи. Таково было движеніе Уварова и Платонова съ нашего праваго фланга въ обходъ лѣваго фланга французовъ. Не будь этого обходнаго движенія, едва-ли бы намъ устоять между Семеновскимъ и Курганною батареею; оно отвлекло силы французовъ къ ихъ лѣвому флангу, и участники битвы, по свидѣтельству Жолінни, помнятъ минуту, когда по всей линіи непріятеля уменьшилось упорство атакъ, огонь видимо сталъ слабѣе, и русскимъ „можно было свободнѣе вздохнуть". Это обходное движеніе заставило Наполеона потерять въ бездѣйствіи около двухъ часовъ, а Кутузову дало возможность подкрѣпить центръ, гдѣ къ тому времени совсѣмъ уже изнемогали силы русскихъ баталіоновъ. Случайность и настроеніе духа войскъ часто одни рѣшаютъ участь сраженій; но, помилуй Богъ! скажемъ мы съ Суворовымъ, не все же счастье: нужно когда нибудь и умѣнье... Если, однако, оставить въ сторонѣ эти общія заключенія автора и его крайніе выводы, сколько останется прелести и художественной правды въ отдѣльныхъ эпизодахъ, имъ изображаемыхъ! Какъ онъ хорошо знаетъ русскаго солдата и какъ постигъ тайну его неустра-

*) Авторъ разсказываетъ, что въ отвѣтъ на донесеніе, что русскіе, несмотря на убійственный огонь 200 орудій съ семеновскихъ высотъ (уже занятыхъ тогда непріятелемъ), все стоятъ на мѣстѣ, Наполеонъ, нахмурившись, прохрипѣлъ осиплымъ голосомъ: „ils en veulent encore— donnez leurs en".

шимости, спокойной, ровной, невозмутимой неустрашимости, какъ бы граничащей съ равнодушіемъ! Напримѣръ, это стояніе между Семеновскимъ и Курганною батареею; вотъ страница образцовая въ своемъ родѣ (авторъ говоритъ о полкѣ Болконскаго): „Съ каждымъ новымъ выстрѣломъ непріятеля все меньше и меньше случайностей жизни оставалось для тѣхъ, которые еще не были убиты. Полкъ стоялъ въ батальонныхъ колоннахъ на разстояніи 300 шаговъ, но, несмотря на то, всѣ люди полка находились все время подъ вліяніемъ одного и того-же настроенія. Всѣ люди полка одинаково были молчаливы и мрачны. Рѣдко слышался между рядами говоръ, но говоръ этотъ замолкалъ всякій разъ, какъ слышали попавшій ударъ и крикъ: носилки.

Большую часть времени люди полка, по приказанію начальства, сидѣли на землѣ. Кто, снявъ киверъ, старательно распускалъ и опять собиралъ сборки; кто сухой глиной, распорошивъ ее въ ладоняхъ, начищалъ штыкъ; кто разминалъ ремень и перетягивалъ пряжку перевязи; кто старательно расправлялъ и перегибалъ по новому подвертки и перебувался. Нѣкоторые строили домики изъ соломы жнивья. Всѣ казались вполнѣ погружены въ эти занятія. Когда ранило и убивало людей, когда тянулись носилки, когда наши возвращались назадъ, когда виднѣлись сквозь дымъ большія массы непріятелей, никто не обращалъ вниманія на эти обстоятельства. Когда-же впередъ проѣзжала артиллерія, кавалерія, виднѣлись движенія нашей пѣхоты, одобрительныя замѣчанія слышались со всѣхъ сторонъ. Но самое большое вниманіе заслуживали событія совершенно постороннія, не имѣвшія никакого отношенія къ сраженію. Какъ будто вниманіе этихъ нравственно-измученныхъ людей отдыхало на этихъ обычныхъ, житейскихъ событіяхъ.

Батарея артиллеріи прошла передъ флангомъ полка. Въ одномъ изъ артиллерійскихъ ящиковъ пристяжная заступила постромку. — „Эй, пристяжную-то!... Выправь! Упадетъ. Эхъ, не видятъ!... по всему полку одинаково кричали изъ рядовъ.

Въ другой разъ общее вниманіе обратила небольшая коричневая собаченка съ твердо-поднятымъ хвостомъ, которая, Богъ знаетъ откуда взявшись, озабоченной рысцой выбѣжала передъ ряды, и вдругъ отъ близко ударившаго ядра взвизгнула и, поджавъ хвостъ, бросилась въ сторону. По всему полку раздалось гоготанье и взвизги. Но развлеченія такого рода продолжались минуты, а люди уже болѣе восьми часовъ стояли безъ ѣды и безъ дѣла подъ непроходящимъ ужасомъ смерти, и блѣдныя и нахмуренныя лица все болѣе блѣднѣли и хмурились“...

Или вотъ эта курганная батарея, куда другой герой романа, Пьеръ Безухій, въ качествѣ дилетанта, попалъ совершенно нечаянно, совсѣмъ не зная, что именно этой батареѣ суждено было сдѣлаться мѣстомъ самаго ожесточеннаго боя. Не переставая ни на минуту палить изъ своихъ ничтожныхъ, по числу, орудій, артиллеристы безстрашно выдерживали страшный огонь непріятеля, безстрашно глядѣли прямо въ лицо смерти, какъ бы не замѣчая ея присутствія, подшучивали надъ неожиданно появившимся въ кружкѣ ихъ „бариномъ“ (Пьеромъ), къ которому, впрочемъ, скоро привыкли (такъ какъ и онъ скорѣе изумлялся бою, чѣмъ пугался его), подшучивали надъ каждымъ выстрѣломъ врага, и съ каждымъ новымъ ударомъ ядра, вносившимъ смерть въ ихъ рѣдкіе ряды, становились еще веселѣе и оживленнѣе. Они дострѣлялись до того, что не достало уже у нихъ зарядовъ, и унтеръ-офицеръ подбѣжалъ къ старшему офицеру доложить ему объ этомъ тѣмъ испуганнымъ шопотомъ, какимъ дворецкій докладываетъ хозяину, что нѣтъ болѣе требуемаго вина; но офицеры не внимали этому докладу: „картечью, картечью!“ кричали они до тѣхъ поръ, пока не стало и ихъ, и самой батареи, пока ядра закрыли имъ навѣки уста, и французскіе батальоны заняли курганъ... Или трагическая катастрофа, постигшая стараго Болконскаго (отца князя Андрея). До послѣдней минуты не вѣрилъ онъ отступленію русской арміи, до послѣдней минуты не вѣрилъ онъ успѣхамъ Наполеона, продолжалъ писать критическія записки объ его

войнахъ и продолжалъ мучить княжну Марью. Онъ доходилъ почти до помѣшательства, упадалъ силами и медленно умиралъ. Но вотъ умъ его озарился внезапнымъ свѣтомъ: до него достигла вѣсть объ оставленіи Москвы. Покинувшія его силы вдругъ вернулись къ нему на минуту; онъ понялъ, онъ глубоко почувствовалъ все, и жгучая потребность идти на защиту отечества овладѣла всѣмъ его старческимъ существомъ; онъ пожелалъ стать во главѣ мѣстнаго ополченія; онъ надѣлъ мундиръ, ордена и обнажилъ шпагу. Но силъ не хватило; старика поразилъ апоплексическій ударъ, и его не стало. Не стало скоро и Лысыхъ горъ (имѣнія Болконскихъ): все смелъ съ лица земли наполеоновскій погромъ. Или очерки штабныхъ нравовъ, разсѣянные тамъ и сямъ по книгѣ. Главная квартира въ Вильнѣ, гдѣ присутствіе императора стѣсняло главнокомандующаго и порождало лишь безчисленное множество партій, предлагавшихъ каждый свой планъ войны. Партій этихъ (слѣдуя, вѣроятно, своему источнику—запискамъ современника) авторъ насчитываетъ до восьми, при чемъ восьмая и самая большая группа людей, которая, по своему огромному числу, относилась къ другимъ, какъ 99 къ 1, состояла изъ людей, не желавшихъ ни войны, ни мира, ни наступательныхъ движеній, ни оборонительныхъ дѣйствій, не стоявшихъ ни за какой планъ или проектъ, но желавшихъ только одного и самаго существеннаго—наибольшихъ для себя лично выгодъ и удовольствій; люди этой партіи ловили рубли, кресты, чины, и въ этомъ ловленіи слѣдили только за направленіемъ флюгера царской милости, безъ оглядки повертываясь тотчасъ въ ту сторону, въ какую повертывался этотъ флюгеръ... Или слѣдующая, напримѣръ, чисто гоголевская страница, по поводу личности Пфуля и его упрямаго желанія испытать, во что бы то ни стало, составленный имъ по всѣмъ правиламъ науки, планъ: „Французъ бываетъ самоувѣренъ потому, что онъ почитаетъ себя лично, какъ умомъ такъ и тѣломъ, непреодолимо обворожительнымъ, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Англичанинъ самоувѣренъ на томъ основаніи, что онъ есть гражданинъ бла-

гоустроеннѣйшаго государства въ мірѣ, и потому, какъ англичанинъ, знаетъ всегда, что все, что онъ дѣлаетъ, какъ англичанинъ, несомнѣнно хорошо. Итальянецъ самоувѣренъ потому, что взволнованъ, и забываетъ легко себя и другихъ. Русскій самоувѣренъ именно потому, что онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, потому что не вѣритъ, чтобъ можно было знать что-нибудь. Нѣмецъ самоувѣренъ хуже всѣхъ и тверже всѣхъ и противнѣе всѣхъ, потому что онъ воображаетъ, что знаетъ истину, науку, которую онъ самъ выдумалъ, но которая для него есть абсолютная истина!“

Или, наконецъ, мастерская картина посѣщенія государемъ Москвы и воззванія его къ сословіямъ. Въ залахъ Слободскаго собрались: въ одной—дворянство, въ другой—купечество. Дворяне спорили, шумѣли, высказывали разныя часто противоположныя мнѣнія, кричали о патріотизмѣ, не соглашались, но чуть разнеслось по залѣ, что государь идетъ, всѣ разомъ столпились къ столу и молча въ одну минуту, сами почти не замѣтивъ, какъ постановили единодушно рѣшеніе выставить по 10 человѣкъ съ тысячи и полное обмундированіе. Вспышка этого дѣятельнаго, истиннаго патріотизма такъ-же скоро прошла, какъ появилась, и на другой день московскіе дворяне „сняли мундиры“, опять размѣстились по домамъ и клубамъ, и, покряхтывая, отдавали приказанія управляющимъ объ ополченіи, и удивлялись тому, что̀ сдѣлали. „Въ тотъ-же день, какъ дѣлалось постановленіе московскаго дворянства, государь, горячо поблагодаривъ дворянъ за ихъ патріотическое дѣло, перешелъ въ залу купечества. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ оттуда со слезами умиленія на глазахъ, а сопровождавшій его толстый откупщикъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и все твердилъ: „И жизнь и имущество возьми, ваше величество!“

„Голосъ“, № 83.

*) Что такое „Война и Миръ“ графа Л. Н. Толстого?

Что такое „Война и Миръ“? Это не романъ, еще менѣе поэма, еще менѣе историческая хроника, говоритъ самъ авторъ и, въ оправданіе своего заявленія, приводитъ въ примѣръ художественныя произведенія: „Мертвыя Души“ и „Мертвый Домъ“ **). Такое оправданіе излишне: Tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux. ***) Девять десятыхъ русской читающей публики прочли съ удовольствіемъ сочиненіе графа Толстого, и этого довольно. Но напрасно авторъ полагаетъ, будто бы и приведенныя имъ въ примѣръ другія художественныя произведенія, выходящія изъ посредственности, *не укладываются* въ форму романа, поэмы или повѣсти. Сколько намъ кажется, „Мертвыя Души“ Гоголя—поэма, которой творецъ начерталъ широкою кистью былую, недавно минувшую жизнь Руси и русскаго народа; а „Мертвый Домъ“ Достоевскаго—мрачная хроника, написанная слезами и кровью, далеко оставляющая за собою столь прославленныя „Le mie Prigioni“ Пеллико.

Гораздо труднѣе автору оправдаться въ разногласіи съ историками, при описаніи дѣйствительныхъ событій и въ отверженіи исторіи, которымъ щеголялъ онъ въ своемъ произведеніи. Читая романы Вальтера Скотта, мы сознаемъ, что каждый изъ приводимыхъ имъ фактовъ если и не былъ въ дѣйствительности, то могъ быть: такъ вѣрно понята имъ эпоха, такъ глубоко изслѣдованы имъ характеры лицъ, выведенныхъ имъ на сцену. Его романы кажутся читателямъ достовѣрнѣе, нежели его же „Исторія Наполеона“, въ которой авторъ выказалъ себя болѣе кровнымъ британцемъ, нежели безпристрастнымъ историкомъ. Романы Валь-

---

*) „Голосъ“ 1868 г., № 129. Статья М. Б. подъ общимъ заглавіемъ: *За и противъ*. Къ этой статьѣ редакція „Голоса“ дѣлаетъ слѣд. оговорку: „Эту замѣтку получили мы отъ одного изъ уважаемыхъ нами военныхъ нашихъ историковъ и печатаемъ ее, какъ дополненіе къ тѣмъ отзывамъ, которые уже были помѣщены въ нашей газетѣ о сочиненіи графа Толстого. *Ред.*

Qui non prohibet cum potest, jubet.

**) „Русскій Архивъ“ 1868 г., № 3-й.

***) „Всѣ роды сочиненій хороши, кромѣ скучнаго“.

гера Скотта поражаютъ насъ своею достовѣрностью. Совершенно иное встрѣчаемъ въ „Войнѣ и Мирѣ". Авторъ гнетъ и ломаетъ, какъ вздумается ему, историческіе факты, и даже поступаетъ съ ними такъ безцеремонно безъ всякой надобности для романическаго интереса, а просто изъ желанія сказать что-нибудь новое, ускользнувшее, по его мнѣнію, отъ вниманія историковъ. Въ этомъ не было бы ничего дурного, если-бъ подобное своеобразное обхожденіе съ наукою не вело къ верхоглядству. Но, къ сожалѣнію, найдутся люди, которые предпочтутъ бездоказательное изученіе эпохи императора Александра по „Войнѣ и Миру" достовѣрнымъ историческимъ изслѣдованіямъ и особенно повѣря на слово даровитому автору, который пишетъ: „*Вездѣ гдѣ въ моемъ романѣ (?) говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріалами, изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая библіотека книгъ, заглавія которыхъ я не нахожу надобности выписывать здѣсь, но на которыя всегда могу сослаться*".

Мы не станемъ защищать ни Тьера ни Данилевскаго, къ трудамъ которыхъ авторъ относится съ такимъ презрѣніемъ *) и которые дѣйствительно были баснописцами въ исторіи; однакожъ, полагаемъ, что оба они пользовались лучшими и болѣе обильными матеріалами, нежели тѣ, которые послужили для сочиненія „Войны и Мира". Не сомнѣваемся также и въ томъ, что библіотеки ихъ, по исторической части, богаче и дѣльнѣе, нежели та, которая образовалась во время работы графа Толстого. Какимъ образомъ эти историки пользовались своими матеріалами— это иной вопросъ. Но хотя мы и согласны съ авторомъ „Войны и Мира" насчетъ несовершенной достовѣрности и отсутствія здравой критики въ трудахъ Данилевскаго и Тьера, однакожъ, все-таки, вѣримъ имъ болѣе, нежели художническому представленію, основанному на историческихъ документахъ, графа Толстого. Иначе намъ довелось бы,

*) „**Русскій Архивъ**" 1868 г., № 3

вмѣстѣ съ авторомъ „Войны и Мира“, приписать кавалергардамъ славную атаку конной гвардіи подъ Аустерлицемъ; мы повѣрили бы ему, что Наполеонъ взялъ за ухо прибывшаго къ нему, въ качествѣ довѣреннаго лица отъ россійскаго монарха, генералъ-адъютанта Балашова *); мы согласились бы съ авторомъ, что, передъ дѣломъ при Шевардинѣ, мы заняли позицію вдоль рѣки Колочи, лѣвымъ флангомъ къ Шевардину, тогда какъ, напротивъ, лѣвый нашъ флангъ стоялъ на семеновскихъ высотахъ, а Шевардино лежитъ въ разстояніи полуторы версты отъ Колочи **); мы стали бы не шутя увѣрять, будто бы въ 1812 году мы не проиграли ни одного сраженія, будто бы при Бородинѣ было вдвое болѣе войскъ, нежели у насъ, и проч...

Если обратимся къ философіи, или, лучше сказать, къ философствованію автора „Войны и Мира“, то не можемъ согласиться съ нимъ ни въ фатализмѣ, перенесенномъ имъ въ область исторіи, ни „въ маломъ значеніи, которое—по словамъ его—имѣютъ такъ называемые великіе люди въ историческихъ событіяхъ.“ Если-бъ графъ Толстой принялъ на себя трудъ внимательно прослѣдить сношенія представителей Россіи и Франціи, императора Александра I и Наполеона—въ Тильзитѣ, въ Эрфуртѣ и послѣ ваграмской кампаніи 1809 года, разразившіеся нашествіемъ двадцати народовъ, то убѣдился бы, что на такой исходъ имѣли первостепенное вліяніе личныя качества обоихъ государей и ближайшихъ къ нимъ лицъ, общественное мнѣніе и экономическое состояніе Россіи и Франціи и дипломатическія отношенія къ нимъ прочихъ государствъ. Авторъ не усомнился бы также въ геніальности великихъ полководцевъ: онъ вспомнилъ бы, что Юлій Цезарь, Тюрень, Фридрихъ Великій, Суворовъ, Наполеонъ были одни изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Столь же ошибочно поня-

*) Наполеонъ, бесѣдуя съ Балашовымъ, взялъ за ухо Коленкура. „А вы что скажете, угодникъ императора Александра?“ сказалъ онъ ему (Подлинная записка генералъ-адъютанта Балашова, хранящаяся въ архивѣ главнаго штаба).

**) Въ рапортѣ князю Кутузову графа Сиверса, отъ 26-го сентября 1812 года, за № 246, сказано, что „войска, послѣ дѣла при Шевардинѣ, отошли на прежнюю позицію“, то есть, на семеновскія высоты..

тіе графа Толстого о военномъ дѣлѣ, какъ безусловно вредномъ по своимъ послѣдствіямъ. Конечно, оно таково въ рукахъ завоевателя, считающаго пушечнымъ мясомъ *) сотни тысячъ людей, приносимыхъ въ жертву его ненасытному властолюбію. Но если вѣчный миръ есть не что иное, какъ утопія, если война бываетъ неизбѣжна, то военное дѣло должно быть тщательно изучаемо въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ. Да и самая война—дѣло великое, дѣло священное, когда весь народъ и самъ государь въ челѣ его идутъ на защиту своей родины, колыбелей дѣтей своихъ, могилъ своихъ предковъ. Война 1812 года имѣла такой характеръ. Она оставила неизгладимый слѣдъ въ памяти русскихъ именно потому, что весь народъ, кромѣ нѣсколькихъ выродковъ, принималъ въ ней участіе.

Даровитый авторъ „Войны и Мира“ могъ начертать картину борьбы Россіи со всею Европою и дать въ своемъ твореніи почетное мѣсто народу, а не великосвѣтскимъ героямъ своего романа; онъ могъ, вмѣсто Лаврушки и его пошлой бесѣды съ Наполеономъ, вывести на сцену и старостиху Василису, и храбраго гусара — Дурову и предводителя воиновъ - поселянъ Курина, и священника Скабеева въ челѣ верейской дружины, и Фигнера въ Москвѣ, занятой французами и проч. Но „отъ великаго до смѣшного“ только одинъ шагъ **), и, къ сожалѣнію, мы находимъ подтвержденіе этого афоризма въ послѣднемъ сочиненіи графа Толстого.

„Голосъ“. Статья М. Б.

* * *

Замѣтка по поводу Бородинскаго сраженія ***).

Въ фельетонѣ „Голоса“ 23-го марта, № 83-й, помѣщенъ разборъ романа „Война и Миръ“. Говоря о Бородинскомъ

*) „Chair à canon“—выраженіе Наполеона

**) „Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas“, слова сказанныя Наполеономъ аббату Прадту, при проѣздѣ черезъ Варшаву, въ концѣ 1812 года.

***) „Голосъ“ 1868 г., № 129. Статья И. Липранди.

сраженіи, почтенный фельетонистъ *), приведя изъ IV тома помянутой книги слова: „давая и принимая бородинское сра„женіе, *Кутузовъ и Наполеонъ поступили непроизвольно и без„смысленно*, присовокупляетъ: дѣйствительно, описать въ „точности, какъ происходила бородинская битва—дѣло если „не совсѣмъ невозможное, то чрезвычайно трудное: доказа„тельство — генералъ Липранди, который исписалъ цѣлые „томы критическихъ статей объ отечественной войнѣ и о „*бородинской битвѣ*, посвятилъ этой битвѣ огромное изслѣ„дованіе въ „*Чтеніяхъ исторіи и древностей россійскихъ*“ за 1866 годъ, *и все-таки не далъ яснаго понятія объ общемъ ходѣ сраженія*, и т. д.

Въ приведенныя строки вкралось, по крайней мѣрѣ, недоразумѣніе. Я никогда и не думалъ излагать *общаго хода этого сраженія*, и всегда думалъ, какъ и почтенный фельетонистъ, что дѣло это „*если не совсѣмъ невозможное, то чрезвычайно трудное*“, въ чемъ онъ можетъ убѣдиться, изъ цитованной имъ же книжки: „Матеріалы отечественной войны 1812 года“, гдѣ въ статьѣ, за 10 лѣтъ передъ симъ напечатанной, на стр. 84-й сказано, что: „точное описаніе ея „(бородинской битвы) есть мемфисскій или критскій лаби„ринтъ Дедала, въ которомъ не одинъ ученый заблудится, „если, не участвовавъ въ битвѣ, возмечтаетъ опредѣлить „только одни моменты, чтобъ ясно показать ихъ вліяніе на „общій ходъ сраженія и его исходъ“. Я думалъ, что до яснаго изложенія этой битвы гигантовъ, какъ назвалъ ее Наполеонъ, можетъ достигнуть только общество, а *не одинъ человѣкъ и еще менѣе—я*, въ чемъ легко убѣдиться въ той же книгѣ, еще и на страницахъ 13, 16, 25 и 46-й; нигдѣ не найдетъ онъ съ моей стороны и *помысла* къ подобному предпріятію.

Это же говорилъ я и гораздо прежде **). Говорилъ тоже

*) Хотя противъ приписыванія мнѣ небывалаго можно было бы и не возражать; но какъ здѣсь дѣло идетъ не о томъ, что *исписанные мною томы ничего не доказали*, о чемъ можетъ судить каждый, но здѣсь есть какъ бы намекъ на несамостоятельность мою въ томъ, *о чемъ говорю*.

**) Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году. Спб. 1855.

самое и въ 1866 году, въ „*Чтеніяхъ*“, на которыя указывается *) и именно на стр. 26-й сказано, „что предлагаемая книга *не что иное*, какъ одинъ только опытъ распредѣленія иноземныхъ повѣствователей по предметамъ и согласованія разнорѣчій, которыми переполнены всѣ сказанія о войнѣ 1812 года“. Далѣе (стр. 49-я), изложивъ мнѣніе извѣстныхъ лицъ о томъ, что нѣтъ еще правдиваго и отчетливаго описанія войны 1812 года, собственно о бородинскомъ сраженіи, говорю: „*Я не принимаю на себя описывать эту исполинскую битву; для сего нужно другое перо, нужны другія способности*“.

Изъ всего вышеприведеннаго и многихъ другихъ мѣстъ видно, что приписываемая мнѣ неудача—*дать ясное понятіе объ общемъ ходѣ сраженія*—произошла по самой простой причинѣ, и именно по той, что я никогда и не думалъ брать на себя эту обязанность, а обработывалъ только отдѣльные эпизоды и настолько, насколько требовалось, и потому поклепъ на меня не основателенъ, несправедливъ.

Далѣе читается въ фельетонѣ: „г. Жуковъ, въ недавно „вышедшей 4-й книгѣ „Чтеній общества исторіи и древно„стей россійскихъ“, за минувшій годъ, очень основательно „доказываетъ, что Барклай не имѣлъ никакого опредѣли„тельнаго плана для отступленія, что, повинуясь голосу „общественнаго мнѣнія, онъ готовъ былъ бы сразиться съ „непріятелемъ, но вынужденъ былъ отступать естественною „необходимостью, подобно тому, какъ вынужденъ былъ от„ступать и самъ Кутузовъ. И опять присовокупилъ: „*то „же находимъ* и въ многочисленныхъ критическихъ стать„яхъ генерала Липранди, собранныхъ имъ нынѣ въ одну „книжку, подъ общимъ заглавіемъ: *Матеріалы для отече„ственной войны 1812 года*“.

Ссылаюсь и здѣсь на все мною писанное съ 1832 года объ отечественной войнѣ. Нигдѣ не говорилъ я относительно тѣхъ или другихъ „*опредѣленныхъ или неопредѣлен-*

*) Это составило особую книгу (въ XLIX и 314 страницъ убористой печати): „Кому и въ какой степени принадлежитъ честь бородинскаго дня“.

ныхъ плановъ кампаніи“. Въ трудахъ моихъ я такъ далеко не заходилъ, какъ потому, что, не признавая въ себѣ достаточно способности на такое дѣло, не брался и судить о томъ, что не по силамъ, чего, можетъ быть, вполнѣ и не понималъ. Словомъ, какъ на службѣ, такъ и внѣ оной, предпринималъ только то, что признавалъ доступнымъ моимъ силамъ, понятіямъ и средствамъ. Во-вторыхъ, какъ частный человѣкъ, и не могъ имѣть доступа до тѣхъ матеріаловъ, которые были бы необходимы для такого изложенія, а ограничивался, повторяю, только очищеніемъ эпизодовъ отъ нелѣпостей, указаніями на противорѣчія и тому подобные второстепенные промахи, какъ иноземныхъ, такъ и нашихъ повѣствователей. То же самое встрѣтятъ и въ печатаемыхъ уже замѣчаніяхъ моихъ на „Исторію отечественной войны 1812 года“, въ которыхъ несравненно болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, распространяюсь о бородинскомъ сраженіи, и тутъ почтенный критикъ-фельетонистъ ничего не найдетъ подобнаго тому, что ему казалось въ цитованныхъ имъ моихъ статьяхъ: онъ встрѣтитъ ту же критическую обработку эпизодовъ, которая можетъ облегчать только историка, принявшаго на себя трудъ для изложенія *хода бородинскаго сраженія*.

Наконецъ, такъ какъ книга графа Льва Николаевича Толстого „Война и Миръ“, послужила поводомъ къ настоящему моему возраженію на вкравшееся недоразумѣніе, то нахожу нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ, по моему мнѣнію, замѣчательномъ твореніи. Возьму эпизодъ бородинской битвы, подавшей поводъ почтенному фельетонисту назвать и меня. Графъ упрекается, между прочимъ, и въ томъ, что многое, имъ сказанное, несогласно съ исторіей! Но въ исторіи, въ строгомъ смыслѣ значенія ея, въ настоящее время, можетъ быть, и рано еще дѣлать тѣ вѣрные очерки о многихъ личностяхъ (а такихъ очерковъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ очень много), которые, подъ эгидой—„романа“, говорятъ многое, а это-то многое можетъ послужить къ разъясненію и очень многаго. Не мѣсто здѣсь, да и особенно мнѣ, какъ дѣятелю въ описываемую эпоху, разбирать

критически изложенное въ романѣ; но думаю, что если-бъ въ этомъ случаѣ романъ и дѣйствительно грѣшилъ противъ исторіи, то это еще не бѣда. Другое дѣло, когда исторія той эпохи впуститъ „романъ“ на свои строки, да еще и не такъ увлекательно разсказанный: а, вѣдь, мы не изъяты отъ такихъ тяжкихъ грѣховъ.

„Голосъ“ за 1868 г. Статья П. Липранди.

* * *

*) Вышедшее въ настоящемъ году сочиненіе графа Толстого „Война и Миръ“ было прочитано, можно сказать, всею читающею русскою публикою. Высокая художественность этого произведенія и объективность взгляда автора на жизнь, столь мало знакомая русской публикѣ по произведеніямъ нашихъ беллетристовъ, произвели обаятельное впечатлѣніе. Художникъ-авторъ сумѣлъ совершенно овладѣть умомъ и вниманіемъ своихъ читателей и заставилъ ихъ интересоваться глубоко всѣмъ, что онъ изобразилъ въ своемъ произведеніи. Но публика, увлеченная художественностью, желала, конечно, яснѣе знать, что именно такъ обаятельно въ сочиненіи графа Толстого. Естественно, публика искала объясненія этого впечатлѣнія въ критическихъ отзывахъ нашихъ журналовъ. Въ какомъ же смыслѣ высказались наши журнальные рецензенты о произведеніи графа Толстого. Никто изъ нихъ, конечно, не отрицалъ художественности произведенія, потому что она уже слишкомъ осязательна, но всѣ они, какъ подъ диктовку, осудили графа Толстого за его объективность, т. е. именно за источникъ художественности и источникъ возвышенности взглядовъ, потому что возвышенность и глубина взгляда зависятъ вообще отъ той степени отвлеченія и объектированія, какая бываетъ доступна писателю; низменность же взглядовъ зависитъ лишь отъ безсилія возвыситься надъ фактами и обозрѣть ихъ, такъ сказать, съ птичьяго полета. Графъ Толстой, какъ

---

*) „Русско-Славянскіе Отголоски“ 1868 г., № 2 (Общественныя замѣтки. „Философія нашихъ критиковъ по поводу „*Войны и Мира*“ гр. Толстого)“.

извѣстно, описывалъ въ повѣствовательной формѣ историческія событія въ нашемъ отечествѣ въ началѣ настоящаго столѣтія. Матеріалъ для художественнаго произведенія громадный, хотя и недоступный. Имѣя дѣло не съ отдѣльными личностями или характерами въ ихъ частномъ быту, а захватывая и жизнь политическую и общественную въ весьма широкомъ смыслѣ слова, авторъ, какъ мыслитель, не могъ не оживить всей этой движущейся и оживленной картины общимъ взглядомъ на тѣ причины, которыя приводили въ движеніе описываемую имъ жизнь. Повторяемъ, что авторъ носилъ въ своемъ воображеніи цѣлую эпоху, исполненную движенія, переворотовъ, случайностей, блеска и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительнаго ничтожества; какъ мыслитель онъ искалъ въ своемъ умѣ уясненія общаго закона, по которому иногда изъ случайныхъ явленій слагались неожиданные результаты, а иногда изъ сложныхъ и продуманныхъ предположеній и плановъ не выходило ровно ничего. Надъ исторіей человѣчества задумывались всѣ умы, которые оставили по себѣ слѣдъ въ исторіи человѣческой мысли. Существуетъ много философско - историческихъ системъ, которыя можно подраздѣлить на теологическія, метафизическія и физіологическія. Системы эти, различно изъясняя сущность законовъ, управляющихъ судьбами исторіи, всѣ, однако, сходятся въ томъ, что законы эти суть правильные и неизмѣнные, что въ жизни человѣчества, такимъ образомъ, нѣтъ ничего случайнаго, зависящаго непосредственно отъ человѣческой воли; что всѣ идеи, которыя, повидимому, рождаются въ умахъ людей, суть не болѣе, какъ естественное и необходимое послѣдствіе предшествовавшихъ имъ явленій. Если провѣрить строгимъ научнымъ путемъ открытія и изобрѣтенія, которыя приписываются обыкновенно человѣческому уму, то мы увидимъ, что въ этихъ изобрѣтеніяхъ есть строгая послѣдовательность и никакое открытіе въ наукѣ не можетъ послѣдовать прежде, нежели будутъ извѣстны факты, на которые опирается новое открытіе. Такимъ образомъ, дѣлается несомнѣннымъ, что самая свободная сила человѣка, его геній, дѣйствуетъ по точнымъ законамъ, и ничего не

можетъ совершить внѣ этихъ законовъ. Взглядъ этотъ вполнѣ оказывается приложимымъ къ изъясненію той или другой исторической эпохи, и начиная отъ самыхъ крупныхъ фактовъ исторіи и до самыхъ мелкихъ явленій, постоянство и непреложность историческаго закона дѣлается несомнѣннымъ. Но, признавъ въ принципѣ непреложность историческихъ законовъ, естественно, не представляется уже никакой логической важности относиться и къ отдѣльнымъ явленіямъ, руководясь какимъ-либо другимъ принципомъ. Если законъ всеобщъ, то его присутствіе и вліяніе распространяется уже на всѣ факты, изъ которыхъ слагается историческая эпоха.

Авторъ „Войны и Мира“, какъ объективный художникъ и мыслитель, не могъ отрѣшиться отъ взгляда на исторію, выработаннаго къ чести нашего вѣка великими умами, которыми можетъ гордиться человѣчество. Если бы онъ писалъ, напр., исторію цивилизаціи Россіи, или исторію какой-нибудь древней эпохи, то онъ, конечно, развилъ бы свой взглядъ систематически и, можетъ быть, наши рецензенты поняли бы мыслителя; въ настоящемъ же сочиненіи авторъ имѣлъ дѣло съ событіями, свидѣтели коихъ еще живы, и съ лицами, къ которымъ общество не привыкло относиться безпристрастно. Кромѣ того, въ художественномъ произведеніи могли быть умѣстны философскіе взгляды только въ формѣ художественной, т. е. въ образахъ и положеніяхъ. Задача безспорно весьма трудная—ловить на лету явленія, изображать ихъ во всей жизненной полнотѣ ихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ проникать въ ихъ внутренній смыслъ и указывать на отдѣльныя причины, отъ которыхъ эти явленія исходятъ, и на результаты, производимые ими. Особенность литературнаго таланта графа Толстого состоитъ именно въ образности, колоритности, полнотѣ изображенія, въ способности глубоко проникать въ смыслъ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необыкновенной простотѣ и силѣ. Конечно, провести въ литературной формѣ философскій взглядъ о непреложности и общности историческаго закона и подмѣчать дѣйствіе этого закона на явленіяхъ единичныхъ, мелкихъ, и

вообще выразить въ художественной формѣ весь внѣшній объемъ и внутреннее содержаніе явленій, было крайне трудно; но отъ этого не можетъ еще измѣняться взглядъ на законы исторіи, и не понять, такъ сказать, необходимости, по которой явленія, подъ вліяніемъ взгляда автора, не могли быть объясняемы иначе, какъ онѣ объясняются въ романѣ, — по нашему мнѣнію, значило просто не имѣть достаточнаго знакомства съ современнымъ состояніемъ философской мысли и исторической науки. Когда императоръ Наполеонъ III выпустилъ своего знаменитаго „Юлія Цезаря“, то весь міръ, не исключая и нашихъ рецензентовъ, хохоталъ надъ философско-историческими воззрѣніями историка Юлія Цезаря. По системѣ императора французовъ, судьбами человѣчества управляютъ геніальные люди, въ родѣ Юлія Цезаря, Наполеона I и, уже разумѣется, Наполеона III, и что людей этихъ посылаетъ Провидѣніе для того, чтобы они двигали исторію человѣчества. Для всѣхъ ясна была цѣль этой философской системы, и всѣ лишь смѣялись надъ ней, оставляя ее просто безъ всякой критики; теперь же наши рецензенты осуждаютъ графа Толстого именно за то, что онъ въ философіи исторіи не пошелъ по стопамъ Наполеона III, а явился объективнымъ мыслителемъ, признающимъ постоянство и непреложность историческаго закона. На языкѣ нашихъ рецензентовъ это называется фатализмомъ, и за него они осуждаютъ даровитаго автора. Г. Ахшарумовъ находитъ даже взглядъ этотъ вреднымъ потому, что онъ отнимаетъ будто бы всякій смыслъ и значеніе свободныхъ дѣйствій человѣка. Такимъ образомъ, критикъ, занимавшійся разборомъ нѣкоторыхъ произведеній нашей литературы, по порученію академіи, ставитъ пользу какъ критерій философской истины. Если бы одинъ г. Ахшарумовъ явился съ подобнымъ взглядомъ, то мы были бы не въ правѣ придавать этому обстоятельству, какъ случайному, широкаго значенія; но наши журналы почти всѣ отозвались о сочиненіи графа Толстого подобно г. Ахшарумову. Въ „Голосѣ“ (№ 129) помѣстилъ въ томъ же смыслѣ отзывъ о сочиненіи графа Толстого даже авторитетный военный

историкъ М. Б., какъ это видно изъ примѣчанія, сдѣланнаго редакціею. Извлекаемъ изъ этой статьи нѣсколько строкъ, которыя, по нашему мнѣнію, составляютъ драгоцѣнный перлъ, по которому мы можемъ познать съ очевидностію упадокъ русской мысли и низкій уровень нашей философской эрудиціи. Вотъ что говоритъ одинъ изъ военныхъ нашихъ историковъ: „Если обратимся къ философіи, или, лучше сказать, къ философствованію автора „Войны и Мира“, то не можемъ согласиться съ нимъ ни въ фатализмѣ, перенесенномъ имъ въ область исторіи, ни въ маломъ значеніи, которое—по словамъ его—имѣютъ такъ называемые великіе люди въ историческихъ событіяхъ. Если-бъ графъ Толстой принялъ на себя трудъ внимательно прослѣдить сношенія представителей Россіи и Франціи, императора Александра I и Наполеона — въ Тильзитѣ, въ Эрфуртѣ и послѣ ваграмской кампаніи 1809 года, разразившейся нашествіемъ двадцати народовъ, то убѣдился бы, что на такой исходъ имѣли первостепенное вліяніе личныя качества обоихъ государей и ближайшихъ къ нимъ лицъ, общественное мнѣніе и экономическое состояніе Россіи и Франціи и дипломатическія отношенія къ нимъ прочихъ государствъ. Авторъ не усумнился бы также въ геніальности великихъ полководцевъ; онъ вспомнилъ бы, что Юлій Цезарь, Тюрень, Фридрихъ Великій, Суворовъ, Наполеонъ были одни изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени“.

Такимъ образомъ, военный историкъ заставляетъ графа Толстого обратиться за философскими воззрѣніями на исторію къ дипломатической перепискѣ, къ военнымъ диспозиціямъ и т. п. Замѣтка г. М. Б., по нашему мнѣнію, верхъ совершенства. Это философія генеральнаго штаба, философія военнаго артикула; какъ же требовать, чтобы философствующая свободная мысль и наука придерживались этихъ утилитарныхъ или служебныхъ философскихъ взглядовъ? Мы думаемъ, что г. М. Б. написалъ въ этой статьѣ критику не на сочиненіе графа Толстого, а на всѣ свои уже написанныя и будущія историческія сочиненія; онъ осудилъ самъ себя военнымъ судомъ.

Если такое пониманіе высшихъ предметовъ мышленія имѣетъ мѣсто въ нашей періодической печати, руководящей общественной мыслью и сознаніемъ, то что же должно быть въ самой общественной средѣ?...

„Русско-Славянскіе отголоски“.

* * *

*) Подобно большинству публики, мы съ нетерпѣніемъ ожидали четвертый томъ „Войны и Мира“. Мы предполагали въ этомъ томѣ встрѣтить еще болѣе интереса, чѣмъ въ предыдущихъ, потому что въ немъ авторъ вводитъ своихъ героевъ въ полный великими событіями двѣнадцатый годъ. Подъ перомъ такого романиста, какъ графъ Толстой, думали мы, передъ нами воскреснетъ цѣлый рядъ художественныхъ картинъ знаменательной эпохи, — картинъ, наглядно и послѣдовательно раскрывающихъ сущность и подробности исторической борьбы, представляющейся во многихъ отношеніяхъ колоссальною и необыкновенною. Прочтеніе настоящаго тома оставило въ насъ впечатлѣніе, несоотвѣтствующее тѣмъ ожиданіямъ, какія мы имѣли. Графъ Толстой является въ этомъ томѣ только отчасти романистомъ. Соскучившись ролью правдиваго художника (которою онъ единственно и можетъ быть интересенъ для публики и которая стяжала ему полное вниманіе послѣдней), авторъ „Войны и Мира“ выступаетъ въ романѣ философомъ и критикомъ историческихъ и военныхъ событій. Вмѣсто цѣльныхъ картинъ, обрисовывающихъ удивительныя событія эпохи, онъ даетъ намъ только отрывки ихъ, и притомъ зачастую обработанные небрежно и торопливо. Объ общей связи между этими отрывками гр. Толстой не прилагаетъ заботъ и, взамѣнъ ея, выставляетъ всюду свои философскія мысли объ историческихъ событіяхъ и свои критическіе взгляды, направленные противъ военной науки. Увлеченіе личными взглядами доводитъ даровитаго писателя до того, что онъ почти забываетъ своихъ героевъ и въ настоящемъ

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1868 г., № 86. Библіографія. Ст. Z. (В. Буренина). *„Война и Миръ“.* Соч. гр. Л. Н. Толстого. Томъ IV.

томѣ не даетъ никакого существеннаго развитія ихъ характерамъ и положеніямъ. По нашему мнѣнію, обвинять гр. Толстого за то, что онъ въ четвертомъ томѣ поступаетъ вполнѣ несогласно съ эстетическими требованіями художественнаго произведенія не слѣдуетъ, и подробно указывать явные недостатки этого тома въ семъ отношеніи мы не будемъ. „Войну и Миръ“ самъ авторъ не призналъ романомъ, и отступленія его отъ обычныхъ условій видимы для всякаго, даже и не особенно внимательнаго читателя. Точно также можно было бы оставить совершенно въ сторонѣ и философскія воззрѣнія автора, какъ не представляющія, по своему внутреннему достоинству, большого значенія, и остановиться только на томъ „дѣлѣ“, какое есть въ четвертомъ томѣ, если-бъ, къ сожалѣнію, романистъ не подладилъ многое въ своемъ разсказѣ помянутымъ воззрѣніямъ. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ насъ обратить вниманіе на философію графа Толстого и сдѣлать нѣкоторую оцѣнку этой философіи, забравшейся въ романъ въ ущербъ художественной правдѣ. Графъ Толстой признаетъ неизбѣжность фатализма въ исторіи. По его мнѣнію, историческія событія совершаются потому, что они должны были совершиться по чьимъ-то высшимъ соображеніямъ, и отнюдь не обусловливаются участіемъ въ нихъ человѣческой воли. „Есть двѣ стороны жизни въ каждомъ человѣкѣ: жизнь личная, которая тѣмъ болѣе свободна, чѣмъ отвлеченнѣе ея интересы, и жизнь стихійная, роевая, гдѣ человѣкъ неизбѣжно исполняетъ предписанные ему законы. Человѣкъ сознательно живетъ для себя, но служитъ безсознательнымъ орудіемъ для достиженія историческихъ, общечеловѣческихъ цѣлей“. Въ приведенныхъ нами фразахъ заключается вся сущность теоріи автора. По этой теоріи, исторія является чѣмъ-то существующимъ отдѣльно отъ человѣка, существующимъ само по себѣ и само для себя. Каждая личность, какъ она ни бейся, куда не устремляй свою дѣятельность и свои усилія, въ концѣ концовъ все-таки оказывается ни больше ни меньше, какъ однимъ изъ милліоновъ жалкихъ композиторовъ, сочиняющихъ свою собственную музыку на колоссальное либретто,

заранѣе уже написанное исторіей. Какимъ-бы своеобразнымъ вдохновеніемъ ни обладалъ тотъ или другой композиторъ, во всякомъ случаѣ ему придется вдохновляться только на данныя темы, и такимъ образомъ общій характеръ музыки, несмотря на безчисленное разнообразіе композиторовъ, будетъ заключать въ себѣ непремѣнно цѣлое, подходящее къ „предопредѣленному предвѣчно" либретто. Теорія эта не только не оригинальна и не нова, но даже и брошена въ исторической наукѣ. Она основана на мистической философіи, въ наши дни окончательно порѣшенной, и можетъ прельщать развѣ только поэтовъ и романистовъ, такъ какъ представляетъ обширное поле для построенія выводовъ, основанныхъ единственно на таинственныхъ фразахъ, какъ это мы ясно видимъ изъ примѣра, представляющагося намъ въ авторѣ „Войны и Мира". Если разобрать внимательно фразы, выдаваемыя авторомъ за философію, то отъ этихъ фразъ останется весьма немного. Если каждый *индивидуумъ сознательно* и *свободно* живетъ личною жизнью, если эта личная жизнь зависитъ хотя бы долею отъ него, и не сообразается ни съ какою предварительно написанною программой, то человѣчество (какъ сумма индивидуумовъ) въ своей „роевой", общей исторической жизни слѣдуетъ тому же сознательному и свободному стремленію, и управляется отнюдь не „предопредѣленными" законами, а единственно только тѣми, которые, выражаясь словами одного писателя, „образуются совокупностью тысячи условій, необходимыхъ и случайныхъ, да волей человѣческой, придающей нежданныя драматическія развязки и coups de théâtre". Но графъ Толстой, увлекаясь своими фразами, не желаетъ сознавать этой простой истины, и предпочитаетъ въ этомъ мірѣ для людей роль куколъ или колесъ въ машинѣ, управляемой мистическою силой. Поэтому для великихъ историческихъ событій онъ не признаетъ ближайшихъ причинъ, ихъ порождавшихъ, и, отвлекаясь за поискомъ отдаленныхъ, первоначальныхъ, доходитъ до предопредѣленія; а великихъ историческихъ личностей, стоявшихъ во главѣ тѣхъ силъ, которыя выдвигали подобныя событія, признаетъ не больше,

какъ ярлыками, дававшими событіямъ только наименованіе и менѣе всего имѣвшими дѣйствительной связи съ ними. До какихъ курьезныхъ мыслей доходитъ графъ Толстой въ своей фаталистической теоріи, читатель можетъ видѣть изъ слѣдующаго разсужденія: „Когда созрѣло яблоко и падаетъ— отчего оно падаетъ? Оттого-ли, что тяготѣетъ къ землѣ, оттого-ли, что засыхаетъ стержень, оттого-ли, что сушится солнцемъ, что тяжелѣетъ, что вѣтеръ сотрясаетъ его, оттого-ли, *что стоящему внизу мальчику хочется съѣсть его?*“ Безъ всякаго сомнѣнія, даже и нехитрый умъ догадается отвѣтить на эти вопросы, что упасть яблоко можетъ отъ первыхъ пяти дѣйствительныхъ причинъ, а отнюдь не отъ шестой, мистической, никоимъ образомъ въ число причинъ паденія яблока не идущей. Но не такъ умозаключаетъ графъ Толстой. Онъ говоритъ: „Ничто не причина. Все это только совпаденіе тѣхъ условій, при которыхъ совершается всякое жизненное, органическое, стихійное событіе. И тотъ ботаникъ, который найдетъ, что яблоко падаетъ оттого, что клѣтчатка разлагается и тому подобное, *будетъ такъ же правъ, какъ и тотъ ребенокъ, стоящій внизу, который скажетъ, что яблоко упало оттого, что ему хотѣлось съѣсть его, и что онъ молился объ этомъ*“. Милое измышленіе, читатель, не правда ли? Столь же забавнымъ и въ такой же мѣрѣ пахнущимъ мистицизмомъ и школьнымъ глубокомысліемъ является гр. Толстой въ своихъ сужденіяхъ о настоящей причинѣ войны двѣнадцатаго года. Тутъ онъ ставитъ столько *ежели бы* и *если бы*, не обусловливающихъ никакого правильнаго вывода изъ нихъ, что кажется, будто почтенный авторъ шутитъ, а не серьезно рѣшаетъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ историческихъ вопросовъ. „Ежели бы Наполеонъ не оскорбился требованіемъ отступить за Вислу, и не велѣлъ наступать войскамъ, не было бы войны: но ежели бы всѣ сержанты не пожелали поступить на вторичную службу, тоже войны не могло бы быть. Тоже не могло бы быть войны, ежели бы не было интригъ Англіи и принца Ольденбургскаго, и чувства оскорбленія въ Александрѣ, и не было бы самодержавной власти въ Россіи, и не было бы француз-

ской революціи" и т. д. Авторъ могъ бы прибавить къ исчисленнымъ имъ *ежели бы* гораздо болѣе существенныя, напримѣръ: ежели бы не было геологическаго переворота, образовавшаго воды и выдвинувшаго на немъ островъ Корсику, на которомъ родился Наполеонъ, то войны тоже не могло бы быть, и причислить этотъ переворотъ къ числу отдаленнѣйшихъ поводовъ къ событіямъ двѣнадцатаго года, поставить его въ „милліардъ" причинъ, совпавшихъ для того, „чтобъ произвесть то, что было". Тогда онъ могъ бы еще съ большею торжественностью сдѣлать свой окончательный выводъ: „и слѣдовательно, ничто не было причиной событія, а событіе должно было совершиться только потому, *что оно должно было* совершиться.

Какъ ни забавна, какъ ни странна подобнаго рода философія, но графу Толстому она до того понравилась, что онъ на основаніи ея представилъ въ своемъ романѣ Наполеона не сильной личностью, порождавшей событія или, по крайней мѣрѣ, управлявшей (до нѣкоторой степени, разумѣется,) ихъ ходомъ, а какимъ-то жалкимъ пошлякомъ, не только не понимавшимъ своихъ стремленій, но въ сущности даже никакихъ стремленій не имѣвшимъ. Мы понимаемъ, что можно, съ извѣстной точки зрѣнія, признавать Наполеона явленіемъ далеко неотраднымъ, можно почитать его за великаго деспота, если угодно, даже за злодѣя. Но чего никакимъ образомъ нельзя отнять у его образа—это, во-первыхъ, необычайной силы, во-вторыхъ, глубоко-трагическаго характера его судьбы. Признать личность Наполеона мелкою и пошлою, владѣвшею людьми единственно посредствомъ хлестаковской беззастѣнчивости въ обращеніи съ ними—это значило бы признать цѣлое поколѣніе эпохи, героемъ которой былъ онъ, поколѣніемъ идіотовъ. Признать личность Наполеона, его замыслы и подвиги только по наружности носившими на себѣ колоссальный и серьезный характеръ, а въ существѣ дѣла комическими и мелкими,—это значитъ цѣлый рядъ знаменательныхъ историческихъ событій низвести на степень жалкой и смѣшной пародіи. Но графъ Толстой, руководимый тою мыслію, что Напо-

леонъ въ историческихъ событіяхъ игралъ роль пѣшки, переставляемой на шахматной доскѣ жизни народовъ неизвѣстною чьею-то рукою, сумѣлъ „возвыситься" до подобнаго пониманія Наполеона, и именно старается представить его личность ничтожною, хотя, помимо воли автора, подобное представленіе не вполнѣ удается ему, и посредственное творчество художника графа Толстого мѣстами никакъ не можетъ подладиться подъ ошибочныя и ложныя воззрѣнія теоретика графа Толстого.

И какимъ же пріемомъ производитъ авторъ „Войны и Мира" разоблаченіе Наполеона изъ героя въ пошляка? Онъ придаетъ ему характеръ обыкновенности рисовкою будничныхъ привычекъ, выставленіемъ его мелочнаго тщеславія въ обращеніи съ окружающими и т. п. Такъ, напримѣръ, авторъ представляетъ наканунѣ бородинскаго сраженія сцену вытиранія императора щетками и опрыскиванія одеколономъ и слѣдующее затѣмъ одѣваніе. Описываніемъ подобныхъ подробностей, графъ Толстой думаетъ, по всей вѣроятности, низвести Наполеона изъ сана великаго человѣка на степень обыкновеннаго смертнаго, и, разумѣется, не достигаетъ этой цѣли. Но пусть бы авторъ отнималъ у Наполеона значеніе выдающагося изъ ряда обыкновенныхъ личностей человѣка, нѣтъ, онъ идетъ еще далѣе, и отрицаетъ въ немъ даже военный геній. Для этой цѣли графъ Толстой создаетъ особую теорію, по которой успѣхъ битвъ обусловливается отнюдь не стратегическими соображеніями и распоряженіями полководцевъ, а зависитъ единственно отъ дерущихся солдатъ. „Хорошему полководцу", такъ заставляетъ графъ Толстой разсуждать героя „Войны и Мира" Болконскаго, „не только генія и какихъ-нибудь качествъ не нужно, но, напротивъ, ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ и лучшихъ человѣческихъ качествъ — любви, поэзіи, нѣжности, философскаго пытливаго сомнѣнія. Онъ долженъ быть ограниченъ, твердо увѣренъ въ томъ, что то, что онъ дѣлаетъ, очень важно (иначе у него не достанетъ терпѣнія), и тогда только онъ будетъ храбрый полководецъ. Избави Богъ, коли онъ—человѣкъ, полюбитъ кого-

нибудь, пожалѣетъ, подумаетъ о томъ, что справедливо и что нѣтъ. Понятно, что изстари еще для нихъ подделали теорію геніевъ, потому что они—власть. Заслуга въ успѣхѣ военнаго дѣла зависитъ не отъ нихъ, а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: *пропали*, или закричитъ: *ура!* И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностью, что ты полезенъ!“ Приведенная тирада князя Болконскаго совершенно совпадаетъ со взглядомъ самого графа Толстого на значеніе военныхъ геніевъ, и можетъ быть разсматриваема какъ личное мнѣніе автора. Въ этомъ мнѣніи, конечно, есть доля справедливости. Война сама по себѣ — явленіе, принадлежащее къ категоріи тѣхъ, которыя, съ высшей точки зрѣнія, признаются зломъ, и весьма естественно, что военные геніи, чтобъ быть сильными дѣятелями въ своей сферѣ, должны обладать качествами, противоположными любви, нѣжности, поэзіи, философскаго пытливаго сомнѣнія и т. п. Великіе полководцы, конечно, могутъ писать плохіе стихи (какъ, напримѣръ, Фридрихъ II), могутъ имѣть мало склонности къ семейнымъ наслажденіямъ (которыя, замѣтить мимоходомъ, для автора „Войны и Мира“, какъ мыслителя, стоятъ выше всего въ мірѣ и составляютъ исходъ и цѣль всѣхъ жизненныхъ стремленій и сомнѣній), могутъ, наконецъ, быть дурными метафизиками. Но отсутствіе въ нихъ всѣхъ исчисленныхъ качествъ отнюдь не совпадаетъ съ ограниченностью. Напротивъ, сколько говорятъ факты, всѣ геніи военнаго дѣла отъ Александра Македонскаго до Фридриха и Наполеона были людьми, которыхъ мыслительныя способности превышали, по всей вѣроятности, способности дюжинъ поэтовъ, нѣжныхъ отцовъ семейства, метафизиковъ, и т. п. добродѣтельныхъ смертныхъ, не безпокоившихъ міръ никакими военными программами. Увѣренность въ важности своего дѣла—это качество необходимое для дѣятельности всякаго генія, въ какой бы сферѣ онъ ни проявилъ себя, и это качество—почтенное, благодаря которому геній совершаетъ великія дѣла. Что касается до ничтожества значенія полководцевъ относительно успѣха битвъ, то какія бы оригинальныя умствованія и спеціальныя доказательства

ни приводилъ графъ Толстой на этотъ счетъ (онъ, какъ увидимъ ниже, приводитъ бездну подобныхъ доказательствъ, описывая бородинское сраженіе), противъ этихъ умствованій говорятъ историческіе факты. Въ чемъ состоитъ сущность успѣха сраженія—въ искусствѣ ли начертать предварительный общій планъ его, въ умѣньи ли воодушевить войска, чтобъ въ нихъ именно появились тысячи рядовыхъ, кричащихъ то *ура*, которое рѣшаетъ, по мнѣнію автора „Войны и Мира", успѣхъ — это все равно. Фактъ тотъ, что войска и битвы безъ вождей не могутъ обходиться, и что одни изъ этихъ вождей отличались способностью одерживать побѣды, и признаны были за такую способность геніальными полководцами, а другіе ею не отличались. Возражать противъ подобнаго факта можно только ради оригинальности, или ради приверженности къ мистической теоріи, по которой арміями и побѣдами управляютъ неестественныя силы.

Оставляя въ сторонѣ философію графа Толстого, чувствуешь себя въ четвертомъ томѣ на болѣе твердой почвѣ, и становишься въ отношеніи къ автору болѣе довѣрчивымъ. Съ первыхъ же словъ, какъ ни старается авторъ ироническимъ отношеніемъ къ Наполеону уронить его, является между дѣйствіями этого послѣдняго и дѣйствіями съ нашей стороны нѣкоторая противоположность, говорящая отнюдь не въ пользу пошлости и ничтожности Наполеона. Въ то время, какъ онъ, окруженный войскомъ, полнымъ вѣры въ него и фанатизированнымъ почти до обожанія своего вождя, дѣлаетъ рѣшительный шагъ впередъ, русскіе беззаботно остаются въ Вильнѣ. Извѣстія о переходѣ французами Нѣмана получаются на блестящемъ балѣ. Балъ этотъ введенъ авторомъ мимоходомъ и едва очерченъ. Государь, оскорбленный поступкомъ Наполеона, посылаетъ къ нему Балашова съ извѣстнымъ письмомъ. Сцена пріема Балашова Наполеономъ и затѣмъ слѣдующая за нею, въ которой описывается послѣобѣденная бесѣда Наполеона съ русскимъ генералъ-адъютантомъ, принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ романа. Несмотря на затаенное желаніе выставить

Наполеона тщеславнымъ и ограниченнымъ человѣкомъ, художникъ графъ Толстой невольно проговаривается, и Наполеонъ рисуется далеко не согласно съ философіей автора. Онъ является человѣкомъ, привыкшимъ высказывать свою силу, — человѣкомъ, не драпирующимся въ свою мантію, какъ это дѣлаютъ тѣ ложные великіе люди, которыхъ величіе обусловливается единственно внѣшними обстоятельствами и условіями. Во время аудіенціи, данной Балашову, онъ не боится отдаваться увлеченію своего чувства и, несмотря на то, что говоритъ съ живостью простого смертнаго, а отнюдь не съ важностью императора, подавляетъ Балашова до того, что послѣдній не рѣшается даже передать ему извѣстныхъ словъ, что война не кончится до тѣхъ поръ, „пока хотя одинъ вооруженный непріятель останется на землѣ русской“, а ему именно приказано было передать эти знаменитыя слова. Передъ энергической фигурой Наполеона Балашовъ кажется такимъ маленькимъ, въ особенности во время *неоффиціальнаго* обѣда, когда Наполеонъ „милостиво шутитъ“ съ нимъ, какъ левъ съ котенкомъ, не замѣчая знаменитыхъ остротъ генерала насчетъ множества церквей въ Россіи и Испаніи и насчетъ дорогъ, ведущихъ къ Москвѣ. Описывая этотъ разговоръ съ большимъ искусствомъ, графъ Толстой вставляетъ отъ своего лица нѣкоторые комментаріи, которыми старается опошлить Наполеона и придать мелкое значеніе его словамъ; но если эти комментаріи оставить въ сторонѣ, то сцена, изображенная романистомъ, оставляетъ относительно личности Наполеона именно то впечатлѣніе, на какое мы указали. Вслѣдъ за главами, въ которыхъ обрисована, такъ сказать, завязка войны, мы встрѣчаемся съ героемъ романа, княземъ Болконскимъ, сначала въ его деревнѣ, а потомъ въ главной квартирѣ арміи. Мастерская характеристика различныхъ лицъ и партій, игравшихъ роль въ главной арміи, выше всякой похвалы...“ (Приводится изъ романа отрывокъ этой характеристики, начинающійся словами: „Восьмая, самая большая группа людей, которая по своему огромному количеству относилась къ другимъ, какъ 99 къ 1-му, состояла изъ

лагаютъ. По теоріи автора, такъ и долженъ поступать опытный полководецъ, потому что битва вовсе не зависитъ отъ распоряженій военачальниковъ, а единственно отъ того, какъ дерутся солдаты. Про Наполеона графъ Толстой говоритъ, что онъ находился во время сраженія въ такомъ пунктѣ, съ котораго положительно не могъ слѣдить за его общимъ ходомъ, тѣмъ болѣе распоряжаться имъ. Диспозицію, данную Наполеономъ наканунѣ битвы, романистъ разбираетъ съ обстоятельностью спеціалиста и доказываетъ, что ни одно изъ распоряженій, въ ней назначенныхъ, не могло быть приведено въ исполненіе. Такимъ образомъ, всякое участіе Наполеона въ ходѣ и результатѣ битвы графъ Толстой отвергаетъ совершенно, и съ насмѣшкой и презрѣніемъ описываетъ нерѣшительность его въ распоряженіяхъ, которыя, какъ совершенно безполезныя, въ сущности, не должны были бы возбуждать никакихъ сомнѣній и колебаній въ полководцѣ. Насколько справедливы всѣ эти мнѣнія романиста, пусть судятъ спеціалисты военнаго дѣла. Мы же съ своей стороны можемъ замѣтить только одно: если графъ Толстой находитъ свои критическія замѣчанія относительно диспозиціи и вообще хода бородинской битвы почему-либо важными, то онъ могъ бы написать, какъ намъ кажется, спеціальное изслѣдованіе на этотъ счетъ, хоть, напримѣръ, для „Военнаго Сборника", а отнюдь не заниматься подобными вопросами въ беллетристическомъ сочиненіи.

Въ заключеніе скажемъ два слова о главномъ героѣ „Войны и Мира"—Андреѣ Болконскомъ. Въ настоящемъ томѣ авторъ занимается имъ немного. Въ его положеніи перемѣнъ никакихъ покуда не происходитъ, хотя въ психологическомъ отношеніи онъ переживаетъ нѣкоторый новый фазисъ. Во второй разъ авторъ заставляетъ его получить рану на полѣ сраженія, и подъ вліяніемъ впечатлѣній битвы и встрѣчи съ Анатолемъ Курагинымъ (разрушившимъ его счастье съ любимой дѣвушкой), на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ послѣднему отнимаютъ ногу, князь Андрей проникается сознаніемъ, доселѣ ему чуждымъ.

Князь Андрей не могъ удерживаться болѣе, и заплакалъ

нѣжными, любовными слезами надъ людьми, надъ собой и надъ ихъ и своими заблужденіями.

„Состраданіе, любовь къ братьямъ, къ любящимъ, любовь къ ненавидящимъ насъ, любовь къ врагамъ, да, та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ, которой меня учила княжна Марья и которой я не понималъ; вотъ отчего мнѣ жалко было жизни, вотъ оно то, что еще оставалось мнѣ, ежели бы я былъ живъ. Но теперь уже поздно. Я знаю это!“

Чѣмъ разрѣшится это новое настроеніе князя Андрея, если только онъ не въ самомъ дѣлѣ умеръ, — это мы увидимъ въ послѣднемъ томѣ.

Изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1868 г. Статья Z. (В. Буренина).

* * *

*) Послѣдній романъ графа Толстого „Война и Миръ“, возбудившій всеобщій горячій интересъ и касающійся историческихъ событій начала нынѣшняго столѣтія, несомнѣнно, будетъ имѣть весьма сильное вліяніе на складъ понятій большинства читающаго общества, касательно значенія нѣкоторыхъ событій и дѣятелей той эпохи, и получитъ такимъ образомъ, быть можетъ, помимо воли автора, значеніе историческаго сочиненія. Стоитъ припомнить, что, благодаря Пушкину и Жуковскому, въ большинствѣ публики, не любящей сухого изложенія фактовъ, и съ жадностію читающей беллетристику, составилось ходячее мнѣніе о многихъ дѣятеляхъ 12-го года: о Барклаѣ по стихотворенію Пушкина „Полководецъ“, о Кутузовѣ, Раевскомъ, Кутайсовѣ, Витгенштейнѣ, Милорадовичѣ и другихъ по стихотворенію Жуковскаго „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, звучныя строфы котораго цитировались съ такимъ жаромъ нашими отцами. При такомъ значеніи талантливаго произведенія, касающагося историческихъ событій, каждая ошибка автора, каждое уклоненіе его отъ истины, каждое его увлеченіе имѣютъ чрезвычайную важность, тѣмъ болѣе, что борьба

*) „Русскій Инвалидъ“ 1868 г., № 96. Статья Н. Л., подъ заглавіемъ: „По поводу послѣдняго романа гр. Толстого“.

сухой повѣрки фактовъ съ блестящимъ изложеніемъ, на каждомъ шагу закупающимъ читателя, далеко не равна; такъ что вообще критическая оцѣнка романа графа Толстого, какова бы она ни была, врядъ ли достигнетъ своей цѣли: большинство прочитавшихъ романъ ея не прочтетъ и останется при прежнихъ выводахъ, не омрачая ихъ никакими сомнѣніями. Вотъ эти-то сомнѣнія въ вѣрности нѣкоторыхъ картинъ, представляемыхъ авторомъ и желательно было бы возбудить въ читателяхъ, ибо усвоеніе критической точки зрѣнія относительно такого произведенія, какъ романъ гр. Толстого, принесетъ только хорошіе результаты: оно откроетъ истину и нисколько не помѣшаетъ наслажденію художественнымъ талантомъ графа Толстого. Не имѣя цѣли разбирать въ подробности сочиненіе графа Толстого, мы постараемся разсмотрѣть общее направленіе автора, впечатлѣніе, которое оно должно произвести, и указать въ особенности тотъ родъ увлеченій, къ которымъ склоненъ графъ Толстой. Въ особенности мы обратимъ вниманіе на военную сторону романа, занимающую въ немъ весьма видное мѣсто. Но для того, чтобы усвоить себѣ ясно точку зрѣнія автора на военныя событія, необходимо бросить взглядъ на его воззрѣнія касательно исторіи вообще, выраженныя имъ въ началѣ четвертаго тома. Философскія воззрѣнія гр. Толстого сводятся къ чистѣйшему историческому фатализму; по его мнѣнію, все опредѣлено *предвѣчно*, и такъ называемые великіе люди суть только ярлыки, привѣшиваемые къ событію и не имѣющіе съ нимъ никакой связи, не вліяющіе ни на его ходъ, ни на время, ни на форму, въ которой оно выражается; онъ полагаетъ, что воля Наполеона, въ отношеніи факта нашествія французовъ въ 1812 году, была *такъ же* ничтожна, какъ воля какого-нибудь фурштатскаго солдата, захотѣвшаго или не захотѣвшаго везти провіантъ для арміи, что громадность событія поглощаетъ и нивеллируетъ частныя стремленія. Понятно, что мысль эта, доведенная до крайности и не соображенная съ другими, представляющимися ему силлогизмами, приводитъ къ абсурду; приходится, очертя голову, высказывать конечные результаты, даваемые такою

исходною точкою. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ точки зрѣнія безконечно отдаленной, не только дѣйствія какого-нибудь Наполеона, но все происходящее на землѣ или даже на солнечной системѣ, составляющей атомъ вселенной—не многимъ больше нуля; нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ точки зрѣнія идеала нѣтъ никакой разницы между сочиненіемъ гр. Толстого и какимъ-нибудь публичнымъ произведеніемъ нашей рыночной литературы, между тѣмъ, каждый понимаетъ и не станетъ оспаривать громадной разницы между этими двумя явленіями, точно такъ же, какъ на землѣ никто не усомнится въ отличіи слона отъ букашки. „Такой же причиной (причиной войны), говоритъ авторъ, какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство Ольденбургское представляется какъ и желаніе или нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу: ибо, ежели бы онъ не захотѣлъ идти на службу, и не захотѣлъ бы другой, и третій, и тысячный капралъ и солдатъ, на столько менѣе людей было бы въ войскѣ Наполеона, и войны не могло бы быть“. Далѣе: „Дѣйствія Наполеона и Александра, отъ слова которыхъ зависѣло, казалось, чтобы событіе совершилось или не совершилось—были такъ же мало произвольны, какъ и дѣйствіе каждаго солдата, шедшаго въ походъ по жребію или по набору. Это не могло быть иначе потому, что для того, чтобы воля Александра или Наполеона (тѣхъ людей, отъ которыхъ, казалось, зависѣло событіе) была исполнена, необходимо было совпаденіе безчисленныхъ обстоятельствъ, *безъ одного изъ которыхъ* событіе не могло бы совершиться“. Понятно, что такая точка зрѣнія неприложима къ дѣйствительной жизни, ее можно признавать какъ математическую или философскую уловку, conception mathématique, но проводить этотъ взглядъ въ жизнь значитъ повторять ежедневно исторію о томъ, догонитъ ли когда-нибудь Ахиллесъ рака, или можетъ ли быть человѣкъ плѣшивымъ. Вообще, надо замѣтить, что опредѣленіе какихъ-либо общихъ законовъ, руководящихъ человѣчествомъ, можетъ тогда только принести плодотворные результаты, когда, при широтѣ взгляда,

ово основано на обширной и многосторонней подготовкѣ; безъ этихъ условій человѣческій умъ охотно впадаетъ въ узкость, и становится одностороннимъ. Эта упорная односторонность взгляда и слѣдованіе за предвзятою идеею проглядываетъ во всѣхъ мѣстахъ романа, имѣющихъ сколько нибудь философское направленіе, и при послѣдовательности гр. Толстого она заводитъ его иногда слишкомъ далеко. Коснувшись философскихъ воззрѣній гр. Толстого, мы перейдемъ теперь къ военной части романа, при чемъ преимущественно будемъ имѣть въ виду послѣдній его томъ. Прежде всего замѣтимъ, что военная сторона романа высказывается въ двухъ формахъ: во-первыхъ, въ описаніи сценъ военнаго быта войскъ: бивачнаго и боевого и, во-вторыхъ, въ критической оцѣнкѣ военныхъ дѣйствій, въ психологіи и анализѣ войны. Что касается сценъ, то онѣ написаны съ тѣмъ же, если не съ большимъ мастерствомъ и знаніемъ дѣла, какъ и прежнія въ этомъ родѣ произведенія гр. Толстого; никто не умѣетъ полу-словомъ и намекомъ такъ рельефно очертить добродушно-сильную фигуру нашего солдата, какъ графъ Толстой; описанія военныхъ сценъ, происходящихъ въ иностранныхъ войскахъ, далеко не имѣютъ той силы и жизненной правды, которыми отличаются собственно русскія военныя сцены; видно, что авторъ сроднился и свыкся съ нашею армейскою жизнью, и симпатическій разсказъ его не фальшивитъ ни одною нотою. Громадный организмъ арміи, съ его симпатіями и антипатіями, съ его своеобразною логикою, кажется живымъ одухотвореннымъ существомъ, жизнь котораго слышна изъ-за множества единичныхъ жизней. Описаніе шенграбенскаго боя составляетъ верхъ исторической и художественной правды, что подтверждаютъ люди бывалые и компетентные судьи въ военномъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, Николай Николаевичъ Муравьевъ (видно изъ письма графа Толстого, напечатаннаго въ *Русскомъ Архивѣ*, № 3). Впрочемъ, характеръ шенграбенскаго боя совершенно подходитъ подъ теорію автора, который желаетъ доказать, что главнокомандующій на полѣ сраженія не можетъ отдавать никакихъ приказаній, а если онъ отдаетъ ихъ, то или

они не имѣютъ смысла или не могутъ быть исполнены. Багратіонъ въ этомъ исключительномъ случаѣ именно находился въ такомъ положеніи: шести-тысячной горсти русскихъ, атакованной нѣсколькими французскими корпусами, предстояло „стоять и умирать“, чтобы дать возможность остальнымъ войскамъ вытянуться на сообщенія. Какія же тутъ приказанія? Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляются тѣ мѣста романа, гдѣ авторъ является цѣнителемъ историческихъ событій и крупныхъ стратегическихъ соображеній. Хотя въ своихъ выводахъ онъ опирается на тѣ же матеріалы, которые служили историкамъ, но приходитъ къ результатамъ, почти діаметрально противоположнымъ, заподозрѣвая не только историковъ, но и самые документы въ необходимой, неотразимой и совершенно непроизвольной лжи. Лишая себя, такимъ образомъ, всякой внѣшней опоры, авторъ воспроизводитъ событія лишь съ помощью одного художественнаго чутья и отчасти предвзятой теоріи фатализма. Насколько вѣрно такое изображеніе, судить трудно; надо подвергнуть его строгой и безпристрастной критической оцѣнкѣ, или повѣрить на слово художественному таланту графа Толстого, который, надо замѣтить, въ этихъ мѣстахъ романа не имѣетъ своей обычной силы; дѣйствительно, нѣтъ возможности, однимъ взмахомъ кисти, изобразить крупное историческое событіе такъ же легко, какъ клочокъ боевого поля или сцену у бивачнаго костра. Къ тому же въ этихъ мѣстахъ романа встрѣчаются не только разногласія съ принятыми мнѣніями, все-таки основанными на документахъ и на сличеніи показаній, но и противорѣчія. Такъ, сообщивъ читателямъ, что все происходитъ вслѣдствіе милліона причинъ, составляющихъ непрерывную цѣпь, что „*ничто — не причина*“, авторъ, на стр. 126-й, говоритъ слѣдующее: „Никто не станетъ спорить, что *причиной* погибели французскихъ войскъ Наполеона было, съ одной стороны, вступленіе ихъ въ позднее время безъ приготовленія къ зимнему походу въ глубь Россіи, а съ другой стороны—характеръ, который приняла война отъ сожженія русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу

въ русскомъ народѣ“. Эти слова доказываютъ, что графъ Толстой долженъ по необходимости прибѣгнуть не только къ пріисканію причинъ, но даже къ ихъ сортировкѣ, къ опущенію тысячи малозначащихъ случайностей, затемняющихъ наиболѣе важныя. Но исторія не ограничивается указаніемъ только тѣхъ причинъ, которыя приводятся графомъ Толстымъ; она указываетъ еще на несоразмѣрное количество введенныхъ въ Россію силъ, на случайный исходъ сраженія подъ Смоленскомъ и Бородинымъ, на непривычную нерѣшительность Наполеона въ этомъ послѣднемъ сраженіи и на необыкновенную стойкость нашихъ войскъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отбрасываетъ множество другихъ мелкихъ причинъ, имѣвшихъ косвенное и менѣе замѣтное вліяніе на исходъ войны.

Приступая къ описанію бородинскаго сраженія, этого крупнѣйшаго факта всей кампаніи, авторъ задаетъ вопросъ: для чего было дано бородинское сраженіе? и отвѣчаетъ, что ни для французовъ ни для русскихъ оно не имѣло ни малѣйшаго смысла. „Если бы полководцы руководились разумными причинами, говоритъ онъ, казалось, какъ ясно должно было быть для Наполеона, что, зайдя за двѣ тысячи верстъ и принимая сраженіе съ вѣроятной случайностью потери $^1/_4$ арміи, онъ шелъ на вѣрную погибель, и столь же ясно бы должно было казаться Кутузову, что принимая сраженіе и тоже рискуя потерять $^1/_4$ арміи, онъ навѣрное теряетъ Москву. Легко замѣтить неправильность этого вывода: почему Наполеонъ и Кутузовъ должны были разсчитывать оба на пораженіе и на потерю $^1/_4$ арміи? Почему они должны были упредить событія и знать заранѣе результатъ боя? Намъ кажется, что если поставить себя въ дѣйствительное положеніе полководцевъ передъ сраженіемъ, то увидимъ, что со стороны Наполеона было болѣе чѣмъ достаточно основаній для того, чтобы дать бой; бой, котораго онъ дѣйствительно искалъ съ самой границы, что высказывается въ его распоряженіяхъ до бородинскаго боя и въ его первомъ вопросѣ въ день сраженія при Бородинѣ: стоятъ ли русскіе на прежнихъ мѣстахъ? Этимъ боемъ рѣшалась не

участь Москвы, но, еще болѣе, участь арміи, и на перѣшительный его исходъ не было никакой возможности разсчитывать. Что же касается Кутузова, то онъ дѣйствительно принялъ бой не произвольно, а по требованію и настоянію не только арміи, но и всего народа, который требовалъ отпора врагу, проникнувшему въ глубь родной страны. Этотъ фактъ нисколько не противорѣчитъ исторіи, которая можетъ указать не одинъ примѣръ, когда полководцу приходится подчиняться различнымъ вліяніямъ; но возводить исключенія на степень общаго правила не представляется никакой надобности. Затѣмъ, отвѣчая на другой вопросъ, именно о томъ, какъ дано было бородинское сраженіе, авторъ говоритъ, что историки описываютъ его слѣдующимъ образомъ: „Русская армія, *будто бы*, въ отступленіи своемъ отъ Смоленска отыскивала себѣ наилучшую позицію для генеральнаго сраженія, и таковая позиція была найдена *будто бы* у Бородина. Русскіе, будто бы, укрѣпили впередъ эту позицію, влѣво отъ дороги (изъ Москвы въ Смоленскъ), подъ прямымъ почти угломъ къ ней, отъ Бородина къ Утицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ произошло сраженіе. Впереди этой позиціи, будто бы, былъ выставленъ для наблюденія за непріятелемъ, укрѣпленный передовой постъ на Шевардинскомъ курганѣ. 24-го, *будто бы*, Наполеонъ атаковалъ всю русскую армію, стоявшую на позиціи на Бородинскомъ полѣ“. Но во всемъ этомъ, по мнѣнію автора, нѣтъ ни одного слова правды: русскіе не отыскивали лучшей позиціи, а напротивъ, въ отступленіи своемъ прошли много позицій, которыя были лучше бородинской; шевардинскій редутъ, впереди той позиціи, на которой принято сраженіе, не имѣетъ смысла, ибо для наблюденія за непріятелемъ достаточно было *казачьяго разъѣзда*. Сами начальники сгоряча послѣ сраженія называютъ шевардинскій редутъ лѣвымъ флангомъ и только послѣ, для оправданія распоряженій главнокомандующаго, онъ названъ передовымъ пунктомъ. Позиція не была выбрана заблаговременно и не была укрѣплена. Дѣло же, по мнѣнію автора, очевидно, было такъ: „Позиція была избрана по рѣкѣ Колочѣ, пересѣкающей дорогу не подъ

прямымъ, а подъ острымъ угломъ, такъ что лѣвый флангъ былъ въ Шевардинѣ, правый около селенія Новаго и центръ въ Бородинѣ, при сліяніи рѣкъ Колочи и Войны. Позиція эта, подъ прикрытіемъ рѣки Колочи, для арміи, имѣющей цѣлью остановить непріятеля, движущагося по смоленской дорогѣ къ Москвѣ, *очевидна для всякаго*, кто посмотритъ на Бородинское поле, забывъ о томъ, какъ произошло сраженіе“.

При нѣкоторомъ знакомствѣ съ исторіею, а тѣмъ болѣе съ документами этой войны, легко замѣтить, насколько такое описаніе боя уклоняется отъ истины, и насколько вѣрны догадки автора, возводимыя имъ на степень достовѣрнаго факта. Извѣстно, что русскіе искали позиціи, потому что отступить до Москвы, не давши отпора, казалось невозможнымъ ни русскому солдату ни русскому народу. Не говоря уже о позиціи у Царева-Займища, выбранной Барклаемъ и не одобренной Кутузовымъ, можно указать на тотъ фактъ, что еще 20-го августа, тотчасъ по принятіи начальства надъ всѣми русскими арміями, Кутузовъ писалъ Тормасову и Чичагову о намѣреніи принять генеральное сраженіе у Можайска. (Предписаніе генералу-отъ-инфантеріи Тормасову, отъ 20-го авг., за № 47, и отношеніе адмиралу Чичагову, отъ того же числа, за № 48. Ист. Богд., т. II); офицеры генеральнаго штаба были посланы заблаговременно (въ половинѣ августа) для выбора позиціи, которую выбрать вообще для стотысячной арміи дѣло не легкое, а тѣмъ болѣе на нашихъ равнинахъ, или лѣсистыхъ или открытыхъ и не представляющихъ никакихъ естественныхъ средствъ для обороны. Укрѣплена бородинская позиція дѣйствительно не была, и это не противорѣчитъ ни истинѣ ни исторіи, такъ что гр. Толстой опровергаетъ не существующее мнѣніе, по крайней мѣрѣ, его не существуетъ въ русскихъ исторіяхъ отечественной войны, можетъ быть, только за исключеніемъ Михайловскаго-Данилевскаго, котораго никто и не считаетъ за историка. Что-же касается предположенія графа Толстого о томъ, что первоначальная позиція (24-го августа) при Бородинѣ, слѣ-

дуя по теченію Колочи, упиралась лѣвымъ флангомъ въ Шевардино, то, несмотря на всю странность этой позиціи въ стратегическомъ смыслѣ, ибо войска, расположенныя на ней, стояли флангомъ къ французамъ, надо признаться, что догадка графа Толстого основывается на документахъ, и документахъ довольно вѣскихъ. О Шевардинѣ въ смыслѣ лѣваго фланга можно найти даже въ подлинной диспозиціи Кутузова на 24-е августа; то же видно изъ его донесенія государю и изъ донесенія Сиверса Кутузову о Шевардинскомъ дѣлѣ. Историки кампаніи 12-го года не упускаютъ изъ виду этихъ обстоятельствъ, даже называютъ генерала Вистицкаго, квартирмейстера западныхъ армій, избравшаго такое направленіе для лѣваго фланга арміи, но не даютъ должнаго значенія этому факту, который, кажется, дѣйствительно долженъ быть освѣщенъ подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ коимъ указываетъ его графъ Толстой. Но, вслѣдъ затѣмъ, увлекаясь по скользкой дорогѣ отрицанія, графъ Толстой говоритъ, что вообще занятіе пунктовъ впереди позиціи не имѣетъ смысла, и что для наблюденія за непріятелемъ, будто бы, достаточно *казачьяго разъѣзда*. Съ этимъ мнѣніемъ, разумѣется, нельзя согласиться. Передовые пункты позиціи занимаются съ цѣлью раскрытія силъ и направленія противника, и примѣры занятія такихъ пунктовъ встрѣчаются въ военной исторіи нерѣдко; казачій разъѣздъ, безъ сомнѣнія, не можетъ замѣнить передового пункта, по той простой причинѣ, что движеніе большихъ армій прикрывается не какимъ-нибудь кавалерійскимъ разъѣздомъ, а цѣлыми кавалерійскими корпусами, составляющими непроницаемую завѣсу, за которою движется армія; чтобы узнать, что дѣлается за этою завѣсою, надо поставить серьезное препятствіе непріятелю и заставить его развернуть и показать свои силы,—вообще надо помириться съ тѣмъ, что свѣдѣнія на войнѣ, особенно свѣдѣнія вѣрныя, добываются не иначе, какъ своими боками. Какое бы значеніе ни имѣлъ шевардинскій редутъ по диспозиціи и предположеніямъ главнокомандующаго, на самомъ дѣлѣ, въ бою 24-го августа, онъ игралъ вполнѣ роль передового пункта:

бой на этомъ мѣстѣ, отдаленномъ почти на двѣ версты отъ главной позиціи, имѣлъ совершенно частный характеръ, войскъ участвовало немного (14 бат., 38 эск.), подкрѣпленій изъ главнаго резерва не было; бой достигъ своей цѣли, открылъ направленіе, въ которомъ слѣдовало ожидать атаки, и побудилъ фельдмаршала принять для этого нѣкоторыя мѣры.

Но собственно историческая сторона сочиненія графа Толстого не имѣетъ той важности, которая остается за психологическимъ анализомъ войны, которымъ авторъ разрѣшаетъ безапелляціонно самую суть военнаго дѣла. Историческіе выводы графа Толстого основываются на источникахъ извѣстныхъ и открытыхъ для всякаго: новизна результатовъ, получаемыхъ авторомъ, зависитъ только отъ группировки показаній и освѣщеній ихъ подъ извѣстнымъ угломъ, такъ что желающій можетъ повѣрить справедливость сказанныхъ результатовъ, хотя нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что при сильномъ талантѣ графа Толстого, убѣдительно и, можно сказать, обаятельно дѣйствующемъ на читателя, большинство приметъ выводы автора безъ критической оцѣнки, и высказанныя имъ мнѣнія сдѣлаются, можетъ быть, ходячими мнѣніями большинства. Что же касается до психологическаго анализа войны и боя, до той военной теоріи автора, которая даетъ общій ключъ къ разрѣшенію всѣхъ военныхъ вопросовъ, которая легко можетъ быть усвоена всякимъ, и такъ удобна для дилетантовъ своимъ отрицательнымъ направленіемъ, дающимъ право утверждать, что на войнѣ и въ бою все дѣлается само собою и не зависитъ отъ усилій начальниковъ, которые *будто бы* распоряжаются боемъ, а въ сущности лишь подчиняются его перипетіямъ, то, несмотря на всю ея ложность, она не такъ легко можетъ быть провѣрена публикою, какъ историческіе выводы автора.

Основная мысль автора высказана весьма ясно отчасти устами Андрея Болконскаго, отчасти въ словахъ, отнесенныхъ авторомъ къ Кутузову: „Долголѣтнимъ опытомъ онъ (Кутузовъ) зналъ и понималъ, что *руководить* сотнями ты-

сячъ человѣкъ, борющихся со смертью, *нельзя* одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этою силою и *руководилъ* ею, насколько это было въ его власти“. Замѣтимъ на первый разъ противорѣчіе въ словахъ, напечатанныхъ курсивомъ. Но, кромѣ того, въ этой тирадѣ, во-первыхъ, заключается противорѣчіе съ прежними взглядами автора: здѣсь онъ отвергаетъ всѣ второстепенныя причины, указываетъ лишь на одну, а во-вторыхъ, приведенныя слова доказываютъ незнакомство автора съ тѣмъ, какъ понимается въ настоящее время большинствомъ военныхъ людей ихъ ремесло. Надо замѣтить, что пора математическихъ и геометрическихъ вычисленій въ военномъ дѣлѣ безвозвратно прошла; теперь думаютъ, что успѣхъ на войнѣ зависитъ отъ совокупности множества условій, изъ которыхъ ни одному, какъ бы оно ни было важно, нельзя дать преобладающаго положенія и оставить безъ вниманія другія; въ ряду этихъ условій, безъ сомнѣнія, важнѣйшее мѣсто занимаетъ нравственная сила, но это еще болѣе заставляетъ признавать вліяніе на успѣхъ боя и распоряженій главнокомандующаго и мѣста, на которомъ стоятъ войска, и ихъ количество, какъ потому, что отъ этихъ условій прямо зависитъ нравственная сила войскъ, такъ и потому, что они имѣютъ самостоятельное вліяніе на ходъ боя. Нѣтъ ничего неважнаго въ военномъ дѣлѣ. Задавшись тѣмъ, что только одна неуловимая и независимая нравственная сила, слагающаяся изъ милліоновъ причинъ, рѣшаетъ участь сраженій, графъ Толстой прямо отрицаетъ всѣ прочія условія, при которыхъ ведется бой, и съ увѣренностью говоритъ о невозможности и даже вредѣ распоряженій въ бою. Намъ кажется, что графъ Толстой находится на той точкѣ пониманія военнаго дѣла, когда изслѣдователь, ожидая найти въ *военной наукѣ* точныя правила и положительныя данныя, строго примѣняющіяся на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности находитъ постоянныя противорѣчія съ сказанными правилами

и безчисленныя случайности, окружающія бой, на которыя, на всѣ, никакая наука отвѣта дать не можетъ; видя такую несообразность, изслѣдователь отвергаетъ совершенно изученіе военнаго дѣла, или все сосредоточиваетъ на одной какой-либо его сторонѣ, согласно своему характеру. Но не надо забывать, что военной *науки* въ смыслѣ кодекса непреложныхъ правилъ — нѣтъ; нѣтъ рецепта для побѣдъ, а есть *теорія военнаго искусства*, какъ и всякаго другого искусства: музыки, живописи и т. д. Никто не сомнѣвается, что, напримѣръ, для живописца весьма важно знать перспективу, сочетаніе свѣта и тѣни, сочетаніе цвѣтовъ, словомъ, получить знакомство съ тѣми элементами, изъ которыхъ слагается его дѣло, а между тѣмъ находятся люди, которые для военныхъ людей отвергаютъ пользу знакомства съ составными частями военнаго дѣла. Если бы графъ Толстой отнесся практически къ военному дѣлу, ему бы никогда не пришлось задавать себѣ вопросы, что̀ важнѣе всего на войнѣ, какъ не придетъ въ голову музыканту рѣшать вопросъ, что̀ важнѣе: скрипка, смычокъ или его рука. Высказавши свою теорію военнаго искусства, въ которомъ ничто не имѣетъ значенія, кромѣ нравственной силы нижняго слоя арміи, авторъ старается подвести всѣ факты подъ эту теорію и, къ несчастію, лишается иногда столь присущей ему объективности. Это замѣтнѣе всего въ тѣхъ мѣстахъ романа, гдѣ авторъ старается доказать отсутствіе вліянія и даже отсутствіе распоряженій со стороны главнокомандующихъ. Такъ, онъ умалчиваетъ даже о личныхъ распоряженіяхъ Кутузова, какъ, напр., о производствѣ кавалерійской атаки на лѣвый флангъ французовъ, которая имѣла огромное вліяніе на ходъ боя *); онъ ничего не говоритъ о разумномъ и сообразномъ съ характеромъ своихъ подчиненныхъ расходованіи резервовъ, а эти распоряженія только одни и находятся въ рукахъ начальства обороняющихся войскъ. Но взглядъ автора на Наполеона, начиная съ изо-

*) Атаку эту приписываютъ то Платову, то Уварову; но въ донесеніи этого послѣдняго Кутузову о бородинскомъ сраженіи сказано, что приказаніе объ атакѣ получено имъ лично отъ фельдмаршала.

браженія его въ обнаженномъ видѣ, фыркающаго подъ руками камердинеровъ, вытирающихъ одеколономъ его тучное тѣло 24-го августа, и кончая описаніемъ его фигуры въ концѣ сраженія, гдѣ онъ сидѣлъ на шевардинскомъ курганѣ: „желтый, опухлый, тяжелый, съ мутными глазами, *краснымъ носомъ* и охриплымъ голосомъ“,—утрированъ до крайности. Мы нисколько не сомнѣваемся, что вышеуказанные факты не подлежатъ сомнѣнію, особенно послѣ письма гр. Толстого, напечатаннаго въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Архива*, гдѣ онъ объясняетъ, что всѣ слова и дѣйствія крупныхъ историческихъ лицъ не вымышлены, а основаны на множествѣ источниковъ; но самый выборъ этихъ фактовъ указываетъ на натяжку и лишаетъ эти мѣста романа той художественной правды, которая составляетъ за этими исключеніями отличительную черту таланта гр. Толстого. Доказывая безсиліе главнокомандующаго на полѣ сраженія, гр. Толстой упираетъ болѣе всего на то, что въ пользу рукопашной схватки, въ дыму и пыли, которыми покрыто поле сраженія, невозможно одному человѣку, котораго никто не услышитъ, не увидитъ и не захочетъ слушать, оказать какое-либо сильное вліяніе и, очевидно, упускаетъ изъ виду тѣ распоряженія главнокомандующаго, въ которыхъ онъ полный хозяинъ и которыя большею частью отдаются войскамъ, стоящимъ или внѣ выстрѣловъ непріятеля или подъ слабымъ его огнемъ. Выбрать направленіе для атаки, послать то или другое количество войскъ, тотъ или другой родъ ихъ, все это находится въ распоряженіи главнокомандующаго, и Наполеонъ, въ день бородинскаго сраженія, неоднократно высказывалъ и исполнялъ свою волю, что яснѣе всего видно въ удержаніи послѣдняго резерва, которымъ онъ не хотѣлъ рискнуть. Хотя гр. Толстой говоритъ, что Наполеонъ не могъ этого сдѣлать (но отчего? или бы гвардія не пошла?), что распоряженіе нисколько отъ него не зависѣло, но мы думаемъ, что ничто не мѣшало ему высказать свою личную волю, которая, будучи приведена въ исполненіе, вѣроятно, значительно бы измѣнила результаты сраженія. Говоря о диспозиціи, отданной Наполеономъ въ день бородинскаго

сраженія, гр. Толстой доказываетъ, что она написана весьма неясно и спутанно, и заключала въ себѣ четыре распоряженія, изъ которыхъ „ни одно не могло быть и не было исполнено“. Мѣсто не позволяетъ намъ подробно прослѣдить за замѣчаніями автора, критикующаго диспозицію, но, какъ образчикъ его пріема, можно привести слѣдующее: „Второе распоряженіе (Наполеона) состояло въ томъ, чтобы Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, обошелъ лѣвое крыло русскихъ“. Распоряженіе это, по нашему мнѣнію, совершенно разумное и сообразное съ обстоятельствами, вызываетъ слѣдующее замѣчаніе автора: „Это не могло быть и не было сдѣлано, потому что Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, встрѣтилъ тамъ загораживающаго ему дорогу Тучкова, и *не могъ* обойти, и не обошелъ русскую позицію“. То же самое авторъ говоритъ и о дивизіи Компана, которой было приказано овладѣть укрѣпленіемъ, и онъ не исполнилъ этого, *потому что былъ отбитъ*; то же видитъ и въ оцѣнкѣ приказанія, отданнаго вице-королю. Однимъ словомъ, авторъ обвиняетъ Наполеона въ томъ, что распоряженія его, сами по себѣ совершенно разумныя и нисколько не выходящія изъ области возможнаго, *не были исполнены другими*. При этомъ разборѣ авторъ, очевидно, упускаетъ изъ виду, что въ диспозиціи указывается только *цѣль*, которой войска должны достичь, направленіе, время и порядокъ производства первоначальныхъ атакъ. Въ разсматриваемой диспозиціи цѣль поставлена ясно, предварительныя распоряженія непроизвели ни малѣйшей суматохи въ движеніяхъ войскъ, и во все время нельзя было замѣтить безпорядка, происшедшаго не отъ боя, а отъ распоряженій главнокомандующаго; если бы авторъ познакомился съ другими диспозиціями, отдаваемыми передъ сраженіями, онъ бы увидѣлъ, какъ ясна и проста диспозиція Наполеона. Что же касается ***исполненія*** приказаній Наполеона, то онъ, какъ опытный боецъ, зналъ, что они будутъ исполнены; повсемѣстное ихъ исполненіе равнялось полному пораженію русской арміи *съ перваго же удара*, на что онъ могъ разсчитывать; доказательствомъ этому служатъ огромные оставленные имъ

резервы, употребить въ дѣло которые онъ предоставлялъ своему собственному усмотрѣнію. Личность Наполеона, какъ военнаго человѣка, принадлежитъ къ тѣмъ крупнымъ явленіямъ, которыя насчитываются исторіей не десятками, а немногими единицами съ сотворенія міра и до нашихъ временъ; такая личность имѣла несомнѣнное вліяніе на войска, и не даромъ получила обаятельное на нихъ вліяніе; геній Наполеона состоялъ не въ обладаніи какого - либо секрета или рецепта для выигранія сраженія, не въ томъ, что у него была своя тактика и своя стратегія; его геніальность состояла въ знаніи и пониманіи солдата и человѣка, въ умѣньи ободрить и оживить войска, поднять ихъ нравственныя силы, въ умѣніи понять и, что называется, раскусить непріятеля, въ особенномъ искусствѣ пользоваться мимолетными случайностями и изъ хаоса намековъ и полусловъ составить приблизительное понятіе о положеніи дѣла и вѣроятномъ его исходѣ, которое иногда достигало размѣровъ почти предвидѣнія (Аустерлицъ), сочетаніе рѣшимости съ осторожностью, которое рѣдко его оставляло, и личная храбрость, или, лучше сказать, презрѣніе къ опасности,—вотъ данныя, которыя въ продолженіе пятнадцати лѣтъ водили Наполеона къ побѣдамъ и снискали ему подъ конецъ безграничное довѣріе и обожаніе солдатъ, которое испытано было нѣсколько разъ на самомъ тяжеломъ оселкѣ войны, на пораженіи. А по теоріи гр. Толстого, Наполеонъ и Макъ одно и то же.—Наполеонъ имѣлъ громадное вліяніе и на свои войска и на противника. Во время переправы черезъ Березину, когда всякій солдатъ, перешедшій на правый берегъ рѣки, считалъ себя счастливымъ и избавленнымъ отъ всѣхъ ужасовъ голода, холода и смерти, соединенныхъ съ безостановочнымъ отступленіемъ, Наполеонъ, для подкрѣпленія Виктора, оставленнаго въ арріергардѣ на лѣвомъ берегу, приказалъ одной изъ своихъ бригадъ (бригадѣ Дендельса) снова перейти на ту сторону рѣки, и эта бригада пошла на вѣрную смерть. Непріятели боялись какъ огня одного имени Наполеона; движеніе какого-нибудь отряда, считавшееся незначительнымъ, получало громадные

размѣры, если въ главныхъ квартирахъ получались свѣдѣнія, что съ этимъ отрядомъ идетъ Наполеонъ; такъ было не разъ въ 1814 году; въ соображеніяхъ, которыя производились для изысканія мѣръ къ отраженію Наполеона, былъ настоящій хаосъ, потому что составителямъ плановъ всегда представлялись самыя невѣроятныя выходки Наполеона, предполагающія въ немъ почти сверхъестественную силу. Въ заключеніе нельзя не сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ мысляхъ героя романа, Андрея Болконскаго, по поводу войны... Высказывая съ полною рѣзкостью мнѣнія, что „успѣхъ никогда не зависѣлъ и не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, *ни отъ вооруженія*, ни даже отъ числа (войскъ)“, онъ предлагаетъ, между прочимъ, для того, чтобы сдѣлать войну менѣе жестокою, не брать плѣнныхъ; тогда войны, по мнѣнію Болконскаго, были бы гораздо серьезнѣе и не велись бы изъ-за пустяковъ, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда каждый атомъ арміи сознавалъ бы необходимымъ идти на вѣрную смерть. Къ несчастію, такія времена бывали и, къ счастію, безвозвратно прошли: времена, когда не только плѣнные уводились въ неволю, но вырѣзывались поголовно и мирные жители, ихъ жены и дѣти и, вопреки мнѣнію героя гр. Толстого, войны не были ни серьезнѣе ни рѣже. Не трудно замѣтить, что побѣда состоитъ не въ смерти противника, а въ нравственномъ подчиненіи его нашей волѣ, какими бы то ни было средствами. Какъ ни трудно во время войны, этой ненормальной функціи человѣчества, провести ясную и рѣзкую черту между благоразумною самообороной и ненужной жестокостью, но она непремѣнно должна существовать, и, намъ кажется, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ стирать эту черту. Сухой теоріей и абстрактностью дышатъ разсужденія Болконскаго, которому не худо бы припомнить слова знатока войны и сердца человѣческаго, Суворова: „фитиль на картечь, бросься на картечь, летитъ сверхъ головы! пушки твои, люди твои! вали на мѣстѣ! гони, коли! *остальнымъ давай пощаду! грѣхъ напрасно убивать! они такіе же люди!*“.

Указавъ тѣ стороны романа гр. Толстого, которыя, по

нашему мнѣнію, не сходятся съ здравыми понятіями о военномъ дѣлѣ, и къ счастію, составляютъ какъ бы вводную часть сочиненія, мы тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ обращаемся къ многочисленнымъ страницамъ, составляющимъ его украшеніе. Во всѣхъ случаяхъ, когда авторъ освобождается отъ предвзятой идеи и рисуетъ картины, сродныя его таланту, онѣ поражаютъ читателя своею художественною правдою. Такъ описана имъ страшная внутренняя борьба, вынесенная Наполеономъ въ день бородинскаго сраженія,— та кровавая рана, которой суждено было зажить только на островѣ св. Елены. Вообще, намъ кажется, что нигдѣ, ни въ одномъ сочиненіи, несмотря на все желаніе, не доказана такъ ясно побѣда, одержанная нашими войсками подъ Бородинымъ, какъ въ немногихъ страницахъ въ концѣ послѣдней части романа; историки обыкновенно брались за это совсѣмъ не съ той стороны какъ гр. Толстой; они сличали и сравнивали число потерь и трофеевъ, число саженъ, на которыя отступили наши войска, всегда говоря 400 саженъ, вмѣсто версты, и не обратили вниманія на самую изъ дѣйствительныхъ побѣдъ, одержанную нашими войсками, — побѣду нравственную. Дѣйствительно, если сравнить духъ французской арміи при переправѣ ея черезъ Нѣманъ и сличить съ нравственнымъ уровнемъ, оказавшимся въ ней послѣ бородинскаго боя, то побѣда окажется несомнѣнною. Не можемъ удержаться, чтобы не выписать нѣсколькихъ строкъ изъ послѣдней главы романа о результатахъ бородинскаго боя. „Когда онъ (Наполеонъ) перебиралъ въ воображеніи всю эту странную русскую кампанію, въ которой не было выиграно ни одно сраженье, въ которой въ два мѣсяца не взято ни знаменъ, ни пушекъ, ни корпусовъ войскъ, когда глядѣлъ на скрытно-печальныя лица окружающихъ и слушалъ донесеніе о томъ, что русскіе все стоятъ, — страшное чувство, подобное испытываемому въ сновидѣніяхъ, охватывало его, и ему приходили въ голову всѣ несчастныя случайности, могущія погубить его. Русскіе могли напасть на его лѣвое крыло, могли разорвать его середину, шальное ядро могло убить его самого. Все это

было возможно. Въ прежнихъ сраженіяхъ своихъ онъ обдумывалъ только случайности успѣха, теперь же безчисленное количество несчастныхъ случайностей представлялось ему, и онъ ожидалъ ихъ всѣхъ. Да, это было какъ во снѣ, когда человѣку представляется наступающій на него злодѣй, и человѣкъ во снѣ размахнулся и ударилъ своего злодѣя съ тѣмъ страшнымъ усиліемъ, которое, онъ знаетъ, должно уничтожить его, и чувствуетъ, что рука его, безсильная и мягкая, падаетъ, какъ тряпка, и ужасъ неотразимой погибели обхватываетъ безпомощнаго человѣка“. Далѣе авторъ говоритъ, что не одинъ Наполеонъ испытывалъ это похожее на сновидѣнье чувство, но всѣ генералы, всѣ солдаты ощущали ужасъ передъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ *половину* войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. „Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться, такъ же какъ и не могло не отклоняться вдвое слабѣйшее русское войско. Послѣ даннаго толчка, французское войско еще могло докатиться до Москвы; но тамъ безъ новыхъ усилій со стороны русскаго войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной въ Бородинѣ, раны“.

Изъ „Русскаго Инвалида“ за 1868 г. Статья Н. Л.

*
* *

*) Подъ заглавіемъ „Война и Миръ“ вышло сочиненіе графа Толстого, въ которомъ онъ, въ видѣ романа, представляетъ намъ не одинъ какой-либо эпизодъ изъ нашего общественнаго и военнаго быта, но довольно длинную эпоху мира и войны. Романъ начинается съ аустерлицкой кампаніи, которая еще такъ больно отзывается въ сердцѣ каж-

*) „Военный Сборникъ“ 1868 г., № 11 и отдѣльное издан. Спб. 1868 г. „Война и Миръ“ 1805—1812 съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. По поводу сочиненія гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ“. А. Е. Норова.—Изъ этого очень обширнаго очерка вошло сюда только нѣсколько отрывковъ, болѣе или менѣе характеризующихъ весь этюдъ Норова.

Примѣчан. В. Зелинскаго.

даго русскаго; разсказъ доведенъ теперь до бородинскаго сраженія включительно, и, говорятъ, будетъ продолженъ за эту эпоху. Читатели, которыхъ большая часть, какъ и самъ авторъ, еще не родились въ описываемое время, но ознакомленные съ нимъ съ малолѣтства, по читаннымъ и слышаннымъ ими разсказамъ, поражены при первыхъ частяхъ романа сначала грустнымъ впечатлѣніемъ представленнаго имъ въ столицѣ пустого и почти безнравственнаго высшаго круга общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющаго вліяніе на правительство; а потомъ отсутствіемъ всякаго смысла въ военныхъ дѣйствіяхъ и едва не отсутствіемъ военныхъ доблестей, которыми всегда такъ справедливо гордилась наша армія. Читая эти грустныя страницы, подъ обаяніемъ прекраснаго, картиннаго слога, вы надѣетесь, что ожидаемая вами блестящая эпоха 1812 года изгладитъ эти грустныя впечатлѣнія; но какъ велико разочарованіе, когда вы увидите. что громкій славою 1812 годъ, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ быту, прдставленъ вамъ мыльнымъ пузыремъ; что цѣлая фаланга нашихъ генераловъ, которыхъ боевая слава прикована къ нашимъ военнымъ лѣтописямъ, и которыхъ имена переходятъ доселѣ изъ устъ въ уста новаго военнаго поколѣнія, составлена была изъ бездарныхъ, слѣпыхъ орудій случая, дѣйствовавшихъ иногда удачно, и объ этихъ даже ихъ удачахъ говорится только мелькомъ, и часто съ ироніею. Неужели таково было наше общество, неужели такова была наша армія, спрашивали меня многіе? Если бы книга графа Толстого была написана иностранцемъ, то всякій сказалъ бы, что онъ не имѣлъ подъ рукою ничего, кромѣ частныхъ разсказовъ; но книга писана русскимъ, и не названа романомъ (хотя мы принимаемъ ее за романъ), и поэтому не такъ могутъ взглянуть на нее читатели, не имѣющіе ни времени ни случая повѣрить ее съ документами, или поговорить съ небольшимъ числомъ оставшихся очевидцевъ великихъ отечественныхъ событій. Будучи въ числѣ сихъ послѣднихъ (Guorum pars minima fui), я не могъ безъ оскорбленнаго патріотическаго чувства дочитать этотъ романъ, имѣющій претензію быть историче-

скимъ, и, несмотря на преклонность лѣтъ моихъ, счелъ какъ бы своимъ долгомъ написать нѣсколько строкъ въ память моихъ бывшихъ начальникомъ и боевыхъ сослуживцевъ.

Не трудно доказать *историческими* трудами нашихъ почетныхъ писателей, что въ романѣ собраны только всѣ скандальные анекдоты военнаго времени той эпохи, взятые безусловно изъ нѣкоторыхъ разсказовъ. Эти анекдоты остались бы совершенно въ тѣни, если-бъ авторъ, съ такимъ же талантомъ, какой онъ употребилъ на ихъ разработку, собралъ и изобразилъ тѣ геройскіе эпизоды нашихъ войнъ, даже несчастныхъ, которыми всегда будетъ гордиться наше потомство, оставя даже многіе правдивые анекдоты, бичующіе зло. Если-бъ кто-нибудь сказалъ, что наши писатели или наши современники болѣе или менѣе пристрастны, я укажу, напримѣръ, относительно эпохи 1812 года только на одну книгу нашихъ противниковъ: *Chambray* „Histoire de l'expédition de Russie“, гдѣ слава русскаго оружія гораздо болѣе почтена, чѣмъ въ книгѣ графа Толстого. Я не стану требовать отъ романа, писаннаго *для эффекта*, того, что требуется отъ исторіи, но такъ какъ этотъ романъ выводитъ на сцену дѣятелей историческихъ, то не могу не поставить его лицомъ къ лицу съ исторіею, добавивъ это сличеніе собственными воспоминаніями.

Никто изъ насъ, современниковъ столичнаго петербургскаго общества (1805—1812 г.), не узнаетъ салона извѣстной г-жи Шереръ, фрейлины и приближенной императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ томъ отношеніи, чтобы къ ней собирался цвѣтъ столичнаго и дипломатическаго общества, и хотя можно угадывать обозначенное лицо, но мы не имѣемъ права его называть. Съ юношескихъ лѣтъ моихъ, со вступленіемъ юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію, до производства моего въ офицеры въ 1811 году и до выступленія въ походъ въ мартѣ 1812 года, я жилъ у княгини В. В. Голицыной, супруги генерала-отъ-инфантеріи князя С. Ѳ. Голицына, командовавшаго тогда нашею обсерваціонною арміею въ Галиціи, съ которыми родители мои были въ близкихъ сношеніяхъ. Съ нею

же вмѣстѣ жилъ сынъ ея, князь Ф. С. Голицынъ, недавно женившійся на дочери фельдмаршала князя Прозоровскаго. Этотъ домъ былъ въ постоянномъ общеніи со всею столичною аристократіею; поэтому я могу назвать всѣ тѣ дома, въ которыхъ сосредоточивалось высшее петербургское общество, и гдѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я самъ былъ принятъ. Вотъ имена лицъ: графъ и графиня Строгоновы, графы Румянцевы, эти два дома преимущественно были посѣщаемы учеными и литераторами (графиня С. В. Строгонова перевела всю поэму Данте),—княгиня Екатерина Федоровна Долгорукая, княгиня Елена Никитична Вяземская, которой внучка очаровывала всѣхъ своею красотою, и куда очень часто ѣздилъ французскій посланникъ графъ Коленкуръ, вскорѣ отозванный и замѣненный графомъ Лористономъ, князь и княгиня Кочубей, Наталья Кирилловна Загряжская, графъ и графиня Литта, князь и княгиня Юсуповы, графъ и графиня Гурьевы, графъ и графиня Лаваль, князь и княгиня Ливенъ, графъ Н. А. Толстой, Александръ и Дмитрій Львовичи Нарышкины, Софья Петровна Тутолмина, Софья Петровна Свѣчина, и другіе, которыхъ излишне было бы называть, и передъ которыми салонъ фрейлины Шереръ дѣлается темнымъ уголкомъ. Всѣ эти дома отличались или тонкостію образованія или роскошью гостепріимства, и не думаю, чтобы въ какомъ-либо изъ нихъ называли Наполеона антихристомъ и тому подобное. Москву, въ которой я былъ мелькомъ передъ походомъ, я не могъ знать хорошо, и потому назову только моихъ сродниковъ: семейство графа Бутурлина, имѣвшаго огромную библіотеку, сгорѣвшую съ Москвою, семейство графа А. И. Мусина-Пушкина, Маргариты Александровны Волковой, С. С. Валуева, князя С. И. Гагарина, и прибавлю къ нимъ дома С. С. Апраксина и графа Ростопчина. Салоны всѣхъ этихъ домовъ рѣшительно не подходятъ къ тѣмъ, которые описаны въ романѣ графа Толстого.

Общество гвардейскихъ офицеровъ (это былъ блестящій вѣкъ гвардіи) состояло большею частію изъ лицъ старыхъ

дворянскихъ фамилій, и отличалось какъ образованностію, такъ и утонченнымъ воспитаніемъ, и можно было правильно сказать, что у нихъ только и слышно было: „*Комини да Комини, а объ водкѣ ни полслова*“. Этотъ стихъ партизана Давыдова, съ которымъ я былъ довольно хорошо знакомъ, относился къ гусарамъ, и таковыми они и были тогда: я говорю—отъ 1809 до 1812 года, и не думаю, чтобы четыре года тому назадъ, т. е. въ 1805 году, когда я еще не былъ на службѣ, общество это было не то же самое. Конечно, были средь насъ шалости, въ нѣкоторыхъ и я участвовалъ, но подобная той, которая описана въ романѣ графа Толстого (ч. I, стр. 43—48), есть совершенно исключительная, и не могла произойти въ хорошемъ обществѣ тогдашнихъ гвардейскихъ офицеровъ.

Относительно аустерлицкой кампаніи,—многіе изъ моихъ старшихъ товарищей участвовали какъ въ этой, такъ и въ прусской кампаніи, и я отъ нихъ слышалъ много подробностей, тогда еще совсѣмъ свѣжихъ. Грустно для русскаго вспоминать объ этой эпохѣ, но еще грустнѣе читать тотъ разсказъ, который сдѣланъ искуснымъ перомъ русскаго офицера-литератора. Лѣтъ тридцать тому назадъ, я плылъ на одномъ пароходѣ съ маршаломъ Мармономъ изъ Линца въ Вѣну; я съ нимъ познакомился въ 1835 году въ Египтѣ на кавалерійскихъ маневрахъ, которые сдѣлалъ для него Мегметъ-Али въ виду пирамидъ, на самомъ полѣ битвы Бонапарте съ мамелюками, и гдѣ самъ маршалъ Мармонъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Въ этотъ разъ мы проходили вдоль береговъ Дуная, мимо полей нашихъ славныхъ битвъ: Эмсъ, Амштетенъ, Мелькъ, Кремсъ, которыхъ героями были Багратіонъ, Милорадовичъ и Дохтуровъ. Французскій маршалъ указывалъ мнѣ на нѣкоторые пункты отчаянныхъ битвъ, и называлъ ретираду Кутузова отъ Браунау и Кремса классически-геройскою. Таковою она считалась и у насъ до романа графа Толстого. Говоря о самомъ аустерлицкомъ сраженіи, которымъ съ такою подробностію занялся графъ Толстой,—маршалъ Мармонъ съ увлеченіемъ восхвалялъ неимовѣрную стойкость нашихъ войскъ до *катастрофы*,

когда отступающій лѣвый флангъ нашей арміи погрязъ въ полузамерзшемъ болотѣ, громимый французскою артиллеріею.

Какое мѣсто можно дать фатализму или случаю, на которомъ графъ Толстой основалъ военное искусство, если мы разсмотримъ послѣдовательно геніальное отступленіе Кутузова отъ Браунау до Брюна, когда онъ долженъ былъ постоянно бороться не только противъ несравненно сильнѣйшей арміи знаменитаго полководца, но и противъ неосмысленныхъ повелѣній австрійскаго кригерата (не выполняя ни одного изъ нихъ) и даже противъ измѣны? Ибо очевидно, что австрійцы, послѣ постыдной капитуляціи Мака, хотѣли и насъ уподобить себѣ, вовлекая въ неминуемое пораженіе: они уже ясно видѣли свою погибель и всю тщетность своихъ усилій. Повелѣніемъ Кутузову императора австрійскаго удерживать, во что бы то ни стало, переходъ черезъ Иннъ и черезъ Дунай у Кремса, они явно приносили русскую армію въ жертву. Конечно, автора романа нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы онъ щадилъ австрійцевъ, но онъ могъ бы въ настоящемъ свѣтѣ выставить искусство и геройство нашихъ генераловъ. Не отступая отъ строгой исторической истины, всякій безпристрастный писатель отнесетъ всю неудачу кампаніи 1805 года къ австрійцамъ. Если-бъ Макъ съ 70,000 арміею не положилъ оружія, если-бъ Мерфельдтъ и Ностицъ не сдѣлали того же самого, то даже безъ соединенія съ войсками эрцгерцоговъ успѣхъ кампаній могъ быть довольно вѣренъ подъ начальствомъ такого вождя, какимъ былъ Кутузовъ. Герой романа графа Толстого, князь Болконскій, присутствуетъ почти во все время славной ретирады Кутузова отъ Браунау, и авторъ имѣлъ случай выказать подвиги нашей арміи. Во всемъ романѣ графа Толстого князь Болконскій гораздо умнѣе и Кутузова, и Багратіона, и всѣхъ нашихъ генераловъ. Найдете ли вы тамъ славную битву Багратіона и Милорадовича подъ Амштетеномъ, гдѣ эти два Суворовскіе генерала воодушевляли другъ друга памятью Требіи и Нови, и гдѣ Милорадовичъ прозвалъ своихъ апшеронцевъ: „ce sont des crânes“ (щеголяя французскимъ языкомъ, который онъ плохо

зналъ)? Битва подъ Амштетеномъ останется въ военной исторіи, какъ одна изъ самыхъ яростныхъ, гдѣ русскій штыкъ истинно ознаменовалъ себя. Посмотрите же, какъ графъ Толстой отозвался о томъ: „Были *дѣла* при Ламбахѣ, Амштетенѣ и Милькѣ; но, несмотря на храбрость и стойкость, признаваемыя самимъ непріятелемъ, съ которымъ дрались русскіе, ***послѣдствіемъ этихъ дѣлъ было только еще быстрѣйшее отступленіе***" (1,221) — только что не сказано *бѣгство*! Но какое же это было отступленіе? Никакія силы французовъ не могли не только сломить, но даже и разстроить нашъ арріергардъ. Это отступленіе, по глубокообдуманному плану, спасало всю армію, и было доведено до конца съ полнымъ успѣхомъ чрезъ соединеніе съ арміею, шедшею изъ Россіи до катастрофы аустерлицкой, гдѣ уже не Кутузовъ, а *гофскригерать и гадкіе проектеры*, какъ говаривалъ Суворовъ, сдѣлались главнокомандующими...

Графъ Толстой только слегка коснулся кампаніи 1807 года; онъ привелъ скандалезное письмо Каменскаго къ государю, ни слова не сказалъ о нашихъ подвигахъ въ блестящей для насъ битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, которой память у насъ ознаменована особымъ орденомъ (этотъ орденъ теперь остался едва ли только не на одномъ генералъ-адъютантѣ графѣ Граббе). Кому же вспомнить объ Эйлау? но зато подробно описалъ, какъ наша армія голодала въ Пруссіи, набѣгъ Денисова на провіантъ чужого полка, и проч. и проч.

Читая разсказъ графа Толстого о Тильзитскомъ свиданіи двухъ императоровъ, я припомнилъ то, что разсказалъ мнѣ однажды князь Александръ Николаевичъ Голицынъ о дерзости Наполеона. Оба императора представляли другъ другу своихъ приближенныхъ; когда дошла очередь до князя Голицына, Наполеонъ, въ ту минуту, когда нашъ государь отклонился съ какою-то рѣчью въ сторону, сказалъ князю Голицыну въ полголоса: „N'est-ce pas, mon Prince, que vous êtes en partie directeur de la conscience de Sa Majesté?" Голицынъ нашелся: „Sire — отвѣчалъ онъ ему — Vous oubliez sans doute que nous ne sommes pas des catholiques romains".

Вотъ и 1812 годъ. Ермоловъ начинаетъ свои записки такъ: „Насталъ 1812 годъ, памятный каждому русскому, тяжкій потерями, знаменитый блистательною славою въ роды родовъ!“ Посмотримъ, какіе эпизоды этой чудной народной эпопеи представилъ намъ графъ Толстой, и какъ онъ ихъ представилъ. Начинаемъ съ Вильны. Авторъ романа говоритъ: „Русскій императоръ болѣе мѣсяца жилъ уже въ Вильнѣ, дѣлая смотры и маневры. Ничто не было готово для войны, которой всѣ ожидали, и для приготовленія къ которой императоръ пріѣхалъ изъ Петербурга. Общаго плана дѣйствій не было. Колебанія о томъ, какой планъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые предлагались, долженъ быть принятъ, еще болѣе усилились...“ Еще до выступленія гвардіи изъ Петербурга, мы, въ началѣ марта, всѣ знали, что, въ виду необычайныхъ приготовленій Наполеона, войска наши стянуты къ границамъ, что мы готовимся предупредить его планы, даже войною наступательною, и что огромные магазины устроены въ Бѣлостокѣ и въ губерніяхъ Гродненской и Виленской. Планы для предстоящей, почти неминуемой войны, давно уже обдумывались въ Петербургѣ. Ложные слухи, которые искусно распустилъ Наполеонъ, будто-бы главныя силы его сосредоточиваются къ Варшавѣ, и что одновременно австрійская армія направится на насъ изъ Галиціи, были причиною того. что мы разобщили наши силы на три отдѣльныя части: на первую западную армію, вторую западную и третью обсерваціонную. Переходъ Наполеона съ главными силами черезъ Нѣманъ у Ковно, межъ тѣмъ какъ корпусъ Даву направленъ былъ на Минскъ, противу князя Багратіона, ясно обнаружилъ его намѣреніе воспрепятствовать соединенію нашихъ армій. Первая западная армія, на которую шелъ Наполеонъ съ 220,000, состояла приблизительно отъ 110,000 до 127,000 человѣкъ, а вторая западная, на которую шелъ Даву съ 60,000, считала не болѣе 37,000. Отступленіе обѣихъ нашихъ армій для соединенія сдѣлалось уже необходимостью, хотя Барклай рѣшался принять сраженіе одинъ и даже извѣщалъ о томъ Багратіона.

Графъ Толстой говоритъ о девяти партіяхъ, существовавшихъ тогда, изъ которыхъ четвертую можно назвать неслыханною, и во главѣ которой онъ ставитъ великаго князя Константина Павловича, наслѣдника-цесаревича, и канцлера графа Румянцева. Эта партія, какъ говоритъ романистъ, сильно распространившаяся въ высшихъ сферахъ арміи, боялась Наполеона, видѣла въ немъ силу, въ себѣ слабость, и прямо высказывала это. Они говорили: „Ничего, кромѣ горя, срама и погибели, изъ всего этого не выйдетъ... одно, что намъ остается умнаго сдѣлать, это заключить миръ, и какъ можно скорѣе, пока не выгнали насъ изъ Петербурга". Можно было безотвѣтственно называть и заставлять говорить по-своему князя Андрея Болконскаго, Безухова или Ростова, но безъ положительныхъ фактовъ ставить на сцену, какъ мы видѣли въ первыхъ томахъ, Кутузова, Багратіона, а теперь великаго князя Константина Павловича, Румянцева и другихъ, какъ мы увидимъ далѣе, едва ли позволительно какому бы то ни было талантливому автору. Можемъ завѣрить, что такой партіи вовсе не существовало; то, что сказалъ императоръ Александръ въ рескриптѣ, посланномъ въ Петербургъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову: „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ", было лозунгомъ Россіи и арміи отъ прапорщика до генерала. Эти самыя слова поручено было Балашову, отправленному государемъ съ письмомъ къ Наполеону, заявить ему.

Разговоръ Наполеона съ Балашовымъ смѣшонъ: Наполеонъ является тутъ вполнѣ le bourgeois gentilhomme Мольера. То, что можно простить солдату Даву, то самое не извинительно въ лицѣ французскаго императора. Въ этомъ смыслѣ и разсказывалъ Балашовъ свою поѣздку; но графъ Толстой постарался, какъ кажется, выказать униженіе, которому подвергъ себя Балашовъ. Авторъ даже усугубилъ грубость Даву, не упомянувъ, что французскій маршалъ представилъ въ его распоряженіе свою квартиру, багажъ и адъютанта. Въ разговорѣ съ Наполеономъ Балашовъ былъ менѣе находчивъ, чѣмъ князь Голицынъ въ Тильзитѣ, однако, сказалъ

гордому властелину Франціи, что онъ можетъ придти въ Москву черезъ Полтаву. Надобно замѣтить, что Наполеонъ съ намѣреніемъ замедлялъ принять Балашова, и поручилъ Даву найти предлогъ продержать его, чтобы не останавливать движеній своихъ для разобщенія нашихъ арміи. Великій князь Константинъ Павловичъ, о которомъ графъ Толстой говоритъ, что онъ не могъ забыть своего аустерлицкаго разочарованія, гдѣ онъ, какъ на смотръ, выѣхалъ передъ гвардіею въ каскѣ и колетѣ, разсчитывая молодецки раздавить французовъ, попавъ неожиданно въ первую линію, насилу ушелъ въ общемъ смятеніи, (что не совсѣмъ такъ: правда, онъ попалъ, по *не неожиданно* въ первую линію, а по милости австрійцевъ, ибо великій князь долженъ былъ тамъ найти уже князя Лихтенштейна, который пришелъ уже, какъ говорится, къ шапочному разбору)—этотъ самый великій князь показалъ много стойкости: по его распоряженіямъ произведены были нѣсколько блестящихъ атакъ, какъ пѣхотою, такъ и кавалеріею. Подъ Аустерлицемъ онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ какимъ мы его видѣли при польскомъ возстаніи въ Варшавѣ... Но обращусь къ своему предмету. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ, стоя съ генераломъ Ермоловымъ на нашей батареѣ, въ виду пылающаго Смоленска, при постепенно умолкающихъ пушечныхъ выстрѣлахъ, онъ громко, но несправедливо порицалъ Барклая, удаляющаго его во второй разъ изъ арміи и не рѣшающагося удерживать непріятеля: „онъ не хочетъ, чтобъ я съ вами служилъ, говорилъ великій князь—и раздѣлялъ вашу славу и опасности“. Кто зналъ канцлера Румянцева, тотъ также не вложитъ въ его уста или въ его мысли то, что высказалъ графъ Толстой. Присутствіе великаго князя оказывалось вреднымъ въ главной квартирѣ арміи; онъ не только не былъ во главѣ той партіи, о которой говоритъ графъ Толстой, но находился въ главѣ порицателей Барклая, который не могъ устранить его отъ военныхъ совѣщаній, а между тѣмъ великій князь, по своей непріязни къ Барклаю, громко критиковалъ всѣ его распоряженія, и тѣмъ нарушалъ тайну военныхъ совѣтовъ. На-

добно отдать справедливость Барклаю, что онъ ни мало не придерживался нѣмецкой партіи, которая и тогда, какъ въ 1805 году, едва не взяла верхъ въ военныхъ совѣтахъ, куда Пфуль хотѣлъ внести элементы гофскригерата. Не легко было Барклаю отъ него избавиться, но безсмысленный Дрисскій лагерь оказалъ ему эту услугу и похоронилъ Пфуля.

Описывая первыя дѣйствія въ эту кампанію павлоградскихъ гусаровъ подъ Островной (хотя этотъ полкъ находился въ это время въ арміи графа Тормасова, что можно видѣть изъ сохранившихся расписаній и изъ реляціи Тормасова), авторъ романа представляетъ намъ разговоръ офицеровъ, по случаю полученнаго извѣстія изъ арміи князя Багратіона, и, между прочимъ, объ упорномъ боѣ у Салтановской плотины, гдѣ Раевскій явилъ теплый подвигъ патріотизма, который переходилъ тогда у насъ въ арміи изъ устъ въ уста; когда Раевскій, имѣя по сторонамъ своихъ двухъ, едва входившихъ въ юношество, сыновей, вмѣстѣ съ генераломъ Васильчиковымъ, впереди Смоленскаго полка, подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ воодушевлялъ свои геройскіе ряды собственнымъ примѣромъ. Одинъ изъ сыновей Раевскаго просилъ находившагося возлѣ него подпрапорщика со знаменемъ передать ему знамя, и получилъ въ отвѣтъ: „я самъ умѣю умирать!“ Многіе офицеры и нижніе чины, получивъ по двѣ раны и перевязавъ ихъ, опять шли на бой, какъ на пиръ. Посмотрите, какъ этотъ подвигъ осмѣянъ въ романѣ графа Толстого. Нельзя не выписать циническихъ словъ романиста: „во-первыхъ, на плотинѣ, которую атаковали, *должна была быть* такая путаница и тѣснота, что *ежели* Раевскій и вывелъ сыновей, то это ни на кого не могло подѣйствовать, кромѣ какъ человѣкъ на десять, которые были около его самого, думалъ Ростовъ; остальные и не могли видѣть, какъ и съ кѣмъ Раевскій шелъ по плотинѣ. Но и тѣ, которые видѣли это, не могли очень одушевиться, потому что—*что имъ было за дѣло до нѣжныхъ чувствъ Раевскаго, когда тутъ дѣло шло о собственной шкурѣ?*“ Замѣтьте: два генерала, Раевскій и Васильчиковъ, со всѣми офицерами

своего штаба, спѣшившись съ своихъ коней, идутъ во главѣ Смоленскаго полка, никто этого не видитъ, и никого это не одушевляетъ, потому что *всѣ думаютъ о своей шкурѣ!*...

Распространяясь объ ничтожной атакѣ павлоградцевъ (эту атаку надобно перенесть изъ сраженія при Островнѣ къ сраженію Тормасова при Городичнѣ, (за которую эскадронный командиръ Ростовъ, конечно, по опечаткѣ, награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени), и коснувшись уже военныхъ дѣйствій подъ Островною, не было ли естественнѣе русскому перу обрисовать молодецкія кавалерійскія дѣла аріергарда графа Палена? Онъ закрывалъ опасное отступленіе 1-й арміи среди бѣлаго дня въ виду Наполеона, который принялъ это за перемѣну фронта, ибо, по дошедшимъ до него извѣстіямъ, онъ былъ увѣренъ, что мы готовимся принять генеральное сраженіе. И въ самомъ дѣлѣ, Барклай рѣшился на то: всѣ диспозиціи были уже сдѣланы вдоль рѣчки Лучесы. Слушая пушечные выстрѣлы сражающагося авангарда и глядя на застилаемый дымомъ горизонтъ, мы уже разсуждали съ нашей батареи, поставленной на большомъ возвышеніи, какъ мы будемъ обстрѣливать наступающія на насъ колонны, и разсчитывали съ нашими фейрверкерами по глазомѣру, какой пунктъ удобенъ для дальней и какой для ближней картечи, какъ вдругъ получили повелѣніе сниматься съ позиціи. Помню нашъ ропотъ... мы не знали обстоятельствъ. Барклай, котораго мы прозвали Фабіемъ-Медлителемъ, своею рѣшимостью принять передъ Витебскомъ генеральное сраженіе, имѣя 80,000 противъ 150,000, предводимыхъ Наполеономъ, не походилъ тогда на Фабія. Привезенныя адъютантомъ князя Багратіона (княземъ Меньшиковымъ) извѣстія о неудачѣ его пройти чрезъ Могилевъ и о трудностяхъ, которыя ему предстоятъ для соединенія съ І-ю арміею въ Смоленскѣ, рѣшили главнокомандующаго на отступленіе послѣ собраннаго имъ военнаго совѣта. На этомъ совѣтѣ Тучковъ І-й предлагалъ оставаться на позиціи до вечера. „Кто же поручится въ томъ, что мы еще до вечера не будемъ разбиты?" возразилъ Ермоловъ.—„Развѣ Наполеонъ обязался оставить насъ въ по-

кое до ночи?" Помню также, что отступленіе наше въ виду французовъ было совершено въ такомъ строгомъ порядкѣ, какъ бы это было подъ Краснымъ Селомъ. Чрезъ полчаса времени лѣсное мѣстоположеніе скрыло наше отступленіе отъ глазъ непріятеля. Чтобы не выводить Наполеона изъ заблужденія, приказано было оставить наши бивуаки въ томъ же видѣ, какъ они были, и поручено было казакамъ разложить на ночь костры, какъ бы вся армія тутъ находилась.

Опасеніе, чтобы Даву не занялъ Смоленска прежде Багратіона, ставило Барклая въ необходимость поспѣшать къ Смоленску форсированными маршами; онъ отрядилъ впереди себя корпусъ Дохтурова съ гвардіею, которому было предписано идти усиленными форсированными маршами, и, во что бы то ни стало, удерживать Смоленскъ до прихода Барклая. Наша легкая батарея была въ авангардѣ Депрерадовича, и можно сказать, что мы, *какъ было приказано*, шли по-суворовски. На привалахъ предпочитали часа два заснуть, а ѣли на маршѣ. Мы пришли подъ Смоленскъ въ глубокую темную ночь, и увидѣли по ту сторону Днѣпра огни бивуачныхъ костровъ. Не зная, чьи это бивуаки, нашихъ-ли или непріятеля, намъ не велѣно было раскладывать огней, хотя мы нуждались сварить кашу; немедленно были посланы казаки развѣдать истину. Часа черезъ два возвратились наши разъѣзды съ криками „ура!" Это былъ авангардъ князя Багратіона, и въ мигъ запылали костры и началась ночная солдатская пирушка. Вскорѣ пришелъ весь корпусъ Дохтурова. На другой день къ вечеру пришла и вся 1-я западная армія. Можно ли читать безъ глубокаго чувства оскорбленія не только намъ, знавшимъ Багратіона, да и тѣмъ, которые знаютъ его геройскій характеръ по исторіи, то, что позволилъ себѣ написать о немъ графъ Толстой? Всѣмъ извѣстно, что Багратіонъ былъ противныхъ мнѣній съ Барклаемъ, что онъ письменно и словесно укорялъ его въ ретирадѣ, что онъ считалъ его нѣмцемъ; но самъ-то Багратіонъ считалъ себя вполнѣ русскимъ, и могъ ли этотъ доблестный воинъ рѣшиться изъ нелюбви своей къ Барклаю

заслужить себѣ названіе измѣнника, избѣгая *съ умысломъ*, какъ то говоритъ графъ Толстой, присоединиться съ своей арміей къ Барклаю!.... Могъ ли думать Багратіонъ, что за всѣ принесенныя имъ жертвы отечеству своею кровью, геройскій прахъ его будетъ потревоженъ такимъ неслыханнымъ нареканіемъ? Будемъ надѣяться, что только въ одномъ романѣ графа Толстого можемъ мы встрѣтиться съ подобными оцѣнками мужей нашей отечественной славы, и что наши молодые воины, руководясь свѣточемъ военныхъ лѣтописей, къ которымъ мы ихъ обращаемъ, будутъ съ благоговѣніемъ произносить такія имена, какъ Багратіонъ.

Соединясь подъ Смоленскомъ съ арміею Барклая, Багратіонъ съ нимъ искренно примирился, когда оба главнокомандующіе выяснили другъ другу причины своихъ дѣйствій и разномыслій.

Характеръ князя Багратіона былъ слишкомъ откровенный, а потому, объѣзжая вмѣстѣ съ Барклаемъ ряды его арміи, которую тотъ ему представилъ, онъ бы не сталъ нѣсколько разъ протягивать ему руку въ виду всего войска, чему я былъ самовидцемъ. Но вскорѣ послѣ того они опять разладили. Багратіонъ былъ (какъ я думаю) совершенно правъ: это произошло за отмѣну наступательнаго движенія къ Руднѣ, когда Наполеонъ, находясь въ Витебскѣ, разобщилъ свои силы. И дѣйствительно, тогда все обѣщало намъ успѣхъ. Мы подходили уже къ Руднѣ, какъ вдругъ движеніе было пріостановлено, и, наконецъ, совсѣмъ отмѣнено, несмотря на то, что даже дѣйствія были уже начаты. Платовъ разбилъ подъ Инковомъ кавалерійскую дивизію Себастіани, и если-бъ Барклай не сдѣлалъ безполезной дневки, и быстро направился на Витебскъ, то онъ напалъ бы на непріятеля совершенно врасплохъ. Самый добросовѣстный писатель о войнѣ 1812 г. Шамбрэ говоритъ, что движеніе на Рудню было отлично обдумано, и обѣщало успѣхъ; но онъ же говоритъ, что корпуса, противъ которыхъ предстояло Барклаю сражаться, были сильнѣе его, что успѣхъ не избавилъ бы его отъ своего противника, а неудача могла бы навлечь большія бѣдствія на Россію. Какъ бы то ни было, послѣ

этого Багратіонъ, только подъ Бородиномъ, смертельно раненый, будучи свидѣтелемъ геройскихъ подвиговъ Барклая во время битвы, въ то время, какъ докторъ Виллліе перевязывалъ ему рану, увидѣвъ раненаго Барклаева адъютанта Левенштерна, подозвалъ его къ себѣ и поручилъ ему увѣрить Барклая въ своемъ искреннемъ уваженіи*).

А какъ же это, по словамъ романиста, „французы *наткнулись* на дивизію Невѣровскаго", тогда какъ князь Багратіонъ, соединясь въ Смоленскѣ съ Барклаемъ, немедленно отрядилъ дивизію Невѣровскаго для наблюденія пути изъ Орши въ Смоленскъ?... Французы не могли *не наткнуться* на Невѣровскаго. И кто-же на него наткнулся? Мюратъ съ кавалерійскими корпусами Груши, Нансути и Монбрена, и наступающія вслѣдъ за ними пѣхотныя колонны корпуса маршала Нея.

Конечно, романистъ не историкъ, и можетъ приводить только тѣ обстоятельства, которыя касаются его героевъ; вѣроятно, оттого онъ ни слова не сказалъ о славныхъ для русскаго оружія битвахъ графа Витгенштейна, о его побѣдѣ подъ Клястицами, о побѣдахъ подъ Кобриномъ и Городечною Тормасова, и даже о пораженіи генерала Себастіани казацкими полками атамана Платова при Молевомъ Болотѣ у Инкова. А это сраженіе входитъ уже въ кругъ военныхъ дѣйствій около Смоленска, и авторъ очерчиваетъ общій ходъ дѣлъ кампаніи, даже говоритъ о сраженіи на Салтановской плотинѣ... Какъ же, назвавъ Невѣровскаго, онъ не нашелъ ничего сказать другого, какъ то, что мы привели? Подвигъ Невѣровскаго всѣми военными писателями, какъ нашими, такъ и иностранными, ставится какъ блистательный и достопамятный примѣръ превосходства хорошо обученой пѣхоты, предводимой искуснымъ начальникомъ; это говоритъ и Шамбрэ, прибавляя, что всѣ усиленныя атаки французской кавалеріи (которыхъ было *сорокъ*) остались тщетными. Я помню, съ какимъ энтузіазмомъ мы смотрѣли на

*) Данилевскій, II.240.

Невѣровскаго и на остатокъ его молодецкой дивизіи, присоединившейся къ арміи.

Коснувшись Смоленска, мы остановимся покуда на этомъ предметѣ. Изъ всѣхъ обстоятельствъ видно, что планъ дѣйствій Барклая былъ имъ уже обдуманъ и рѣшенъ, и что тѣ же причины, по которымъ онъ отмѣнилъ наступленіе къ Руднѣ, заставили его не отстаивать Смоленска. Барклай, не считая еще армію Наполеона достаточно ослабленною, руководствовался правиломъ: не дѣлать того, что желаетъ противникъ, т. е. до поры до времени не вступать въ генеральное сраженіе, котораго такъ добивался Наполеонъ. Одинъ только графъ Толстой говоритъ, будто Наполеонъ *очень лѣниво искалъ сраженія*—зато его статья объ этомъ предметѣ походитъ на шутку. Онъ говоритъ, между прочимъ, что «въ *историческихъ* сочиненіяхъ о 1812 годѣ, авторы французы очень любятъ говорить о томъ, какъ Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженія своей линіи, какъ онъ искалъ сраженія, какъ маршалы его совѣтовали ему остановиться въ Смоленскѣ» и проч. Итакъ, мы должны вѣрить, что графъ Толстой гораздо лучше, чѣмъ французскіе историческіе писатели и маршалы, знаетъ, чего хотѣлъ и что думалъ Наполеонъ. Графъ Сегюръ оставилъ намъ весьма любопытный разсказъ совѣщанія Наполеона въ Смоленскѣ съ маршаломъ Бертье, съ генералами Мутономъ, Коленкуромъ, Дюрокомъ и министромъ статсъ-секретаремъ Дарю. Когда они отклоняли его идти далѣе Смоленска, онъ воскликнулъ: «я самъ не разъ говорилъ, что война съ Испаніею и съ Россіею какъ двѣ язвы точатъ Францію, я самъ желаю мира; но чтобы подписать миръ, надобно быть *двумъ*, а я *одинъ*!...» Это былъ уже крикъ отчаянія! Графъ Толстой говоритъ намъ, будто «Наполеонъ началъ войну съ Россіею потому, что не могъ не пріѣхать въ Дрезденъ, не могъ не отуманиться почестями, не могъ не надѣть польскаго мундира, не поддаться предпріимчивому впечатлѣнію іюньскаго утра, не могъ воздержаться отъ гнѣва на Куракина и Балашова. Александръ отказался отъ всѣхъ переговоровъ, потому что лично чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Бар-

кой старался наилучшимъ образомъ управлять арміей для того, чтобы исполнить свой долгъ и заслужить славу великаго полководца. Ростовъ поскакалъ въ атаку на французовъ потому, что не могъ удержаться отъ желанія проскакаться по ровному полю...“ Но мы удержимся оцѣнивать подобныя разсужденія, которыми преисполненъ романъ графа Толстого, по которымъ и Юлій Цезарь, и Наполеонъ, и Суворовъ, и всѣ полководцы обязаны своими побѣдами впечатлѣніямъ хорошей или дурной погоды, или, какъ Ростовъ, желаніемъ поратовать по избранному ими полю!...

Мы не ставили бы на видъ автору романа главные военные эпизоды нашей славной войны 1812 года, если бы онъ не выходилъ изъ рамки романа, не вставлялъ въ нее военные эпизоды, облекая ихъ стратегическими разсужденіями, рисуя боевыя диспозиціи, и даже планы баталій, давая всему этому характеръ историческій, и тѣмъ вводя невольно въ заблужденіе, конечно, не военныхъ, но общество гражданское, гораздо болѣе многочисленное и которому, не менѣе какъ и военнымъ, дорога слава нашей арміи. Но какое сословіе пощажено въ романѣ графа Толстого? Мы видѣли, какъ онъ обрисовывалъ нашихъ полководцевъ и нашу армію; посмотрите теперь, что такое у него наши дворяне, купечество и наши крестьяне. Прочтите, какъ онъ описываетъ дворянское и купеческое собраніе въ Москвѣ при встрѣчѣ государя, прибывшаго изъ Смоленска съ воззваніемъ къ своему народу. Эти сословія въ романѣ графа Толстого суть не иное что, какъ Панургово стадо, гдѣ, по мановенію Ростопчина, плѣшивые вельможи-старики и беззубые сенаторы, проводившіе жизнь съ шутами и за бостономъ, поддакивали и подписывали все, что имъ укажутъ. Не одно симбирское дворянство, а дворянство всей Россіи исполнило не на словахъ, а на дѣлѣ то, что было имъ опредѣлено: „Внимая гласу Монаршаго воззванія по случаю нашествія на отечество наше непріятелей, дворянство единогласно изъявило желаніе, оставя женъ и дѣтей своихъ, препоясаться всѣмъ до единаго и идти защищать вѣру, царя и домы, не щадя живота своего“. Еще остались дѣти

тѣхъ плѣшивыхъ стариковъ-вельможъ и беззубыхъ сенато-
ровъ, которыя также теперь беззубыя и плѣшивыя, но ко-
торыя помнятъ, какъ ихъ отцы и матери посылали ихъ
еще юношами одного на смѣну другого, когда первый
возвращался на костыляхъ или совсѣмъ не возвращался,
положивъ свои кости на полѣ битвы, какъ ихъ отцы, хотя
плѣшивые, но помнившіе Румянцева и Суворова, сами ста-
новились во главѣ ополченій. Ихъ имена остались еще и
останутся въ нашихъ лѣтописяхъ въ укоръ ихъ насмѣш-
никамъ *). Тамъ можно также прочесть, что дѣлали тогда
*толстые откупщики и узкобородые съ желтымъ лицомъ го-
ловы, кричавшіе: И жизнь и имущество возьми, Ваше Вели-
чество!...*

Графъ Толстой разсказываетъ намъ, какъ князь Куту-
зовъ, принимая въ Царевѣ-Займищѣ армію, былъ болѣе
занятъ чтеніемъ романа г-жи Жанлисъ „Les Chevaliers de
Cygne“, чѣмъ докладомъ дежурнаго генерала. Всякій, кто
помнитъ Кутузова, знаетъ, что онъ, вышедши изъ школы
Суворова, любилъ принимать его замашки и странности
не только передъ солдатами, но и передъ своими окружаю-
щими. Конечно, тотъ, кто сообщилъ графу Толстому этотъ
пикантный анекдотъ, буде онъ достовѣренъ, либо не зналъ,
либо не понималъ Кутузова. И есть ли какое вѣроятіе,
чтобы Кутузовъ, ѣхавшій прямо изъ Петербурга, напут-
ствуемый своимъ монархомъ, всѣмъ населеніемъ столицы,
а въ продолженіе пути всѣмъ народомъ, когда уже непрі-
ятель проникъ въ сердце Россіи, а онъ съ прибытіемъ въ
Царево-Займище, видя передъ собою всѣ арміи Наполеона
и находясь наканунѣ рѣшительной ужасной битвы, имѣлъ
бы время не только читать, но и думать о романѣ г-жи
Жанлисъ, съ которымъ онъ попалъ въ романъ графа Тол-
стого?!! Тутъ же мы видимъ нашего знаменитаго партизана
Дениса Давыдова, котораго мы долго не хотѣли узнавать
въ старомъ, усатомъ, пьяномъ лицѣ буяна *Денисова*. Могу

*) Михайловскій-Данилевскій и Богдановичъ въ исторіи отечественной войны посвятили особыя главы этому предмету, но они не исчерпали еще всѣ источники.

авѣрить графа Толстого, что Денисъ Давыдовъ, котораго хорошо зналъ, хотя и былъ усатъ, но былъ тогда въ цвѣтѣ возмужалыхъ лѣтъ, и что лицо его было ни *старое* ни *пьяное*, и что онъ всегда принадлежалъ къ кругу высшаго общества...

Графъ Толстой въ своемъ романѣ, гдѣ онъ въ главахъ 33—35 прекрасно и вѣрно изобразилъ общіе фазисы бородинской битвы, позволилъ себѣ, прежде того, слѣдующимъ образомъ выразиться о подвигѣ Ермолова: „это была та атака, которую *себѣ приписывалъ* Ермоловъ, говоря, что только его храбрости и счастію возможно было сдѣлать этотъ подвигъ, и атака, въ которой онъ будто бы кидалъ на курганъ георгіевскіе кресты, бывшіе у него въ карманѣ". Мы считаемъ даже неумѣстнымъ возражать на такое нареканіе: подвигу Ермолова была свидѣтелемъ армія; приглашаемъ однако автора прочесть, по этому предмету, подлинную реляцію Барклая. Мой бывшій товарищъ, поручикъ Глуховъ, бывъ раненъ, возвращался съ перевязочнаго пункта къ своей батареѣ; въ самое это время Ермоловъ завладѣлъ имъ, заставилъ его приводить въ порядокъ людей Перновскаго полка, и, соединивъ ихъ съ Уфимскимъ баталіономъ, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на штыки. Тутъ Глуховъ былъ вторично раненъ и вторично былъ отправленъ на перевязочный пунктъ.

Авторъ романа предпочелъ заняться г. Безуховымъ и разсказать намъ, какъ этотъ *баринъ* схватился за шиворотъ съ французомъ... И подлинно, у него героемъ Бородина выставленъ графъ Безуховъ.

А. Е. Норовъ.

* * *

*) Романъ г. Толстого интересенъ для военнаго въ двоякомъ смыслѣ: по описанію сценъ военныхъ и войскового быта и по стремленію сдѣлать нѣкоторые выводы относительно теоріи военнаго дѣла. Первыя, т. е. сцены, непо-

*) М. Драгомировъ. „Оружейный Сборникъ" 1868 г., № 4. „Война и Миръ графа Толстого съ военной точки зрѣнія".

дражаемы и, по нашему крайнему убѣжденію, могутъ составить одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ прибавленій къ любому курсу теоріи военнаго искусства; вторые, т. е. выводы, не выдерживаютъ самой снисходительной критики по своей односторонности, хотя они интересны какъ переходная ступень въ развитіи воззрѣній автора на военное дѣло.

Попытаемся прослѣдить „Войну и Миръ“ съ поставленныхъ двухъ точекъ зрѣнія.

На первомъ планѣ является бытовая мирно-военная картинка; но какая! Десять батальныхъ полотенъ самаго лучшаго мастера, самаго большого размѣра, можно отдать за нее. Смѣло говоримъ, что не одинъ военный, прочитавъ ее, невольно сказалъ себѣ: да это онъ списалъ съ нашего полка.

Пѣхотный полкъ, прибывшій къ Браунау послѣ 30 верстнаго перехода, получилъ увѣдомленіе, что фельдмаршалъ будетъ смотрѣть его на походѣ завтра; начальство—въ мучительномъ недоумѣніи насчетъ формы, въ которой должно представиться, и, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и зрѣлыхъ совѣщаній, на основаніи того начала, что лучше «перекланяться, чѣмъ не докланяться», рѣшаетъ представиться въ парадной формѣ.

Солдатъ всю ночь чистится и чинится (послѣ 30 верстнаго перехода); на слѣдующее утро полкъ готовъ такъ, «что и на Царицыномъ лугу съ поля не прогнали бы»; полковой командиръ, во всемъ съ иголочки, похаживалъ передъ фронтомъ съ видомъ человѣка, счастливо совершающаго одно изъ самыхъ торжественныхъ дѣлъ жизни,—и вдругъ... прискакиваетъ адъютантъ изъ штаба съ подтвержденіемъ того, что главнокомандующій желаетъ видѣть полкъ на походѣ, т.-е. совершенно въ томъ положеніи, въ которомъ онъ шелъ: въ шинеляхъ, чехлахъ и безъ всякихъ приготовленій... Роль перемѣняется. Первая мысль у командира—найти виноватаго парадной формѣ. Михайло Митричъ, одинъ изъ баталіонныхъ командировъ, по всей вѣроятности, тотъ, который первымъ напомнилъ руководящее начало житейской философіи (лучше перекланяться,

чѣмъ не доклапяться), получилъ упрекъ въ томъ родѣ, что, вѣдь, говорилъ же ему полковой командиръ, „что на походѣ, такъ въ шинеляхъ"... Что въ его власти было послушать или не послушать совѣтъ, почтенному командиру это въ голову не пришло. Наконецъ, рѣшили переодѣть въ шинели.

Когда подчиненный боится, что его распекутъ, онъ чувствуетъ непреодолимый позывъ распечь своего подчиненнаго; такъ было и тутъ: разжалованный изъ офицеровъ солдатъ стоитъ въ тонкой синеватой шинели, которую носить походомъ разрѣшилъ ему самъ же полковой командиръ. И вотъ требуется ротный командиръ, дѣлается ему выговоръ, со всѣми усовершенствованіями тона и выраженій добраго стараго времени. Напускаются и на солдата.

Но вотъ махальный закричалъ не своимъ голосомъ: „ѣдетъ".

„Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, *дрожащими* руками взялся за стремя, перегнулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу и со счастливымъ рѣшительнымъ лицомъ, на бокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся, какъ оправляющаяся птица, и замеръ. „—Сми-р-р-р-но! закричалъ полковой командиръ потрясающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ въ отношеніи къ подъѣзжающему начальнику".

Вотъ начальникъ части, хотя и небольшой, но все же достаточно сильной, чтобы въ хорошихъ рукахъ дать иногда поворотъ большому сраженію,—приготовленъ ли онъ къ тому, чтобы спокойно встрѣчать опасность, чтобы въ тѣ минуты, когда поздно бываетъ ожидать приказанія, имѣть настолько чувства личнаго достоинства и нравственной самостоятельности, чтобы самому принять рѣшеніе и взять на себя за него отвѣтственность: приготовленъ ли онъ ко всему этому—пусть рѣшатъ читатели.

Не одинъ добросовѣстный и искренній начальникъ, посмотрѣвшись въ это зеркало, задумается надъ собственнымъ обычаемъ; и не безплодно задумается, если, замѣтивъ въ этомъ обычаѣ черты, общія съ поведеніемъ этого полкового командира, отъ нихъ откажется.

И такова всепримиряющая, великая сила художественнаго изображенія! Передъ вами стоитъ, какъ живой, человѣкъ, каждый шагъ котораго, въ прямомъ его дѣлѣ, повергаетъ его въ колебанія и ребяческую тревогу; но, лично, она не возбуждаетъ къ себѣ никакого антипатичнаго чувства. Вѣрное изображеніе доказываетъ то, чего непосредственно въ немъ вовсе и нѣтъ: доказываетъ, что этотъ человѣкъ вышелъ такимъ не по своимъ свойствамъ, а что его сдѣлала такимъ система. Вы это видите и на безотвѣтномъ Тимохинѣ, которому подъ Измаиломъ выбито два переднихъ зуба прикладомъ: стало, онъ видалъ виды и боевую упругость имѣетъ, а въ ожиданіи мирнаго смотра чуть не дрожитъ; видите и на миломъ шутникѣ Жерковѣ, который и въ вѣкъ не доѣдетъ съ порученіемъ въ такое мѣсто, гдѣ летаютъ пули и ядра, но доподлинно разскажетъ потомъ начальнику, *что* тамъ было и *какъ* было, и ужъ, конечно, наградою за свои военные подвиги обойденъ не будетъ; видите. наконецъ, на буйномъ, необузданномъ, энергическомъ Долоховѣ, котораго не уняло производство въ солдаты, и который, какъ тѣнь на картинѣ, выставляетъ остальныя лица въ свѣтѣ еще болѣе рѣзкомъ, чтобы не было уже никакого сомнѣнія въ томъ, *кто* они таковы и *почему* они таковы.

Вотъ въ какую форму отливала человѣка система, теперь уже, благодаря Бога, отошедшая въ вѣчность, по которой лучшимъ средствомъ для поддержанія порядка считалось не требованіе настоящаго, серьезнаго, дѣла, которое должны знать войска, а такъ называемое взбучиванье за первую попавшуюся мелочь: за не совсѣмъ правильно пришитую пуговицу, за оттѣнокъ шинели и проч. и проч. Если это прошлое,—зачѣмъ же его тревожить, можетъ быть, скажутъ нѣкоторые: затѣмъ, чтобы возвратъ къ нему былъ возможно менѣе вѣроятенъ, отвѣтимъ мы... Вспоминать старыя ошибки и увлеченія здорово: это тотъ же пѣтушій крикъ, который протрезвилъ увѣреннаго въ своей твердости Петра, твердости, которой не хватило и на нѣсколько минутъ.

А хотите знать, къ чему ведетъ фальшивое убѣжденіе,

будто честь полка страждетъ, если открывшагося въ немъ негодяя выгнать гласно, тѣмъ путемъ, который указываетъ законъ? Всякому извѣстно, что подобнаго господина, чтобы „не марать мундира", спускаютъ втихомолку, чаще всего устраиваютъ ему переводъ *по его собственному желанію.* Затѣмъ въ части, изъ которой его спустили, — его забываютъ—и дѣлу конецъ. Относительно эгоистическаго, узкаго интереса части—ему дѣйствительно конецъ; но относительно интереса всей войсковой семьи подобное спусканье является дѣломъ до такой степени злостнымъ, что, можетъ быть, сами господа спускатели содрогнулись бы, давъ себѣ трудъ мысленно прослѣдить послѣдствія своего ребяческаго взгляда на зависимость, будто бы существующую между репутаціей, напр., полка и нравственными свойствами какой-либо единичной личности, входящей въ составъ его.

Сцена перемѣняется: передъ нами одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ; дышется привольнѣе, люди не особенно заняты своей боевой спеціальностью, но и не погрязли въ тѣхъ ничтожныхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ боевому дѣлу мелочахъ, которыя въ конецъ измочаливаютъ внутренняго человѣка. Передъ нами небольшой кружокъ: Денисовъ — впослѣдствіи знаменитый партизанъ Давыдовъ; Ростовъ — юнкеръ его эскадрона, и г. Телянинъ — одинъ изъ офицеровъ того же эскадрона, *за что-то* переведенный въ полкъ изъ гвардіи, передъ походомъ. Онъ держитъ себя очень хорошо; но сердце къ нему не лежитъ. Денисовъ и Ростовъ на минуту отлучаются изъ избы, оставя въ ней г. Телянина одного. Нѣсколько минутъ спустя, Телянинъ уходитъ; а еще нѣсколько минутъ спустя, Денисовъ хватился своего кошелька, и не нашелъ его. Не стану дѣлать блѣднаго очерка этого казуса, ибо увѣренъ, что кто рѣшится прочесть этотъ разборъ, уже давно прочелъ разбираемую сцену въ самомъ романѣ. Дѣло въ томъ, что Ростовъ накрываетъ Телянина съ кошелькомъ въ трактирѣ, и сгоряча, по юношески,—и по здравому смыслу также,— докладываетъ объ этомъ полковому командиру въ присутствіи другихъ офицеровъ. Полковой командиръ сказалъ, что это

неправда, Ростовъ наговорилъ ему „глупостей“; офицеры собрались, чтобы убѣдить Ростова извиниться передъ „Богданычемъ“, какъ они между собою называли полкового командира. Ростовъ упрямится на основаніи того же, не затемненнаго фальшивыми представленіями, убѣжденія, что онъ правъ, и что человѣку, знающему, что ему говорятъ правду, странно называть эту правду ложью.

Его сбиваетъ съ этой точки ветеранъ полка, два раза разжалованный за дѣла чести, два раза выслуживавшійся, сѣдѣющій уже штабсъ-ротмистръ Кирстенъ, прямой, честный, симпатическій, сросшійся съ полкомъ. Полкъ для него родина, семья, все; одинъ изъ тѣхъ людей, которые себя не могутъ понять безъ полка и безъ которыхъ полку не достаетъ чего-то. Кому же и понимать честь полка, какъ не ему?

„... Что теперь дѣлать полковому командиру? Надо отдать подъ судъ офицера, и замарать (?) весь полкъ? Изъ-за одного негодяя весь полкъ осрамить? Такъ, что-ли, по вашему? А по нашему не такъ... А теперь, какъ дѣло хотятъ *замять* (!), такъ вы изъ-за фанаберіи какой-то не хотите извиниться, а хотите все разсказать“. И т. д.

Въ этой аргументаціи, что ни слово, то непослѣдовательность; а между тѣмъ всѣмъ, слушавшимъ почтеннаго штабсъ-ротмистра, рѣчь его казалась торжествомъ логики, пронявшей, наконецъ, и самого Ростова, тѣмъ болѣе, что дальше рѣчь приправляется упреками въ томъ родѣ, что ему „своя фанаберія дорога“...

Во-первыхъ, какимъ образомъ полкъ можетъ считаться отвѣтственнымъ за навязаннаго господина и навязаннаго какъ? переведеннаго за *что-то* изъ другой части? во-вторыхъ, если низкій поступокъ офицера мараетъ полкъ, то почему же не мараетъ полка такой же поступокъ, сдѣланный солдатомъ? А это, вѣдь, случается; положимъ не часто, но случается во всякой части, и этого не скрываютъ: въ третьихъ, допуская даже солидарность всего полка со всякимъ, даже и съ гнилымъ членомъ его,—что собственно составляетъ дѣйствительный позоръ: низкій ли поступокъ

или же огласка его? Намъ кажется, что чѣмъ сильнѣе проникнуто извѣстное общество чувствомъ чести, тѣмъ болѣе рѣшительно и явно должно оно извергать изъ себя все то, что оскорбляетъ это чувство: вѣдь, покрываетъ воръ вора; честный человѣкъ не долженъ покрывать вора, или, въ противномъ случаѣ, онъ становится какъ бы его сообщникомъ. Какимъ, наконецъ, образомъ Кирстенъ, который всадилъ бы пулю всякому, кто его заподозрилъ бы въ недостаткѣ правдивости, нравственно казнитъ въ этомъ случаѣ Ростова именно за правдивость, и съ горечью говоритъ, что онъ мѣшаетъ „замять“ дѣло? Или этотъ честный служака, въ которомъ нѣтъ ничего показного, которому жизнь копейка, вѣруетъ въ ту аксіому, что грѣхъ не бѣда, молва не хороша? Оказывается, что какъ будто такъ, хотя, вѣроятно, это ни самому Кирстену ни его товарищамъ не приходило въ голову.

Намъ кажется, что во всемъ этомъ столько безсознательной и поэтому именно грустной лжи, что становится весьма тяжело, когда подумаешь, къ какимъ она приводитъ послѣдствіямъ: скорѣе часто, чѣмъ рѣдко приводитъ. Впрочемъ, будемъ слѣдить за развитіемъ факта по разсказу гр. Толстого; рядомъ съ логикой, въ которой все построено на предразсудкахъ, этотъ разсказъ покажетъ намъ другую, неумолимую логику—логику природы вещей, въ силу которой нелѣпый поступокъ неминуемо порождаетъ нелѣпыя послѣдствія, казнящія за этотъ поступокъ.

Съ Ростовымъ говорятъ такъ, какъ будто главная вина заключается уже въ его опрометчивости, а не въ томъ, что ей подало поводъ; немножко поупорствуй онъ — и дѣло, можетъ быть, повернулось бы для него очень плохо. Рѣшись онъ поставить на своемъ, и рано или поздно его почти навѣрное выкурили бы изъ полка, и, можетъ быть, даже со скандаломъ: ибо что же стѣсняться съ человѣкомъ, который такъ равнодушенъ къ „чести“ полка?

Но онъ сдается: „Я виноватъ, кругомъ виноватъ! Ну, что вамъ еще?...

— Вотъ это такъ, графъ, поворачиваясь крикнулъ штабсъ-ротмистръ, ударяя его большой рукой по плечу.

— Я тебѣ говорю, закричалъ Денисовъ, — онъ малый славный“.

Слѣдовательно, начинало уже зарождаться убѣжденіе въ томъ, что онъ не „славный малый“, и это въ Денисовѣ, который зналъ Ростова, и душою лежалъ къ нему... И все изъ-за чего? Изъ за того, что онъ назвалъ воромъ господина, взявшаго изъ-подъ подушки чужой кошелекъ. Но этимъ дѣло не кончилось: г. Телянинъ исключенъ изъ полка *по болѣзни*, которая ему не помѣшала, впрочемъ, впослѣдствіи поступить въ провіантское вѣдомство. Въ 1807 году мы застаемъ его уже коммиссіонеромъ въ штабѣ. Гусарскій полкъ, въ которомъ болѣзнь помѣшала г. Телянину служить, входитъ въ число частей, состоящихъ на попеченіи сказаннаго штаба. Дошло въ полку до того, что солдаты питались какимъ-то горькимъ машкинымъ корнемъ, который они почему-то называли сладкимъ, а лошади—соломой съ крышъ. Денисовъ не въ состояніи былъ болѣе выносить подобнаго положенія, которое тянулось уже около двухъ недѣль и въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день отбилъ транспортъ, шедшій по близости его расположенія въ какую-то пѣхотную часть. Некрасиво, слова нѣтъ; но въ подобномъ положеніи на 100 начальниковъ изъ тѣхъ, которымъ ихъ солдатъ дороже личной отвѣтственности, по крайней мѣрѣ, 90 сдѣлали бы то же самое, и оправданіе ихъ было бы то же самое, вѣроятно, которое представилъ, поѣхавъ въ штабъ для объясненій, Денисовъ: „Разбой не тотъ дѣлаетъ, кто беретъ провіантъ, чтобы кормить своихъ солдатъ, а тотъ, кто беретъ его, чтобы класть въ карманъ“. Тѣмъ не менѣе позволили расписаться въ этомъ провіантѣ, якобы принятомъ по всѣмъ правиламъ искусства и съ должнымъ соблюденіемъ формъ. Пошелъ расписываться и встрѣчаетъ — Телянина. „Какъ, ты насъ съ голоду моришь?!“ и т. д., что читателямъ извѣстно. Отбитіе транспорта еще бы согласились, можетъ быть, замазать, хотя отъ этого плохо пришлось цѣлому пѣхотному полку; но оскорбленіе одного изъ тѣхъ, кто былъ прямымъ виновникомъ рѣшимости Денисова на отбитіе — этого ужъ, конечно, нельзя

допустить замазать. По донесенію чиновниковъ, оказалось уже, что онъ побилъ не одного, а двухъ, и ворвался въ комиссію въ пьяномъ видѣ. Конечно, слѣдствіе, судъ. Денисовъ, легко раненый, рѣшился уйти въ госпиталь; какъ человѣкъ, дѣло котораго было рубить, а не судиться, онъ съ внутреннимъ ужасомъ бѣжалъ отъ этой новой дѣятельности, въ которой долженъ былъ явиться паціентомъ, не имѣя и понятія даже о тѣхъ крючкахъ и уверткахъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы если не совершенно спастись, то, по крайней мѣрѣ, поплатиться возможно меньше.

И такъ, „честь" полка заставила прикрыть вора; это дало ему возможность заняться своею спеціальностію въ сферѣ болѣе обширной, болѣе прибыльной и главное болѣе безопасной; затѣмъ „честь" полка обошлась во все то число людей, которое погибло отъ лишеній; въ то, что Ростовъ могъ вылетѣть изъ полка, хотя представлялъ всѣ задатки на хорошаго члена его; въ то, наконецъ, что одинъ изъ лучшихъ офицеровъ попалъ подъ судъ, и если не будетъ уничтоженъ, то, конечно, благодаря какой-нибудь счастливой случайности, а не обыкновенному ходу дѣлъ. Можетъ быть, возразятъ: что не Телянинъ, такъ другой; что все это авторская подтасовка; что, наконецъ, на войнѣ лишенія неизбѣжны. На первое замѣтимъ, что не будь это *именно* Телянинъ,—Денисову и въ голову бы не пришло „расписываться"; притомъ же нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы на мѣсто Телянина не попалъ человѣкъ честный, если бы г. Телянина лишили въ полку возможности попасть на какое-либо другое мѣсто. Что же до авторской подтасовки, то противъ нея мы ничего не имѣемъ, если она дышитъ жизненной правдой: при этомъ условіи она перестаетъ быть подтасовкой, а поднимается на высоту художественнаго, поэтически вѣрнаго сопоставленія лицъ и дѣйствій. Все разсказанное произошло естественнымъ образомъ: Телянинъ поступилъ въ провіантское вѣдомство, потому что такіе господа любятъ мѣста теплыя; представился онъ съ формуляромъ незапятнаннымъ—не принять его не было резону. Все остальное пошло какъ по маслу. Одно похоже

на натяжку: что онъ попалъ именно въ тотъ штабъ, отъ котораго зависѣлъ полкъ Денисова; но и подобное сближеніе двухъ дѣйствующихъ лицъ до такой степени просто и естественно, до такой степени часто бываетъ на самомъ дѣлѣ, что было бы смѣшно считать его натяжкой и въ настоящемъ случаѣ. Авторскія подстройки даютъ чувствовать заблаговременно, куда авторъ гнетъ: я, напр., убѣжденъ, что гр. Толстой женитъ Ростова на княжнѣ Болконской, а Безухова на Наташѣ; я поэтому нахожу, что тутъ какъ будто бы есть подстройка; но во всей исторіи Телянина до такой степени нѣтъ ничего подобнаго, что, провѣривъ свои впечатлѣнія, всякій, читавшій „Войну и Миръ“, вѣроятно, признаетъ сцену о томъ, какъ Денисовъ обезпокоилъ почтеннаго провіантскаго дѣятеля, столь же естественною, сколь неожиданною. Что же до того, что на войнѣ лишенія неизбѣжны, то это совершенно вѣрно; но они могутъ быть *болње* или *мєнње* велики, и, конечно, никто спорить не станетъ, что у комиссіонера со свойствами г. Телянина они должны были выйти *очень* велики. Не знаю, достаточно ли ясно слѣдуетъ изъ сказаннаго та мысль, что *не будь фальшивыхъ представленій о чести полка, войсковой организмъ легко и свободно очистился бы отъ того процента презрѣнныхъ личностей, которыя, бывъ уличены въ чемъ-либо позорномъ въ своей части, все-таки продолжаютъ оставаться въ войскѣ, нанося ему, а иногда даже и прежней своей части, неисчислимый вредъ;* для меня эта мысль представляется какъ естественный и логическій выводъ изъ совершенно объективнаго разсказа гр. Толстого. И въ этомъ, по моему мнѣнію, лучшее свидѣтельство художественности разсказа; авторъ описываетъ самый простой, обыденный случай безъ малѣйшей тенденціозности; а между тѣмъ для всякаго, мало-мальски внимательно читающаго его произведеніе, внутренній смыслъ разсказа представляется самъ собою, безъ малѣйшаго, со стороны автора, усилія, натолкнуть читателя на то либо другое заключеніе.

Мы не продолжаемъ развивать нравственныя послѣдствія для Денисова того, что г. Телянинъ былъ спущенъ втихо-

олку изъ полка; не продолжаемъ потому, что всѣ, читавшіе „Миръ и Войну", вѣроятно, помнятъ сцену свиданія Ростова съ Денисовымъ въ госпиталѣ, при которомъ последній не распрашиваетъ уже ни про полкъ, ни про общій ходъ дѣла, что ему это было даже непріятно; и что все вниманіе его сосредоточивалось на запросахъ, которые получалъ изъ коммиссіи, и на отвѣтахъ, которые онъ давалъ на эти запросы. Закончимъ разборъ этого эпизода однимъ вопросомъ: принимая въ соображеніе то обстоятельство, что въ бою великіе подвиги части зависятъ именно отъ двухъ-трехъ человѣкъ, въ родѣ Денисова, во сколько бы обошлось полку отсутствіе его, предполагая серьезное дѣло? А, вѣдь, это отсутствіе, въ концѣ концовъ, произошло бы опять отъ того, что не рѣшились заклеймить Телянина, какъ онъ того заслуживалъ.

Боясь наскучить читателю, не буду разбирать другихъ сценъ войскового быта. Всѣ лица въ нихъ до того типичны, что Долоховы, Тимохины и проч. обратятся, вѣроятно, въ имена нарицательныя, подобно тому, какъ обратились уже въ нарицательныя имена Ноздрева, Собакевича, Манилова и другихъ героевъ Гоголя. Но не могу перейти къ боевымъ сценамъ, не упомянувъ еще объ одномъ типѣ, очерченномъ гр. Толстымъ превосходно,—о типѣ офицеровъ, жаждущихъ поскорѣе произойти, и потому изыскивающихъ кратчайшіе и легчайшіе для того ходы. Борисъ Друбецкой и Бергъ — представители этого типа, конечно, съ различіями, обусловленными мѣрою способностей и характеромъ національности каждаго. Какъ первый ловко подмѣчаетъ, „что въ арміи, кромѣ той субординаціи и дисциплины, которая была написана въ уставѣ и которую знали въ полку, и онъ зналъ, была другая, болѣе существенная субординація, та, которая заставляла генерала почтительно дожидаться въ то время, когда капитанъ князь Андрей, для своего удовольствія, находилъ болѣе удобнымъ разговаривать съ прапорщикомъ Друбецкимъ"; и съ какою похвальною, непоколебимою, быстрою рѣшимостью Борисъ положилъ „служить впредь не по той писанной въ уставѣ, а по этой, неписанной субординаціи!"

Къ несчастію, нѣтъ арміи въ мірѣ, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, гдѣ бы эта вторая субординація не была въ ходу, и пройдетъ много времени, пока она выведется; да и выведется ли?...

Бергъ не забирается, конечно, такъ высоко, да и не нуждается въ этомъ, ибо обладаетъ сноровкой не такой утонченной и быстрой, но тоже безъ промаха ведущей къ цѣли. Сноровка его заключается „въ умѣньѣ не потеряться“, т. е. отмалчиваться передъ начальникомъ, съ какими бы онъ настойчивыми вопросами, вызывающими на оправданіе, къ вамъ ни обращался. „Что ты нѣмой, что ли?—онъ закричалъ. Я все молчу. Что жъ вы думаете, графъ? На другой день и въ приказѣ не было: вотъ что значитъ не потеряться“. Такіе проницательные и находчивые молодые люди не могутъ не пойти далеко, если-бъ даже и хотѣли; не могутъ потому, что ясно видятъ и разумѣютъ, отъ чего зависитъ быстрый ходъ.

Боевыя сцены гр. Толстого не менѣе поучительны: вся внутренняя сторона боя, невѣдомая для большинства военныхъ теоретиковъ и мирно-военныхъ практиковъ, а между тѣмъ дающая успѣхъ или неудачу, выдвигается у него на первый планъ въ великолѣпно-рельефныхъ картинахъ. Разница между его описаніями сраженій и описаніями историческими такая-же, какъ между ландшафтомъ и топографическимъ планомъ: первый даетъ меньше, даетъ съ одной точки, но даетъ доступнѣе глазу и сердцу человѣка. Второй даетъ всякій мѣстный предметъ съ большаго числа сторонъ, даетъ мѣстность на десятки верстъ, но даетъ въ условномъ чертежѣ, не имѣющемъ по виду ничего общаго съ изображаемыми предметами; и потому на немъ все мертво, безжизненно, даже и для приготовленнаго глаза. Такъ и въ большинствѣ историческихъ описаній сраженій: знаешь движенія дивизій, рѣдко полковъ, еще рѣже баталіоновъ: „двинулись, несмотря на сильный огонь, ворвались, опрокинули, или были опрокинуты, поддержаны резервами“ и т. д. Нравственная физіономія личностей руководящихъ, борьба ихъ съ собою и съ окружающими, предшествующая

всякой рѣшимости, все это исчезаетъ — и изъ факта, сложившагося изъ тысячъ человѣческихъ жизней, остается нѣчто въ родѣ сильно потертой монеты: видны очертанія, но какого лица? Наилучшій нумизматъ не распознаетъ. Конечно, есть исключенія: но они крайне рѣдки, и во всякомъ случаѣ далеко не оживляютъ передъ вами событія такъ, какъ оживляетъ его изображеніе ландшафтное, т. е. представляющее то, что могъ бы въ данную минуту съ одной точки видѣть одинъ наблюдательный человѣкъ.

Скажутъ, можетъ быть, что эти Тушины, Тимохины и проч. и проч. не болѣе какъ ложь, что ихъ не было на дѣлѣ, а родились они и жили только въ головѣ автора. Мы, пожалуй, съ этимъ согласимся; но и съ нами должны согласиться въ томъ, что и въ историческихъ описаніяхъ далеко не все правда, и что эти не существовавшія на самомъ дѣлѣ личности поясняютъ внутреннюю сторону боя лучше, чѣмъ большая часть многотомныхъ описаній войнъ, въ которыхъ передъ вами мелькаютъ лица безъ образовъ и въ которыхъ, вмѣсто именъ Наполеона, Даву, Нея и проч. можно было бы, безъ всякой потери, поставить цифры или буквы. Эти „выдуманные“ образы передъ вами живутъ и дѣйствуютъ такъ, что изъ ихъ дѣятельности извлечетъ для себя неоцѣнимыя практическія указанія всякій, рѣшившійся посвятить себя военному дѣлу и не забывающій въ мирное время, къ *чему* онъ себя готовитъ. Указанія эти такого рода, что мы смѣло ставимъ ихъ на ряду съ указаніями маршал. Саксонскаго, Суворова, Бюжо, наконецъ, Трошю. Если взять, къ тому, что они являются въ разсказѣ графа Толстого не въ формѣ отвлеченныхъ общихъ мыслей, а въ примѣненіи этихъ мыслей къ дѣлу живыми лицами, представленными такъ, что вы можете слѣдить за ихъ жестомъ, взглядомъ, словомъ,—если взять все это въ расчетъ, то громадное значеніе военныхъ сценъ гр. Толстого для всякаго военнаго, принимающаго въ серьезную свое ремесло, станетъ ясно какъ день...

М. Драгомировъ.

* * *

Къ несчастію, нѣтъ арміи въ мірѣ, по крайней мѣрѣ, в настоящую минуту, гдѣ бы эта вторая субординація не был въ ходу, и пройдетъ много времени, пока она выведется да и выведется ли?...

Бергъ не забирается, конечно, такъ высоко, да и н нуждается въ этомъ, ибо обладаетъ сноровкой не тако утонченной и быстрой, но тоже безъ промаха ведущей к цѣли. Сноровка его заключается „въ умѣньѣ не потеряться“ т. е. отмалчиваться передъ начальникомъ, съ какими бы он настойчивыми вопросами, вызывающими на оправданіе, к вамъ ни обращался. „Что ты нѣмой, что ли?—онъ закричалъ Я все молчу. Что жъ вы думаете, графъ? На другой ден и въ приказѣ не было: вотъ что значитъ не потеряться“ Такіе проницательные и находчивые молодые люди не мо гутъ не пойти далеко, если-бъ даже и хотѣли; не могут потому, что ясно видятъ и разумѣютъ, отъ чего зависит быстрый ходъ.

Боевыя сцены гр. Толстого не менѣе поучительны: вся внутренняя сторона боя, невѣдомая для большинства воен ныхъ теоретиковъ и мирно-военныхъ практиковъ, а между тѣмъ дающая успѣхъ или неудачу, выдвигается у него н первый планъ въ великолѣпно-рельефныхъ картинахъ. Раз ница между его описаніями сраженій и описаніями истори ческими такая-же, какъ между ландшафтомъ и топографи ческимъ планомъ: первый даетъ меньше, даетъ съ одной точки, но даетъ доступнѣе глазу и сердцу человѣка. Второй даетъ всякій мѣстный предметъ съ большаго числа сторонъ даетъ мѣстность на десятки верстъ, но даетъ въ условном чертежѣ, не имѣющемъ по виду ничего общаго съ изобра жаемыми предметами; и потому на немъ все мертво, без жизненно, даже и для приготовленнаго глаза. Такъ и въ большинствѣ историческихъ описаній сраженій: знаешь дви женія дивизій, рѣдко полковъ, еще рѣже баталіоновъ „двинулись, несмотря на сильный огонь, ворвались, опро кинули, или были опрокинуты, поддержаны резервами“ и т. д. Нравственная физіономія личностей руководящихъ борьба ихъ съ собою и съ окружающими, предшествующа

всякой рѣшимости, все это исчезаетъ — и изъ факта, сложившагося изъ тысячъ человѣческихъ жизней, остается нѣчто въ родѣ сильно потертой монеты: видны очертанія, но какого лица? Наилучшій нумизматъ не распознаетъ. Конечно, есть исключенія: но они крайне рѣдки, и во всякомъ случаѣ далеко не оживляютъ передъ вами событія такъ, какъ оживляетъ его изображеніе ландшафтное, т. е. представляющее то, что могъ бы въ данную минуту съ одной точки видѣть одинъ наблюдательный человѣкъ.

Скажутъ, можетъ быть, что эти Тушины, Тимохины и проч. и проч. не болѣе какъ ложь, что ихъ не было на дѣлѣ, а родились они и жили только въ головѣ автора. Мы, пожалуй, съ этимъ согласимся; но и съ нами должны согласиться въ томъ, что и въ историческихъ описаніяхъ далеко не все правда, и что эти не существовавшія на самомъ дѣлѣ личности поясняютъ внутреннюю сторону боя лучше, чѣмъ большая часть многотомныхъ описаній войнъ, въ которыхъ передъ вами мелькаютъ лица безъ образовъ и въ которыхъ, вмѣсто именъ Наполеона, Даву, Нея и проч. можно было бы, безъ всякой потери, поставить цифры или буквы. Эти „выдуманные“ образы передъ вами живутъ и дѣйствуютъ такъ, что изъ ихъ дѣятельности извлечетъ для себя неоцѣнимыя практическія указанія всякій, рѣшившійся посвятить себя военному дѣлу и не забывающій въ мирное время, къ *чему* онъ себя готовитъ. Указанія эти такого рода, что мы смѣло ставимъ ихъ на ряду съ указаніями маршал. Саксонскаго, Суворова, Бюжо, наконецъ, Трошю. Если взять, къ тому, что они являются въ разсказѣ графа Толстого не въ формѣ отвлеченныхъ общихъ мыслей, а въ примѣненіи этихъ мыслей къ дѣлу живыми лицами, представленными такъ, что вы можете слѣдить за ихъ жестомъ, взглядомъ, словомъ,—если взять все это въ расчетъ, то громадное значеніе военныхъ сценъ гр. Толстого для всякаго военнаго, принимающаго въ серьезную свое ремесло, станетъ ясно какъ день...

М. Драгомировъ.

* * *

Характеристики отдѣльныхъ лицъ романа „Война и Миръ“, собранныя изъ критическихъ статей за 1868 годъ.

Андрей Болконскій.

*) Мы называемъ сочиненіе графа Л. Н. Толстого романомъ только для того, чтобъ дать ему какое-нибудь имя; но „Война и Миръ“, въ строгомъ смыслѣ слова, не романъ. Не ищите въ немъ цѣльнаго поэтическаго замысла, не ищите единства дѣйствія: „Война и Миръ“— просто рядъ характеровъ, рядъ картинъ, то военныхъ, на полѣ битвы, то вседневныхъ, въ гостиныхъ Петербурга и Москвы. Главнымъ лицомъ произведенія графа Толстого, все-таки, слѣдуетъ почитать князя Андрея Болконскаго; отношенія къ нему автора наиболѣе субъективныя; на него потрачено наиболѣе того психологическаго анализа, которымъ, даже не безъ излишества, пользуется графъ Толстой и для всѣхъ прочихъ лицъ; у автора и Кутузовъ, и Багратіонъ, и служака полковой командиръ, и мельчайшій субалтернъ-офицеръ постоянно вопрошаютъ самихъ себя о своихъ поступкахъ; простѣйшему слову военной команды пріискиваетъ авторъ внутренній психологическій поводъ, и въ рѣчахъ его дѣйствующихъ лицъ слѣдуетъ понимать не то, что они говорятъ на самомъ дѣлѣ, а то, что они хотятъ сказать, то, что они думаютъ и чувствуютъ. Но Андрей Болконскій — уже весь сотканъ изъ психологическаго анализа, онъ олицетворенный психологическій анализъ; въ немъ, кажется, нѣтъ плоти и крови живого человѣка: въ немъ только тонкія, тонкія до неуловимости, душевныя ощущенія. Что сдѣлаетъ авторъ изъ своего героя въ четвертомъ томѣ, мы еще не знаемъ, но пока, признаемся откровенно, мы не понимаемъ князя Андрея. Блестящій, умный, образованный, серьезный, онъ выставленъ въ романѣ какимъ-то необыкновеннымъ человѣкомъ, превыше всѣхъ сущихъ; какимъ-то не-

*) „Голосъ“ 1868 г., № 11. „Библіографія и журналистика“.

признаннымъ геніемъ, какимъ-то Печоринымъ или Чайльдъ-Гарольдомъ. Вѣчно сосредоточенный, вѣчно желчный, онъ постоянно носится со своими внутренними ощущеніями, но, безконечно презирая всѣхъ остальныхъ людей, ни передъ кѣмъ не раскрываетъ души своей, ни съ кѣмъ не дѣлится своими убѣжденіями; подъ формою безукоризненной свѣтской любезности, онъ всякое мнѣніе встрѣчаетъ насмѣшкою, ироніей и презрѣніемъ. Только съ Пьеромъ Безухимъ онъ еще откровеннѣе, чѣмъ съ другими, хотя и съ нимъ у него какія-то странныя отношенія: Пьеръ благоговѣетъ передъ нимъ, и говоритъ ему вы; князь Андрей говоритъ Пьеру ты. Женатый на „маленькой княгинѣ" (подъ этимъ именемъ жена его слыветъ въ свѣтѣ), веселенькой, пустенькой и, пожалуй, глупенькой свѣтской женщинѣ, князь Андрей и ее также глубоко презираетъ, какъ и всѣхъ, съ нѣкоторымъ развѣ оттѣнкомъ той жалости, какую взрослые имѣютъ обыкновенно къ дѣтямъ. Только тогда шевельнулось какое-то нѣжное и грустное чувство въ сердцѣ князя Андрея, когда умерла „маленькая княгиня" отъ родовъ, которыхъ съ самаго еще начала беременности ужасно боялась, и когда ея печальное личико даже изъ гроба какъ бы обращалось къ окружавшимъ съ кроткимъ упрекомъ („что вы со мною сдѣлали!" какъ бы говорило это личико). Славолюбивый и честолюбивый, онъ считаетъ Наполеона геніемъ, что не мѣшаетъ ему быть самымъ доблестнымъ и способнымъ офицеромъ изъ всей русской арміи, оказывать чудеса храбрости, критиковать планы диспозиціи и мысленно рѣшать судьбы сраженій. Прилагая тотъ же безпощадный анализъ и тоже высокомѣрное пренебреженіе къ вопросамъ вѣры, какъ и ко всѣмъ другимъ вопросамъ жизни, молодой Болконскій, въ религіозномъ отношеніи, раздѣляетъ скептическій взглядъ своего отца; но когда тяжело раненый, лежалъ онъ безпомощно на аустерлицкомъ полѣ, и ничего не было между его потухавшимъ взоромъ и далекимъ-далекимъ небомъ, искра вѣры во что-то высшее, чѣмъ земная жизнь, чѣмъ даже его, Андреево, надменное пренебреженіе къ міру, внезапно загоралась въ его сердцѣ, и страница, на которой

изображено это душевное состояніе героя, одна изъ лучшихъ въ романѣ.

Съ этимъ-то человѣкомъ, только потому не раскрывающимъ всѣхъ прекрасныхъ свойствъ своихъ, что не встрѣчается ему въ жизни вполнѣ родственной ему и стоющей его души (Пьеръ уменъ и добръ, но мелокъ и безхарактеренъ), съ этимъ-то замѣчательнымъ человѣкомъ задумалъ авторъ свести другое своеобразное существо—Наташу Ростову. Вообще описаніе семейнаго быта графовъ Ростовыхъ, московскихъ хлѣбосоловъ, поэтически прелестно въ книгѣ графа Л. Н. Толстого, и составляетъ художнически задуманную противоположность съ напыщенною пустотою бесѣдъ въ придворныхъ или аристократическихъ кружкахъ, съ саркастическими выходками Андрея, или съ возвышеннымъ топомъ описанія военныхъ эпизодовъ.

„Голосъ“ 1868 г., № 11.

* * *

*) Сынъ старика Болконскаго, князь Андрей принадлежитъ къ числу очень немногихъ лицъ въ сочиненіи графа Толстого, на которыхъ замѣтны слѣды легкой идеализаціи. Въ немъ есть красота и есть порывы энергіи, такъ что, по недостатку героя въ разсказѣ, мы бы готовы были даже признать за нимъ эту роль, если бы онъ не обманывалъ такъ постоянно всѣхъ возбуждаемыхъ имъ ожиданій. Въ человѣкѣ этомъ нѣтъ цѣлости; его жизнь разбита на части, не связанныя между собою ни единствомъ практической цѣли ни постоянными убѣжденіями. Сердце его никогда не предано цѣликомъ тому дѣлу, которымъ онъ занятъ, и онъ никогда не знаетъ толкомъ, чего ему нужно, не знаетъ, куда дѣваться, что предпринять, чего желать, во что вѣрить? Вѣра въ Наполеона, въ Наташу, въ Сперанскаго, въ свое призваніе къ разнаго рода подвигамъ,—все это исчезаетъ въ немъ безъ слѣда съ первымъ толчкомъ, на который ему случилось наткнуться. Его болѣзненный аппетитъ

*) „Всемірный Трудъ“ 1868 г., № 4. Статья Н. Ахшарумова.

къ жизни, возвращаясь къ нему припадками, покидаетъ его безпрестанно, и оставляетъ послѣ себя каждый разъ однообразно-глубокое отвращеніе. Въ началѣ разсказа мы видимъ въ немъ человѣка, жестоко-разочарованнаго пустотой свѣтской жизни и томимаго жаждой серьезной дѣятельности. Этой серьезной дѣятельностью онъ считаетъ въ ту пору войну. Слава Наполеона не позволяетъ ему уснуть спокойно. Ему грезятся планы кампаніи и блестящіе подвиги на полѣ чести. Но въ битвѣ подъ Аустерлицемъ его стукнуло что-то въ голову, и въ одинъ мигъ всѣ эти мечты исчезли. Наполеонъ, въ его глазахъ, изъ великана сталъ карликомъ, война—безмысленной бойней.—Дома, въ семействѣ отца, осталась его беременная жена, пустая и глупая женщина, которую онъ самымъ искреннимъ образомъ презиралъ. Возвратясь, онъ застаетъ ее умирающею въ родахъ. Опять новый толчокъ. Все презрѣніе мигомъ исчезло въ немъ, и онъ полонъ нѣжнѣйшей любви къ покойницѣ; онъ не можетъ себѣ простить, что онъ покинулъ ее въ такомъ положеніи. Но отъ нея остается сынъ, и вотъ онъ посвящаетъ себя вполнѣ этому сыну, дрожитъ надъ нимъ при малѣйшей опасности, почти не спитъ надъ его изголовьемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ однако припадокъ отцовской любви и сожалѣнія о покойной женѣ остылъ. Аппетитъ къ жизни личной снова вернулся, и вотъ мы видимъ его въ Петербургѣ, въ кругу Сперанскаго, горячимъ сторонникомъ и однимъ изъ самыхъ усердныхъ дѣятелей реформы. Но въ самомъ разгарѣ этого новаго увлеченія, на балѣ у Нарышкиныхъ, онъ влюбился въ Наташу Ростову. Опять новый толчокъ, и опять столь же мгновенно все повернулось вверхъ дномъ у него въ головѣ. Онъ сразу понялъ такія вещи, которыя глубокій сорокалѣтній опытъ едва успѣлъ выяснить людямъ нашего времени, да и то далеко не всѣмъ;—понялъ, что всякое измѣненіе формы безъ измѣненія содержанія есть дѣло пустопорожнее, отъ котораго никому ни тепло ни холодно, и что, стало быть, всѣ затѣи Сперанскаго вздоръ. Онъ тотчасъ же бросилъ свои переводы изъ иностранныхъ кодексовъ, дивясь и не

постигая, какъ могъ онъ серьезно трудиться надъ этими пустяками. Онъ увлеченъ своей новой привязанностью, и отдается ей съ жаромъ; но привязанность оказывается не довольно сильна, чтобъ пересилить капризъ отца. Вмѣсто того, чтобъ ковать желѣзо, покуда оно горячо, или стараться, по крайней мѣрѣ, чтобы оно не остыло, онъ оставляетъ свою возлюбленную, семнадцати-лѣтнюю дѣвушку, цѣлый годъ томиться въ разлукѣ и странствуетъ по свѣту.

Возвратясь, онъ узнаетъ, что она ему измѣнила. Опять новый толчокъ. Онъ немедленно обрываетъ съ ней всякую связь, бросаетъ надежду на счастіе, и дышитъ только одной жаждой мести. Эта жажда заставляетъ его преслѣдовать оскорбителя изъ Москвы въ Петербургъ, изъ Петербурга въ Молдавію, изъ Молдавіи въ главную армію. Но тутъ, на пути отступленія русскихъ къ Москвѣ, его постигаетъ рядъ новыхъ ударовъ. Отецъ его умеръ, отечество гибнетъ, помѣстья разорены непріятелемъ, сынъ и сестра въ опасности. Новый могучій потокъ увлеченія обхватываетъ его, и охлаждаетъ въ немъ прежнюю злобу. Ярость противъ другого врага доходитъ въ немъ до того, что онъ не можетъ понять: зачѣмъ плѣнныхъ не рѣжутъ безъ всякой пощады. Но вотъ подъ Бородинымъ его опять стукнуло, и только-что стукнуло, какъ сердце его опять размягчилось, и все озлобленіе изъ него исчезло безслѣдно. На перевязочномъ пунктѣ, увидѣвъ Курагина, котораго онъ хотѣлъ убить,— съ отнятой ногой и въ отчаяніи, онъ забываетъ свою обиду, и плачетъ навзрыдъ, какъ больное дитя..... И все это не какія-нибудь нелѣпости, нѣтъ, все это очень понятно и очень естественно; зная характеръ князя Андрея, мы даже не можемъ представить его себѣ иначе, и мы его любимъ, потому что онъ теплый, живой человѣкъ; потому что въ немъ чистая русская кровь и чистое русское сердце; и мы высоко уважаемъ въ немъ нѣкоторыя черты. Онъ благороденъ и гордъ; — ничто мелочное и низкое не доступно его душѣ; онъ смѣлъ, и готовъ отдать жизнь за то, что онъ любитъ..... Но вся бѣда въ томъ, что никто не можетъ сказать, да и самъ онъ не можетъ сказать, что та-

кое онъ любитъ. Въ немъ нѣтъ устоя, нѣтъ личной инициативы, пылкія увлеченія не родятся въ его душѣ живымъ плодомъ ея внутренней дѣятельности, а налетаютъ, какъ вихорь, извнѣ, совершенно случайно и, подхвативъ его на-лету, мчатъ нѣсколько времени до тѣхъ поръ, пока ихъ порывъ не истощится, или что нибудь, столь же внѣшнее и случайное, не остановитъ ихъ механическаго размаха. Тогда увлеченіе исчезаетъ безслѣдно, и онъ остается *à sec*, какъ корабль на мели, въ ожиданіи новыхъ приливовъ. Человѣкъ этотъ, пожалуй, и правъ былъ, постоянно критически относясь къ своему прошедшему. Критиковать можно все, и всегда оставаться правымъ; но мы бы крѣпко ошиблись, если-бъ мы приняли эту критику за какой-нибудь шагъ впередъ съ его стороны, и ожидали, что она его приведетъ къ чему-нибудь положительному. Человѣкъ этотъ, несмотря на высокія свои добродѣтели, въ сущности человѣкъ праздный. Ему только мерещится, что онъ куда-то идетъ и дѣлаетъ что-то. Въ сущности, онъ ничего не дѣлаетъ; но ему, какъ больному душой и слабому тѣломъ, нужно какое-нибудь занятіе, разгоняющее хандру, нужно усиленное движеніе, гимнастика. Нужно наполнить жизнь чѣмъ-нибудь, чтобы не умереть съ тоски; но *чѣмъ?* — не все-ли равно?... Все хорошо и все дурно, все важно и все ничтожно, все можетъ занять и увлечь на минуту, пока не осмотришься и хорошенько не разглядишь, что такъ тебя увлекаетъ и тѣшитъ, а какъ только вглядѣлся, — баста!... Очарованіе кончено, свѣтъ волшебнаго фонаря потухъ, и бѣлый, холодный лучъ утра освѣщаетъ передъ тобой дрянныя картинки... Таковъ характеръ князя Андрея, конечно, характеръ не героическій, и такова его философія....

Н. Ахшарумовъ.

*
* *

*) Блестящее исключеніе изъ всей толпы мужчинъ въ романѣ „Война и Миръ" представляетъ одинъ Андрей Бол-

---

*) „Одесскій Вѣстникъ" 1868 г., №№ 153 и 155. Статья С. П. Сычевскаго.

конскій. Я не могу относиться къ этой личности безъ искреннѣйшаго уваженія, несмотря на то, что я очень ясно вижу недостатки ея. Болконскій представляетъ человѣка, сдѣлавшаго шагъ дальше Пьера па пути цивилизаціи, и стоитъ уже въ той области, гдѣ человѣкъ дѣлается сформированною опредѣлившеюся личностью: у Болконскаго есть характеръ и убѣжденія, которыхъ нѣтъ ни у кого изъ лицъ романа, кромѣ Болконскихъ отца и сына.

Личность Болконскаго отца обрисована Толстымъ прекрасно: это—самодуръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ самаго серьезнаго ума и образованія и желѣзнаго характера и воли. Сохранивъ посреди новыхъ обычаевъ, новыхъ людей и новаго порядка вещей неизмѣнно старый Екатерининскій образъ жизни и образъ мыслей, онъ представлялъ собою утрированно-неизмѣнную самостоятельность и смѣшно незыблемую твердость характера. Проводя съ неумолимою логикою свои убѣжденія въ жизнь, онъ окончательно измялъ и обезсилилъ бѣдную свою дочь, княжну Марію. Но, несмотря на то, что этотъ человѣкъ стѣсняетъ всѣхъ окружающихъ, несмотря на то, что большинство его поступковъ запечатлѣны неизгладимою печатью необузданнаго, самодурнаго произвола, несмотря на то, что онъ уже давно удалился отъ свѣта,—всѣ его уважаютъ и боятся. Ростопчинъ, остроумный комендантъ Москвы, считаетъ своею обязанностью ѣздить въ торжественные дни „прикладываться къ мощамъ князя Болконскаго"; вся знать смолкаетъ и почтительно клонитъ голову подъ взглядомъ деспотическаго старика; семейство онъ держитъ въ ежевыхъ рукавицахъ. Все у него дѣлается по однажды установленному и до мелочей неизмѣнному порядку. Но подъ мраморной внѣшностью страшнаго старика скрывается нѣжное сердце. Онъ мучитъ свою дочь надъ геометріей — изъ любви къ ней, изъ убѣжденія, что это сдѣлаетъ ее положительною, серьезно развитою дѣвушкой. Какъ величественны всѣ, даже анормальныя явленія его личности! Онъ безбожникъ, каковы были почти всѣ передовые люди Екатерининскаго времени; но посмотрите, какъ грандіозенъ его атеизмъ. Онъ не профанируетъ этого страш-

наго убѣжденія ни одною банальною фразою; для наивнаго суевѣрія княжны Маріи у него находится только строгій взглядъ глубокаго презрѣнія, но ни одна легкомысленная насмѣшка, на которыя такъ щедры современные потомки древнихъ волтеріанцевъ, не опошляетъ глубоко серьезнаго дѣла.

Я сказалъ, что всѣ боятся старика-Болконскаго; слѣдуетъ добавить: за исключеніемъ его сына. Яблоко отъ яблони упало на этотъ разъ очень недалеко: Андрей Болконскій самый лучшій продуктъ Александровскаго поколѣнія точно такъ, какъ его отецъ лучшій представитель „стаи славной Екатерининскихъ орловъ". Молодой Болконскій не самодуръ, но человѣкъ съ глубокимъ, непреклоннымъ убѣжденіемъ и страшною силою воли. Яснымъ и свѣтлымъ взглядомъ смотритъ онъ на все окружающее, все отлично понимаетъ и дѣйствуетъ сообразно этому пониманію, Каждый шагъ его, слово, дѣйствіе — выказываютъ сильный умъ и сильный характеръ. Онъ до такой степени окруженъ ореоломъ мужественной силы ума, воли, образованія, каждое слово его такъ рѣзко и опредѣленно, каждый поступокъ дѣлается такъ увѣренно, что истинная женщина не могла бы выбрать себѣ лучшаго идеала.

Читатели, конечно, замѣтили, что я предполагаю содержаніе романа извѣстнымъ. Личность Андрея Болконскаго не могла не обратить на себя серьезнаго вниманія каждаго, такъ что останавливаться на анализѣ основныхъ чертъ его характера я считаю излишнимъ, тѣмъ болѣе, что я теперь пришелъ къ той точкѣ, въ которой, какъ въ фокусѣ сосредоточивается для меня весь психологическій интересъ романа. Я говорю про отношенія Болконскаго къ Наташѣ. Несмотря на то, что этимъ отношеніямъ посвящено не болѣе $^1/_5$ части всего романа, но именно въ нихъ заключается его психологическій центръ, и только съ этой точки зрѣнія романъ представляетъ своеобразную и талантливую попытку поэта рѣшить по своему столько разъ рѣшенный (и все еще не окончательно) вопросъ: чѣмъ должна быть женщина для мужчины, и наоборотъ. Рѣшеніе, представляемое Тол-

стымъ, навѣрное не понравится ультра-эмансипаторамъ и прочимъ либераламъ.

Вглядимся поближе въ князя Андрея. Чего ему недостаетъ? Въ строго опредѣлившейся, мужественно крѣпкой личности князя Андрея есть что-то не ладное. Отпечатокъ меланхоліи, ничѣмъ, повидимому, не мотивированный, лежитъ на всей его личности. Этотъ богачъ, вельможа, красавецъ, идеалъ мужчины и гражданина—несчастливъ. Онъ постоянно ищетъ забыться или въ лихорадочно-дѣятельной работѣ, или въ вихрѣ развлеченій, или въ ожесточенномъ бою. Чего-же онъ ищетъ? Что не даетъ ему вполнѣ насладиться вполнѣ заслуженными имъ благами жизни?

Дѣло въ томъ, что то міросозерцаніе, та система основныхъ убѣжденій о главнѣйшихъ вопросахъ природы и жизни, которая усвоена его умомъ, — не удовлетворяетъ его. Съ точки зрѣнія логики, князь Андрей не можетъ разрѣшить этой системы; она выработана на строго-логическихъ началахъ; но князь Андрей живетъ, какъ настоящій человѣкъ, полною жизнію. Онъ не старается душить въ себѣ тѣхъ безотчетныхъ, идеальныхъ побужденій, которыя называются инстинктами, и сродны всякому нормально-развитому человѣку. Страшная пустота, вносимая въ душу человѣка атеизмомъ и матеріализмомъ, чувствуется Андрею постоянно, и не даетъ ему того душевнаго спокойствія, той атараксіи, которую греческіе философы считали верхомъ человѣческаго блаженства. Въ вихрѣ жизненной дѣятельности онъ еще кое-какъ справляется съ своимъ внутреннимъ голосомъ, но тогда, когда лишенный способности дѣйствовать, ожидая съ минуты на минуту смерти, онъ лежитъ на Аустерлицкомъ полѣ и надъ своей головой видитъ безграничность, усѣянную звѣздами, тогда всѣ самыя необузданно-идеальныя, безумно-фантастическія представленія наполняютъ его воображеніе. Сухая логика смолкаетъ. Что-то другое начинаетъ говорить громче и громче, и Андрей ясно сознаетъ и глубоко чувствуетъ внутреннее раздвоеніе въ самомъ себѣ. Міръ подергивается для него еще болѣе темнымъ флеромъ. Вотъ въ такомъ-то настроеніи встрѣтился

онъ съ свѣтлымъ ребенкомъ—Наташей. Она была переполнена именно тѣмъ, чего въ немъ недоставало. Въ ней не было именно того, чего въ немъ было черезчуръ много: онъ былъ меланхоликъ, а у нея и въ душѣ и въ глазахъ свѣтило самое яркое солнце. Задумчивый взглядъ былъ такъ же привыченъ Андрею, какъ дѣтски-беззаботный, звонкій смѣхъ—Наташѣ. Ему міръ хмурился, ей все улыбалось. Онъ видѣлъ все дурное, понималъ его и остерегалъ ее: она дѣтски-довѣрчиво шла навстрѣчу, и въ большинствѣ случаевъ зло и грязь сами уклонялись отъ нея. Онъ былъ невѣрующій ни во-что; она—вѣрующая во все. По мнѣнію Наташи, мужчина долженъ быть именно таковъ, какъ Андрей; по мнѣнію Андрея, дѣвушка должна быть именно такова, какъ Наташа. Графъ Толстой раздѣляетъ, повидимому, оба мнѣнія: иначе онъ не могъ-бы съ такимъ истинно художественнымъ искусствомъ, съ такою всякому замѣтною исключительною любовью останавливаться на этихъ двухъ типахъ.

Я считаю долгомъ предупредить могущее встрѣтиться возраженіе: мнѣ могутъ сказать, что Болконскій расходится съ Наташей, и его мѣсто къ концу четвертой части, очевидно, занимаетъ Пьеръ. Это правда; но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что чистая Наташа, еще не подвергшаяся тлетворному дыханію свѣтскаго разврата, плѣняетъ Болконскаго, а для Наташи, уже испорченной, насколько было ей возможно испортиться, — сохраняется Пьеръ. И такъ, психологическимъ центромъ романа остаются все-таки отношенія Болконскаго, а не Пьера, къ Наташѣ.

Первымъ результатомъ любви Болконскаго къ Наташѣ, его предложенія и ея согласія—оказывается то безмятежное спокойствіе души, котораго князь такъ домогался: цѣль его жизни достигнута, всякій тревожный внутренній голосъ невольно смолкалъ предъ сознаніемъ того, что теперь ему довѣрилось существо ангельски-чистое, недоступное различнымъ философскимъ сомнѣніямъ, и существо, которое онъ горячо любилъ. Въ этотъ короткій романтическій періодъ, Болконскій былъ безусловно счастливъ тѣмъ разумнымъ счастіемъ мужчины, которое рѣдко кому достается на долю.

И между прочимъ онъ, эгоистъ, оставилъ свою невѣсту одну посреди соблазновъ свѣта. Онъ судилъ объ ней по себѣ. Читателямъ извѣстно, что изъ этого вышло. Дитя — Наташа не могла противустоять соблазнителю красавцу Анатолію Курагину, влюбилась въ него, и едва-едва не дошла до геркулесовскихъ столповъ дѣвической довѣрчивости. Въ припадкѣ оскорбленной гордости и самоуниженія, явившагося, какъ слѣдствіе ея, Наташа вдругъ написала отказъ князю Болконскому. Какое впечатлѣніе произвелъ на него этотъ отказъ, можно догадаться. Онъ убилъ-бы его, если бы у Болконскаго было поменьше гордости; но такъ какъ гордости у него было очень много, то онъ отнесся къ этому отказу исключительно съ точки зрѣнія оскорбленія его личной чести, и потому счелъ нужнымъ притвориться, что пренебрегаетъ Наташею и непритворно горитъ желаніемъ убить Курагина. Между тѣмъ, его душевнаго спокойствія какъ не бывало. Міръ облекся для него еще болѣе темнымъ флеромъ: онъ пересталъ вѣрить въ прекрасное и въ счастье, и сдѣлался ѣдкимъ отъявленнымъ скептикомъ.

Въ такомъ-то положеніи Прометея, внутренній міръ котораго терзается любовью, местью, отсутствіемъ вѣры во все хорошее—оставляетъ Болконскаго четвертая часть. Присудитъ-ли ему авторъ счастье съ Наташею? Накажетъ-ли онъ его за эгоизмъ вѣчною внутреннею пыткою,—это мы увидимъ въ послѣднемъ томѣ. Между тѣмъ униженная и оскорбленная Наташа находитъ сочувствіе и утѣшеніе въ Пьерѣ. Мало-по-малу она привыкаетъ къ нему; Пьеръ, разумѣется, весьма скоро влюбляется въ нее по уши, и къ концу четвертой части они сходятся такъ коротко, что надобно полагать, что въ пятой можетъ послѣдовать свадьба.

Наташа сдѣлала-бы счастливымъ и Пьера: онъ также мучился, хотя совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ Болконскій: онъ мучится нерѣшительностью, отсутствіемъ опредѣленной цѣли, а также и отсутствіемъ любви и сочувствія. Толстая и неуклюжая фигура Пьера едва-ли не изображаетъ собою средняго русскаго человѣка: очень много талантовъ, готовности, рвенія, и очень мало умѣнья, выдержки, характера.

Живая, пылкая и удивительно поэтическая личность Наташи должна бы была навсегда изгнать изъ жизни этого человѣка то недовольство и сонливость, которыя составляютъ отличительную характеристическую черту жизни такихъ людей. Наташа сама составила бы для Пьера цѣль. Она подѣлилась бы съ нимъ своей неудержимой энергіей. Семейство было-бы совершенно удобною ареною дѣятельности для Пьера, за предѣлами котораго онъ нашелъ-бы миръ, счастье, любовь и полезную дѣятельность.

С. Сычевскій.

*
* *

*) Сначала князь Болконскій увлекается военною славою. Онъ говоритъ: „Смерть, рана, потеря семьи, — ничто мнѣ не страшно. И какъ ни дороги, ни милы мнѣ многіе люди... я всѣхъ ихъ отдамъ сейчасъ за минуту славы, торжества надъ людьми". Вдругъ, на аустерлицкомъ полѣ въ него попадаетъ непріятельская пуля; рана, значитъ, получена. Эта непріятность перевертываетъ всѣ честолюбивые планы Болконскаго; черезъ нѣсколько страницъ онъ разсуждаетъ уже такимъ образомъ, лежа навзничь и смотря въ небо: „Какъ тихо, спокойно и торжественно оно (т. е. небо). Какъ же я не видалъ (?) прежде этого неба? Какъ я счастливъ, что узналъ его, наконецъ. Да! Все пустое, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба. Ничего, ничего нѣтъ, кромѣ его"! Во второмъ томѣ Болконскій начинаетъ опять саркастически посматривать на небо и вступаетъ въ вольнодумный разговоръ съ Пьеромъ Безухимъ, но вольнодумствуетъ онъ вовсе не такъ, какъ вольнодумствовали умные люди того времени. Онъ глумится, напр., надъ любовью къ ближнимъ и самопожертвованіемъ по поводу разныхъ улучшеній, затѣянныхъ Пьеромъ въ его громадныхъ имѣніяхъ; но онъ не предлагаетъ для этой любви никакого другого раціональнаго исхода, а ограничивается тѣмъ, что называетъ ее „главнымъ источникомъ че-

*) „Недѣля" 1868 г., №№ 22, 23 и 26. Статья А. П. Пятковскаго, подъ заглавіемъ: „Историческая эпоха въ романѣ гр. Л. Н. Толстого".

ловѣческихъ заблужденій“. Общественная дѣятельность кажется ему пустымъ препровожденіемъ времени. „Что справедливо, что добро—внушаетъ онъ своему собесѣднику—предоставь судить тому, кто все знаетъ, а не намъ“. Этотъ финалъ совсѣмъ ужъ несообразенъ съ скептическими взглядами Болконскаго. Вскорѣ послѣ того Болконскій, съ своими не доношенными идейками, начинаетъ работать надъ составленіемъ новаго кодекса гражданскихъ законовъ, по приглашенію и подъ руководствомъ Сперанскаго. Въ первое время своего знакомства съ Сперанскимъ онъ чувствовалъ къ нему полнѣйшее уваженіе; но вдругъ ему, такъ же неожиданно, какъ на аустерлицкомъ полѣ, приходитъ въ голову блистательная мысль: „Какое дѣло мнѣ и Бицкому (одному изъ поклонниковъ Сперанскаго), какое дѣло намъ до того, что государю угодно было сказать въ совѣтѣ? Развѣ это можетъ сдѣлать меня счастливѣе и лучше?“ И проникнувшись этимъ размышленіемъ индѣйскаго факира, онъ утратилъ сразу всю свою симпатію къ Сперанскому. Обѣдая послѣ того у знаменитаго реформатора, онъ уже „съ удивленіемъ и грустью разочарованія слушалъ его смѣхъ и смотрѣлъ на смѣющагося Сперанскаго. Это былъ не Сперанскій, а другой человѣкъ, казалось князю Андрею. Все, что прежде таинственно и превлекательно представлялось князю Андрею въ Сперанскомъ, вдругъ стало ему ясно и непривлекательно“. Вотъ вамъ исторія сношеній Андрея Болконскаго со Сперанскимъ. Гдѣ жъ тутъ личность любимаго статсъ-секретаря Александра I-го? Гдѣ его друзья и враги? Вѣдь, у него было много и тѣхъ и другихъ. Онъ осужденъ — и осужденъ безапелляціонно пустымъ великосвѣтскимъ фатомъ, который не сказалъ съ нимъ и двухъ путныхъ словъ. Мы не узнали ни одного задушевнаго желанія, ни одной надежды Сперанскаго, и познакомились только съ его обѣденной сервировкой (кстати, этотъ обѣдъ разсказанъ по книгѣ барона Корфа, и даже одна фраза Сперанскаго: „нынче хорошее вино въ сапожкахъ ходитъ“, почерпнуто оттуда). Чарторижскій также выведенъ мелькомъ, единственно затѣмъ, чтобы показать полнѣйшее пренебре-

женіе къ нему кн. Болконскаго. А напрасно! Имъ не пренебрегалъ и Александръ Павловичъ..,

А. Пятковскій.

***

*) Князь Андрей Болконскій — главное лицо въ романѣ: онъ долженъ связывать собою его эпизоды; на нихъ (вмѣстѣ, впрочемъ, съ Пьеромъ Безухимъ) зиждется вся интрига сочиненія. Между тѣмъ, именно князь Андрей, болѣе чѣмъ какое-либо другое лицо романа, до пресыщенія повторяется во всѣхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ, въ какія только ставитъ его авторъ. Раненый подъ Аустерлицемъ, безсильный, безпомощный, брошенный въ полѣ среди другихъ раненыхъ и убитыхъ, князь Андрей засмотрѣлся па голубое, далекое, безконечное небо; вѣра въ Бога стала прокрадываться въ его сердце, на мѣсто владѣвшаго имъ скептицизма, и предъ величіемъ вѣчности ничтожнымъ стало казаться ему все земное; ничтожнымъ сталъ казаться Наполеонъ, съ его мелкимъ тщеславіемъ и радостью побѣды, тотъ самый Наполеонъ, предъ геніемъ котораго онъ такъ благоговѣлъ до тѣхъ поръ; ничтожною стала ему казаться жизнь человѣка, и еще болѣе ничтожною смерть его. Въ день бородинской битвы, стоя съ полкомъ своимъ подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, когда этотъ полкъ выведенъ былъ во 2-мъ часу дня изъ резервовъ на тотъ промежутокъ между Семеновскимъ и Кургановскою батареею (батареею Раевскаго), гдѣ были уже побиты тысячи людей, и потомъ, раненый тутъ-же осколкомъ гранаты въ животъ, князь Андрей какъ-то созерцательно содрогался предъ ужасами смерти, и сердцемъ обращался къ Богу, источнику мира, любви и вѣчной жизни. Различіе между тѣмъ и другимъ порядкомъ ощущеній такъ тонко, что нельзя душевное состояніе Болконскаго въ день бородинской битвы счесть за совершенно новый психологическій моментъ, хотя таковымъ думаетъ его представить авторъ. Тождество еще порази-

*) „Голосъ“ 1868 г., № 83. „Библіографія“.

тельнѣе: и тамъ и здѣсь князь Андрей, опасно раненый, думаетъ разстаться съ жизнью, даже увѣренъ, что непремѣнно умреть, и мысль его, отвлекаясь отъ земного, настраивается на возвышенный, созерцательный ладъ... Впрочемъ, при болѣе строгомъ разборѣ, двѣ главныя смѣны настроеній откроются въ характерѣ Болконскаго по отношенію къ историческимъ событіямъ, которыми обставлена интрига романа: сначала князь Андрей благоговѣетъ предъ геніемъ Наполеона, потомъ, въ 12-мъ году, онъ всѣми силами души ненавидитъ завоевателя; сначала, во время искусственныхъ, не вызванныхъ необходимостью войнъ 1805 и 1807 годовъ, князь Андрей сочиняетъ разные стратегическіе и тактическіе планы кампаній и сраженій, потомъ въ отечественную войну, въ день Бородина, онъ уже чуждается штабной жизни, онъ хочетъ только биться, сражаться, и принявъ личную команду надъ полкомъ, идетъ въ линію войскъ. Эта необходимость, отбросивъ всякіе планы и разсужденія, сражаться, только сражаться, идти на бой, на смерть, разсчитывая лишь на неустрашимость и стойкость, превосходно изображена авторомъ, какъ общая черта, на страницахъ, предшествующихъ описанію отдѣльныхъ эпизодовъ бородинской битвы. Князь Андрей, спѣша къ позиціи, вмѣстѣ съ слѣдовавшими туда войсками, проходитъ мимо грязнаго пруда, въ который, спасаясь отъ жару и усталости, побросалось, чтобы освѣжиться, множество солдатъ; Болконскій содрогнулся при видѣ этой массы голыхъ тѣлъ въ грязной лужѣ, какъ-бы предчувствуя предстоящую рѣзню; потомъ, на перевязочномъ пунктѣ, среди кучи раненыхъ, которыхъ раздѣтыми рѣзали и перевязывали вокругъ него доктора и фельдшеры, Болконскому припомнилась эта грязная лужа и эта голая масса chair à canon. Пьеръ Безухій, еще не освободившійся отъ своего мистическаго настроенія, далъ ему иное направленіе со дня вторженія Наполеона въ Россію; Пьеръ выставилъ, подобно графу Мамонову, цѣлый полкъ ратниковъ, а самъ тоже поспѣшилъ къ арміи, путемъ разныхъ кабалистическихъ исчисленій вообразивъ себя предназначеннымъ на низложеніе апокалип-

сическаго звѣря (т. е. Наполеона); приближаясь къ позиціи русскихъ войскъ подъ Бородинымъ, Пьеръ встрѣчаетъ и обгоняетъ массы народа и солдатъ, и на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ разговорахъ замѣчаетъ одну мысль, одно чувство —ожиданіе страшной рѣзни, страшнаго побоища. Наконецъ, самъ Кутузовъ, одобряя намѣренія Болконскаго не оставаться въ день битвы при штабѣ, какъ ему предлагалъ было главнокомандующій, говоритъ, что въ этотъ день въ строю офицеры будутъ нужнѣе, чѣмъ при главной квартирѣ, такъ какъ едва-ли нужны будутъ какія-нибудь приказанія, а нужно будетъ только стоять, держаться, биться, терпѣть... Но только этими однѣми указанными чертами князь Андрей Болконскій и принадлежитъ къ тому обществу, къ обществу первыхъ лѣтъ царствованія Александра I, изображеніе котораго составляетъ задачу разбираемой книги. Во всемъ остальномъ, какъ уже и замѣчено было автору, Болконскій является анахронизмомъ въ книгѣ графа Толстого. Въ князя Андрея авторъ вложилъ мысли и страданія человѣка позднѣйшаго, нашего времени; справедливо замѣчено было, что князь Андрей обладаетъ въ книгѣ какимъ-то чудеснымъ, почти сверхъестественнымъ даромъ предвидѣнія: онъ судитъ о грядущихъ событіяхъ такъ, какъ могъ бы судить о нихъ только человѣкъ, уже пережившій ихъ. Гораздо правильнѣе будетъ, поэтому, смотрѣть на Болконскаго не какъ на героя историческаго романа 800-хъ годовъ, а какъ на посторонняго наблюдателя, передъ которымъ, какъ въ панорамѣ, проходятъ лица и событія того времени. Князь Андрей проведенъ черезъ все сочиненіе, какъ испытующая мысль самого автора—словно то самое, что испыталъ и перечувствовалъ авторъ во время чтенія записокъ (которыя—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія—послужили основою и поводомъ для его труда), то самое выражаетъ собою Болконскій въ романѣ. И это до такой степени справедливо, что, начиная съ четвертаго тома, авторъ многое, что прежде влагалъ въ уста своимъ героямъ, высказываетъ уже прямо отъ себя...

Голосъ 1868 г., № 83.

*) Если князь Андрей и удивлялся видимой бездѣятельности Багратіона, то потому только, что онъ составилъ себѣ прямо противоположное дѣйствительности представленіе о томъ, что можетъ и чего не долженъ дѣлать въ бою командиръ значительнаго отряда.

Гр. Толстой ни слова, къ сожалѣнію, не сказалъ о тѣхъ военныхъ взглядахъ, съ которыми его герой выѣхалъ на войну: если бы это было сдѣлано, удивленіе кн. Андрея получило бы совсѣмъ другой колоритъ, чѣмъ тотъ, который оно имѣетъ теперь. Позволимъ себѣ пополнить этотъ пробѣлъ, припомнивъ эпоху, въ которую дѣйствовалъ кн. Андрей, и огромную дозу самомнѣнія, составляющую, судя по очерку автора, характеристическую черту этой личности.

До кампаніи кн. Андрей видѣлъ, конечно, только мирныя упражненія войскъ, установившіяся тогда на точномъ основаніи Фридриховскихъ формъ, педантическихъ, потерявшихъ смыслъ и духъ со смертью великаго короля. Эти формы, какъ всякому извѣстно, сводились къ возстановленію развернутаго строя изъ колоннъ на полныхъ дистанціяхъ и къ движенію развернутыхъ линій: то и другое — съ идеальною правильностью, „чистотой“, какъ тогда выражались. Опоздай взводъ зайти въ линію на полсекунды, разравняйся строй при движеніи на шагъ—и начальники пускали въ ходъ всю свою безконтрольную власть, дабы устранить безпорядки, столь, по ихъ мнѣнію, ужасные.

Нравственная энергія и другія внутреннія свойства личности не цѣнились ни во что, такъ какъ на первый планъ выступали тѣ качества, чисто внѣшнія, которыя были необходимы для достиженія идеала однообразія, стройности, единовременности движенія; эти качества были: для солдата —умѣнье единовременно съ другими производить всякое движеніе; для офицера и начальника, кромѣ того, — богатырскій голосъ и умѣнье скомандовать до такой степени единовременно со своими равными, что для этого необходимы были особыя предварительныя спѣвки. Всякое самомалѣйшее движеніе исполнялось и прекращалось не иначе,

*) М. Драгомировъ. „Оружейный Сборникъ“ 1868 г., № 4.

какъ по командѣ старшаго начальника, которая, по всей командной лѣстницѣ, нисходила до непосредственныхъ исполнителей. Перевести безъ команды свыше свой баталіонъ не то, что на сто или полтораста, а даже на пять шаговъ—было вольнодумствомъ до того неслыханнымъ, что дерзкая мысль о немъ, вѣроятно, не приходила въ голову современнымъ баталіоннымъ командирамъ даже и во снѣ. Прибавьте къ этому безпрерывную и суетливо-поспѣшную дѣятельность адъютантовъ, скачущихъ по всѣмъ направленіямъ для отдачи приказаній и замѣчаній по самомалѣйшимъ мелочамъ или неправильностямъ,—и предъ вами предстанетъ та среда, въ которой кн. Андрей началъ свое практическое военное воспитаніе.

Были, правда, у насъ преданія чисто русскія, другой тактики и другихъ ученій,—преданія Румянцева, Суворова,—но къ тому времени, когда кн. Андрей долженъ былъ начать свою службу, этихъ преданій какъ будто и не бывало. Оставались дѣятели, сформировавшіеся подъ вліяніемъ этихъ преданій, но, вѣроятно, противное теченіе было слишкомъ сильно; одни не хотѣли, другіе не умѣли ему противостоять, и держали про себя то, что приняли, какъ священный завѣтъ, отъ геніальнаго чудака, поднимавшаго свою армію пѣтушьимъ крикомъ, вмѣсто боя, для этого установленнаго.

Обратимся теперь къ теоретической подготовкѣ, какую могъ получить кн. Андрей въ своихъ военныхъ взглядахъ. То было время господства геометрическихъ теорій въ военномъ дѣлѣ. Полагали, что все стратегическое и тактическое знаніе можно свести къ нѣсколькимъ геометрическимъ чертежамъ, заключить его, слѣдовательно, въ рамки точной, вполнѣ опредѣленной науки. Какъ получить перевѣсъ надъ непріятелемъ на театрѣ войны? Нужно имѣть охватывающую базу и объективный уголъ въ 90 градусовъ; отступать по расходящимся отъ непріятеля дорогамъ, наступать къ нему—по сходящимся. Какъ разбить на полѣ сраженія? Слѣдуетъ принять косвенный боевой порядокъ, т. е. обойти непріятеля съ котораго-либо изъ фланговъ. Не правда ли,

какъ все просто и ясно? На бѣду, въ этихъ ясныхъ и простыхъ теоріяхъ проглядѣли самую мелочь, т. е., человѣка со всѣми его слабыми и сильными нравственными сторонами; распорядились, однимъ словомъ, такъ, какъ будто вся война происходитъ не въ полѣ, а на доскѣ, линіями и углами, выводимыми мѣломъ, а не составленными изъ людей. Само собою разумѣется, что, чѣмъ сказанныя теоріи были одностороннѣе, тѣмъ логическое построеніе ихъ было строже, и тѣмъ сильнѣе была увѣренность людей, усвоившихъ эти теоріи, въ томъ, что они знали, что такое война и какъ ее дѣлаютъ. Наталкиваясь на факты, опрокидывавшіе ихъ ребяческіе углы и линіи, эти люди, конечно, должны были находить не то, что они ошибаются, а что дѣло ведется не такъ, какъ слѣдуетъ.

Особенно это было неизбѣжно въ томъ случаѣ, когда напитавшійся подобными теоріями человѣкъ расположенъ былъ, по врожденнымъ свойствамъ, вѣрить въ безусловную непогрѣшимость своихъ взглядовъ и убѣжденій. Таковъ былъ Пфуль, такъ превосходно нарисованный гр. Толстымъ; кн. Андрей тоже былъ Пфуль, только передѣланный на русскіе нравы, и при томъ не плебей, а аристократическаго происхожденія: Пфуль дилетантъ.

Принявъ въ соображеніе все сказанное о практической и теоретической подготовкѣ кн. Андрея къ военному дѣлу, станетъ понятно, почему онъ былъ такъ удивленъ поведеніемъ Багратіона во время боя подъ Голлабрюномъ. Багратіонъ не суетился и другихъ не суетилъ; разсылалъ адъютантовъ съ приказаніями во много разъ меньше, чѣмъ кн. Андрею случалось видѣть на самыхъ небольшихъ ученіяхъ; не устраивалъ никакихъ ученыхъ боевыхъ порядковъ, а распредѣлилъ войска на позиціи, какъ мѣстность того требовала: для героя „Войны и Мира" было ясно какъ день, что этотъ военачальникъ ничего или почти ничего не дѣлалъ. *Несмотря на это,* присутствіе кн. Багратіона, какъ признаетъ кн. Андрей, сдѣлало чрезвычайно много. Я полагаю, онъ былъ бы болѣе правъ, если бы сказалъ, что *именно поэтому* Багратіонъ сдѣлалъ чрезвычайно много.

Но онъ не могъ такъ сказать, потому что распоряженіе боемъ рисовалось въ его сознаніи въ только что очерченномъ видѣ. Не знаемъ, намѣренно или нѣтъ гр. Толстой выдаетъ своего героя въ разбираемомъ случаѣ; находимъ только, что его изображеніе еще болѣе выигрываетъ отъ этого въ художественной правдѣ, являя Болконскаго вполнѣ человѣкомъ своего времени.

Что же до Багратіона, то онъ изображенъ идеально хорошо; въ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе художественнаго портрета гр. Толстого съ тѣмъ, что говоритъ марш. Саксонскій объ обязанностяхъ главнокомандующаго въ день сраженія:

„Нужно, чтобы въ день сраженія главнокомандующій ничего не дѣлалъ; онъ яснѣе будетъ видѣть происходящее, сохранитъ независимость ума, и будетъ болѣе способенъ пользоваться тѣми мгновеніями боя, въ которыя непріятель станетъ въ невыгодное положеніе; и когда онъ дождется одного изъ такихъ мгновеній (quand il verra sa belle), онъ долженъ броситься во весь духъ къ слабому мѣсту, схватить первыя попавшіяся подъ руку войска, двинуть ихъ быстро и не щадить себя (payer de sa personne): вотъ отъ чего зависитъ выигрышъ и рѣшеніе боя. *Я отнюдь не говорю, ни гдѣ, ни какъ это должно дѣлать, ибо это зависитъ отъ разнообразія мѣстъ и положеній, возникающихъ во время боя; сущность въ томъ, чтобы подмѣтить мгновеніе и умѣть имъ воспользоваться*“.

Какъ читатель можетъ видѣть, авторъ „Войны и Мира“ до такой степени вѣрно сдѣлалъ каждый штрихъ своего изображенія, что можно подумать, будто онъ создалъ это изображеніе по образцу, указанному марш. Саксонскимъ.

А вотъ идеалъ Болконскаго, набросанный тѣмъ же марш. Саксонскимъ, какъ указаніе того, чего *не слѣдуетъ дѣлать*.

„Многіе главнокомандующіе занимаются въ день сраженія только тѣмъ, что двигаютъ войска съ строжайшимъ соблюденіемъ равненія и дистанцій, отвѣчаютъ на вопросы, съ которыми къ нимъ обращаются адъютанты, разсылаютъ своихъ адъютантовъ во всѣ концы, и сами безпрерывно

скачутъ; однимъ словомъ, они хотятъ сами все сдѣлать, и оттого ничего не дѣлаютъ. Я считаю такихъ генераловъ людьми, у которыхъ голова идетъ кругомъ, которые болѣе ничего не видятъ, и которые умѣютъ дѣлать только то, что они дѣлали всю свою жизнь, — разумѣю фронтовыя ученія. Отчего это происходитъ? Оттого, что весьма мало есть людей, занимающихся высшими сторонами войны; что большинство офицеровъ занимается только строевыми ученіями и думаетъ, будто все военное искусство заключается въ нихъ однихъ: попадая въ главнокомандующіе, такіе офицеры оказываются полными новичками *и, не умѣя дѣлать то, что нужно, они дѣлаютъ то, что умѣютъ*“. Мы оставили кн. Багратіона въ ту минуту, когда онъ стоялъ на батареѣ Тушина и на все отвѣчалъ словомъ или выраженіемъ лица: „хорошо“. По новымъ донесеніямъ онъ счелъ за нужное переѣхать къ правому флангу, гдѣ получилъ донесеніе отъ полкового командира, что полкъ его (сбившійся уже въ кучу) выдержалъ кавалерійскую атаку, „хотя трудно было съ достовѣрностію сказать, была ли отбита атака, или полкъ былъ разбитъ атакой“.

„Кн. Багратіонъ наклонилъ голову въ знакъ того, что все это было совершенно такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ. Обратившись къ адъютанту, онъ приказалъ ему привести съ горы два баталіона 6-го егерскаго, мимо которыхъ они сейчасъ проѣхали. Кн. Андрея поразила въ эту минуту перемѣна, происшедшая въ лицѣ кн. Багратіона. Лицо его выражало ту сосредоточенную и счастливую рѣшимость, которая бываетъ у человѣка, готоваго въ жаркій день броситься въ воду и берущаго послѣдній разбѣгъ. Не было ни невыспавшихся тусклыхъ глазъ ни притворно *) глубокомысленнаго вида: круглые, твердые, ястребиные глаза восторженно и нѣсколько презрительно смотрѣли впередъ, очевидно, ни на чемъ не останавливаясь, хотя въ его движеніяхъ оставалась прежняя размѣренность и медленность“.

Итакъ минута схвачена; подходятъ баталіоны, живые

*) Такъ казалось кн. Андрею.

баталіоны: такіе, какими умѣетъ ихъ рисовать только графъ Толстой. Вотъ они поровнялись, вотъ имъ сказали: „Молодцами ребята!“ остановили, приказали снять ранцы. „Багратіонъ объѣхалъ прошедшіе мимо его ряды *), и слѣзъ съ лошади. Онъ отдалъ казаку поводья, снялъ и отдалъ бурку, расправилъ ноги и поправилъ на головѣ картузъ. Голова французской колонны, съ офицерами впереди, показалась изъ-подъ горы“.

Съ человѣкомъ, который въ подобную минуту все это продѣлываетъ спокойно, люди, каковы бы они ни были, не могутъ не быть спокойны; не могутъ допустить даже мысли, чтобы была на свѣтѣ такая сила, которая ихъ бы сломила, и которой они не сломили бы.... Настала торжественная минута, именно та, въ которую главнокомандующій не долженъ щадить себя. Багратіонъ — воспитанникъ суворовской школы — угловъ и линій не зналъ, но эти минуты зналъ.

„Съ Богомъ! проговорилъ Багратіонъ твердымъ, слышнымъ голосомъ, на мгновеніе обернулся къ фронту и, слегка размахивая руками, неловкимъ шагомъ кавалериста, какъ бы трудясь, пошелъ впередъ по неровному полю. *Кн. Андрей чувствовалъ, что какая-то непреодолимая сила влечетъ его впередъ, и испытывалъ большое счастье*“.

То, что испытывалъ въ эту минуту князь Андрей, конечно, испытывалъ послѣдній изъ солдатъ въ баталіонахъ, предводимыхъ кн. Багратіономъ. Вотъ что выигрываетъ и рѣшаетъ сраженія, скажемъ словами маршала саксонскаго, а не тѣ распоряженія, отсутствіе которыхъ со стороны Багратіона такъ поразило кн. Андрея... Людямъ, незнакомымъ съ этой страшной игрой, въ которой ставками являются тысячи, иногда и десятки тысячъ человѣческихъ головъ, кажется, будто въ бою стрѣляютъ только пулями, ядрами, картечью, — нѣтъ: тамъ стрѣляютъ еще и живою картечью, т. е. массами людей, и одерживаетъ верхъ только тотъ, кому дана внутренняя сила сплотить массу людей въ

*) Т. е. заглянулъ въ лицо каждому солдату — повтореніе того же: „ужъ не робѣете ли вы тутъ?“ только въ другой формѣ.

одно существо и устремить ихъ къ цѣли съ неуклонимостью бездушнаго снаряда... Кн. Багратіонъ былъ одинъ изъ искусныхъ стрѣлковъ въ этой стрѣльбѣ. Приготовить снарядъ, захвативъ его въ свой взглядъ, прицѣлить, выпустить, наконецъ, именно въ ту минуту, когда это сдѣлать всего выгоднѣе—не раньше и не позже — все это вещи до такой степени трудныя, что даются избраннымъ, исключительнымъ натурамъ. И всякій безпристрастный наблюдатель долженъ признать, что на такихъ людяхъ лежитъ печать избранія,— какъ бы они ни казались иногда незначущими, иногда пошлы, иногда даже грязноваты, въ другихъ, обыденныхъ сферахъ жизни.

Атака двухъ баталіоновъ, предводимыхъ Багратіономъ, конечно, была удачна и обезпечила отступленіе на правомъ флангѣ *).

М. Драгомировъ.

* * *

Борисъ Друбецкой.

**) Новый еще не оконченный романъ графа Л. Толстого можно назвать образцовымъ произведеніемъ по части патологіи русскаго общества. Въ этомъ романѣ цѣлый рядъ яркихъ и разнообразныхъ картинъ, написанныхъ съ самымъ величественнымъ и невозмутимымъ эпическимъ спокойствіемъ, ставитъ и рѣшаетъ вопросъ о томъ, что дѣлается съ человѣческими умами и характерами при такихъ условіяхъ, которыя даютъ людямъ возможность обходиться безъ знаній, безъ энергіи и безъ труда.

Очень можетъ быть, и даже очень вѣроятно, что графъ Толстой не имѣетъ въ виду постановки и рѣшенія такого вопроса. Очень вѣроятно, что онъ просто хочетъ нарисо-

*) Любопытно было бы знать, кому князь Андрей приписалъ бы успѣхъ этой атаки, и кто, по его мнѣнію, въ этомъ случаѣ атаковалъ: *онъ* ли, Багратіонъ, не убивши ни одного человѣка, или *они*, стрѣлявшіе и коловшіе?!

**) „Отечественныя Записки“ 1868 г., № 2. „Русская Литература“. Статья Д. Писарева, подъ заглавіемъ: „Старое барство“. („Война и Миръ“. Сочин. графа Л. Н. Толстого. Томъ I, II и III).

вать рядъ картинъ изъ жизни русскаго барства во времена Александра I. Онъ видитъ самъ, старается показать другимъ, отчетливо, до мельчайшихъ подробностей и оттѣнковъ, всѣ особенности, характеризующія тогдашнее время и тогдашнихъ людей, людей того круга, который всего болѣе ему интересенъ или доступенъ его изученію. Онъ старается только быть правдивымъ и точнымъ; его усилія не клонятся къ тому, чтобы поддержать и опровергнуть создаваемыми образами какую бы то ни было теоретическую идею; онъ, по всей вѣроятности, относится къ предмету своихъ продолжительныхъ и тщательныхъ изслѣдованій съ тою невольною и естественною нѣжностью, которую обыкновенно чувствуетъ даровитый историкъ къ далекому или близкому прошедшему, воскресающему подъ его руками; онъ, быть можетъ, находитъ даже въ особенностяхъ этого прошедшаго, въ фигурахъ и характерахъ выведенныхъ личностей, въ понятіяхъ и привычкахъ изображеннаго общества, многія черты, достойныя любви и уваженія. Все это можетъ быть, все это очень даже вѣроятно. Но именно оттого, что авторъ потратилъ много времени, труда и любви на изученіе и изображеніе эпохи и ея представителей, именно поэтому созданные имъ образы живутъ своею собственною жизнью, независимо отъ намѣренія автора, вступаютъ сами въ непосредственныя отношенія съ читателями, говорятъ сами за себя, и неудержимо ведутъ читателя къ такимъ мыслямъ и заключеніямъ, которыхъ авторъ не имѣлъ въ виду, и которыхъ онъ, быть можетъ, даже не одобрилъ бы.

Эта правда, бьющая живымъ ключомъ изъ самыхъ фактовъ, эта правда, прорывающаяся помимо личныхъ симпатій и убѣжденій разсказчика, особенно драгоцѣнна по своей неотразимой убѣдительности. Эту-то правду, это шило, котораго нельзя утаить въ мѣшкѣ, мы постараемся теперь извлечь изъ романа графа Толстого.

Романъ „Война и Миръ" представляетъ намъ цѣлый букетъ разнообразныхъ и превосходно отдѣланныхъ характеровъ. Мы начнемъ именно съ нихъ, и начнемъ снизу, то-есть съ тѣхъ фигуръ, насчетъ которыхъ разногласіе почти не-

возможно, и которыхъ неудовлетворительность будетъ, по всей вѣроятности, признана всѣми читателями.

Первымъ портретомъ въ нашей картинной галлереѣ будетъ князь Борисъ Друбецкой, молодой человѣкъ знатнаго происхожденія, съ именемъ и съ связями, но безъ состоянія, прокладывающій себѣ дорогу къ богатству и къ почестямъ своимъ умѣніемъ ладить съ людьми и пользоваться обстоятельствами. Первое изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми онъ пользуется съ замѣчательнымъ искусствомъ и успѣхомъ — это его родная мать, княгиня Анна Михайловна. Всякому извѣстно, что мать, просящая за сына, оказывается всегда и вездѣ самымъ усерднымъ, расторопнымъ, настойчивымъ, неутомимымъ и неустрашимымъ изъ адвокатовъ. Въ ея глазахъ цѣль оправдываетъ и освящаетъ всѣ средства, безъ малѣйшаго исключенія. Она готова просить, плакать, заискивать, подслуживаться, пресмыкаться, надоѣдать, глотать всевозможныя оскорбленія, лишь бы только ей хоть съ досады, изъ желанія отвязаться отъ нея и прекратить ея докучливые вопли, бросили, наконецъ, для сына назойливо требуемую подачку. Борису всѣ эти достоинства матери хорошо извѣстны. Онъ знаетъ также и то, что всѣ униженія, которымъ добровольно подвергаетъ себя любящая мать, нисколько не роняютъ сына, если только этотъ сынъ, пользуясь ея услугами, держитъ себя при этомъ съ достаточною, приличною самостоятельностью.

Борисъ выбираетъ себѣ роль почтительнаго и послушнаго сына, какъ выгодную и удобную для себя роль. Выгодна и удобна она, во-первыхъ, потому, что налагаетъ на него обязанность не мѣшать тѣмъ подвигамъ низкопоклонства, которыми мать кладетъ основаніе его блистательной карьеры. Во-вторыхъ, она выгодна и удобна тѣмъ, что выставляетъ его въ самомъ лучшемъ свѣтѣ въ глазахъ тѣхъ сильныхъ людей, отъ которыхъ зависитъ его преуспѣваніе. Какой примѣрный молодой человѣкъ! должны думать и говорить о немъ всѣ окружающіе. Сколько въ немъ благородной гордости, и какія великодушныя усилія употребляетъ онъ для того, чтобы, изъ любви къ матери, подавить въ

себѣ слишкомъ порывистыя движенія юной, неразсчетливой строптивости, такія движенія, которыя могли бы огорчить бѣдную старушку, сосредоточившую на карьерѣ сына всѣ свои помыслы и желанія. И какъ тщательно, и какъ успѣшно онъ скрываетъ свои великодушныя усилія подъ личиною наружнаго спокойствія! Какъ онъ понимаетъ, что эти усилія самымъ фактомъ своего существованія могли бы служить тяжелымъ укоромъ его бѣдной матери, совершенно ослѣпленной своими честолюбивыми материнскими мечтами и планами. Какой умъ, какой тактъ, какая сила характера, какое золотое сердце и какая утонченная деликатность!

Когда Анна Михайловна обиваетъ пороги милостивцевъ и благодѣтелей, Борисъ держитъ себя пассивно и спокойно, какъ человѣкъ, рѣшившійся навсегда почтительно и съ достоинствомъ покоряться своей тяжелой и горькой участи, и покоряться такъ, чтобы всякій это видѣлъ, но чтобы никто не осмѣливался сказать ему съ теплымъ сочувствіемъ: „молодой человѣкъ, по вашимъ глазамъ, по вашему лицу, по всей вашей удрученной наружности я вижу ясно, что вы терпѣливо и мужественно несете тяжелый крестъ!" Онъ ѣдетъ съ матерью къ умирающему богачу Безухову, на котораго Анна Михайловна возлагаетъ какія-то надежды, преимущественно потому, что „онъ такъ богатъ, а мы такъ бѣдны!" Онъ ѣдетъ, но даже самой матери своей даетъ почувствовать, что дѣлаетъ это исключительно для нея, что самъ не предвидитъ отъ этой поѣздки ничего, кромѣ униженія, и что есть такой предѣлъ, за которымъ ему можетъ измѣнить его покорность и его искусственное спокойствіе. Мистификація ведена такъ искусно, что сама Анна Михайловна боится своего почтительнаго сына, какъ вулкана, отъ котораго ежеминутно можно ожидать разрушительнаго изверженія; само собою разумѣется, что этою боязнью усиливается ея уваженіе къ сыну; она на каждомъ шагу оглядывается на него, проситъ его быть ласковымъ и внимательнымъ, напоминаетъ ему его обѣщанія, прикасается къ его рукѣ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, то успокоивать, то возбуждать его. Тревожась и суетясь

такимъ образомъ, Анна Михайловна пребываетъ въ той твердой увѣренности, что, безъ этихъ искусныхъ усилій и стараній съ ея стороны, все пойдетъ прахомъ, и непреклонный Борисъ, если не прогнѣваетъ навсегда сильныхъ людей выходкою благороднаго негодованія, то, по крайней мѣрѣ, навѣрное заморозитъ ледяною холодностью обращенія всѣ сердца покровителей и благодѣтелей.

Если Борисъ такъ удачно мистифицируетъ родную мать, женщину опытную и неглупую, у которой онъ выросъ на глазахъ, то, разумѣется, онъ еще легче и также успѣшно морочитъ постороннихъ людей, съ которыми ему приходится имѣть дѣло. Онъ кланяется благодѣтелямъ и покровителямъ учтиво, но такъ спокойно и съ такимъ скромнымъ достоинствомъ, что сильныя лица сразу чувствуютъ необходимость посмотрѣть на него повнимательнѣе, и выдѣлить его изъ толпы нуждающихся кліентовъ, за которыхъ просятъ докучливыя маменьки и тетушки. Онъ отвѣчаетъ имъ на ихъ небрежные вопросы точно и ясно, спокойно и почтительно, не выказывая ни досады на ихъ рѣзкій тонъ ни желанія вступить съ ними въ дальнѣйшій разговоръ. Глядя на Бориса и выслушивая его спокойные отвѣты, покровители и благодѣтели немедленно проникаются тѣмъ убѣжденіемъ, что Борисъ, оставаясь въ границахъ строгой вѣжливости и безукоризненной почтительности, никому не позволитъ помыкать собою, и всегда сумѣетъ постоять за свою дворянскую честь. Являясь просителемъ и искателемъ, Борисъ умѣетъ свалить всю черную работу этого дѣла на мать, которая, разумѣется, съ величайшею готовностью подставляетъ свои старыя плечи и даже упрашиваетъ сына, чтобы онъ позволилъ ей устроивать его повышеніе. Предоставляя матери пресмыкаться передъ сильными лицами, Борисъ самъ умѣетъ оставаться чистымъ и изящнымъ, скромнымъ, но независимымъ джентльменомъ. Чистота, изящество, скромность, независимость и джентльменство, разумѣется, даютъ ему такія выгоды, которыхъ не могли бы ему доставить жалобное попрошайничество и низкое угодничество. Ту подачку, которую можно бросить робкому замарашкѣ,

едва осмѣливающемуся сидѣть на кончикѣ стула и стремящемуся поцѣловать благодѣтеля въ плечико, до крайности неудобно, конфузно и даже опасно предложить изящному юношѣ, въ которомъ приличная скромность уживается самымъ гармоническимъ образомъ съ неистребимымъ и вѣчно-бдительнымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Такой постъ, на который совершенно невозможно было бы поставить просто и откровенно пресмыкающагося просителя, въ высшей степени приличенъ для скромно-самостоятельнаго молодого человѣка, умѣющаго во время поклониться, во время улыбнуться, во время сдѣлать серьезное и даже строгое лицо, во время уступить или переубѣдиться, во время обнаружить благородную стойкость, ни на минуту не утрачивая спокойнаго самообладанія и прилично почтительной развязности обращенія.

Патроны обыкновенно любятъ льстецовъ; имъ пріятно видѣть въ благоговѣніи окружающихъ людей невольную дань восторга, приносимую геніальности ихъ ума и несравненному превосходству ихъ нравственныхъ качествъ. Но чтобы лесть производила пріятное впечатлѣніе, она должна быть достаточно тонка, и чѣмъ умнѣе тотъ человѣкъ, которому льстятъ, тѣмъ тоньше должна быть лесть, и чѣмъ она тоньше, тѣмъ пріятнѣе она дѣйствуетъ. Когда же лесть оказывается настолько грубою, что тотъ человѣкъ, къ которому она обращается, можетъ распознать ея неискренность, то она способна произвести на него совершенно обратное дѣйствіе, и серьезно повредить неискусному льстецу. Возьмемъ двоихъ льстецовъ: одинъ млѣетъ передъ своимъ патрономъ, во всемъ съ нимъ соглашается и ясно показываетъ всѣми своими дѣйствіями и словами, что у него нѣтъ ни собственной воли ни собственнаго убѣжденія, что онъ, похваливши сейчасъ одно сужденіе патрона, готовъ черезъ минуту произнести другое сужденіе, діаметрально противоположное, лишь бы только оно было высказано тѣмъ же патрономъ; другой, напротивъ того, умѣетъ показать, что ему для угожденія патрону, нѣтъ ни малѣйшей надобности отказываться отъ своей умственной и нравственной само-

стоятельности, что всѣ сужденія патрона покоряютъ себѣ его умъ силою своей собственной неотразимой внутренней убѣдительности, что онъ повинуется патрону во всякую данную минуту не съ чувствомъ рабскаго страха и рабской корыстолюбивой угодливости, а съ живымъ и глубокимъ наслажденьемъ свободнаго человѣка, имѣвшаго счастье найти себѣ мудраго и великодушнаго руководителя. Понятное дѣло, что изъ этихъ двоихъ льстецовъ второй пойдетъ гораздо дальше перваго. Перваго будутъ кормить и презирать; перваго будутъ рядить въ шуты; перваго не пустятъ дальше той лакейской роли, которую онъ на себя принялъ въ близорукомъ ожиданіи будущихъ благъ; со вторымъ, напротивъ того, будутъ совѣтоваться; его могутъ полюбить; къ нему могутъ даже почувствовать уваженіе; его могутъ произвести въ друзья и наперсники. Великосвѣтскій Молчалинъ, князь Борисъ Друбецкой, идетъ по этому второму пути, и, разумѣется, высоко неся свою красивую голову, и не марая кончика ногтей, какою бы то ни было работою, легко и быстро доберется этимъ путемъ до такихъ извѣстныхъ степеней, до которыхъ никогда не доползетъ простой Молчалинъ, простодушно подличающій и трепещущій передъ начальникомъ, и смиренно наживающій себѣ раннюю сутуловатость за канцелярскими бумагами. Борисъ дѣйствуетъ въ жизни такъ, какъ ловкій и расторопный гимнастикъ лѣзетъ на дерево. Становясь ногою на одну вѣтку, онъ уже отыскиваетъ глазами другую, за которую онъ въ слѣдующее мгновеніе могъ бы ухватиться руками; его глаза и всѣ его помыслы направлены къ верху; когда рука его нашла себѣ надежную точку опоры, онъ уже совершенно забываетъ о той вѣткѣ, на которой онъ только что сейчасъ стоялъ всею тяжестью своего тѣла, и отъ которой его нога уже начинаетъ отдѣляться. На всѣхъ своихъ знакомыхъ и на всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми онъ можетъ познакомиться, Борисъ смотритъ именно какъ на вѣтки, расположенныя одна надъ другою, въ болѣе или менѣе отдаленномъ разстояніи отъ вершины огромнаго дерева, отъ той вершины, гдѣ искуснаго гимнастика ожидаетъ желанное успокоеніе среди

роскоши, почестей и атрибутовъ власти. Борисъ сразу, проницательнымъ взглядомъ даровитаго полководца или хорошаго шахматнаго игрока, схватываетъ взаимныя отношенія своихъ знакомыхъ и тѣ пути, которые могутъ повести его отъ одного уже сдѣланнаго знакомства къ другому, еще манящему его къ себѣ, и отъ этого другого къ третьему, еще закутанному въ золотистый туманъ величественной недоступности. Сумѣвши показаться добродушному Пьеру Безухову *милымъ, умнымъ и твердымъ молодымъ человѣкомъ*, сумѣвши даже смутить и растрогать его своимъ умомъ и твердостью въ тотъ самый разъ, когда онъ вмѣстѣ съ матерью пріѣзжалъ къ старому графу Безухову просить на бѣдность и на гвардейскую обмундировку, Борисъ добываетъ себѣ отъ этого Пьера рекомендательное письмо къ адъютанту Кутузова, князю Андрею Болконскому, а черезъ Болконскаго знакомится съ генералъ-адъютантомъ Долгоруковымъ, и попадаетъ самъ въ адъютанты къ какому-то важному лицу.

Поставивъ себя въ пріятельскія отношенія съ княземъ Болконскимъ, Борисъ тотчасъ осторожно отдѣляетъ ногу отъ той вѣтки, на которой онъ держался. Онъ немедленно начинаетъ исподволь ослаблять свою дружескую связь съ товарищемъ своего дѣтства, молодымъ графомъ Ростовымъ, у котораго онъ живалъ въ домѣ по цѣлымъ годамъ, и мать котораго только что подарила ему, Борису, на обмундировку, пятьсотъ рублей, принятыхъ княгинею Анною Михайловною со слезами умиленія и радостной благодарности. Послѣ полугодовой разлуки, послѣ походовъ и сраженій, выдержанныхъ молодымъ Ростовымъ, Борисъ встрѣчается съ нимъ, съ другомъ дѣтства, и въ это же первое свиданіе Ростовъ замѣчаетъ, что Борису, къ которому въ это же время приходитъ Болконскій, какъ будто совѣстно вести дружескій разговоръ съ армейскимъ гусаромъ. Изящнаго гвардейскаго офицера, Бориса, коробитъ армейскій мундиръ и армейскія замашки молодого Ростова, а главное, его смущаетъ та мысль, что Болконскій составитъ себѣ о немъ невыгодное мнѣніе, видя его дружескую короткость съ че-

ловѣкомъ дурного тона. Въ отношеніяхъ Бориса къ Ростову тотчасъ обнаруживается легкая натянутость, которая особенно удобна для Бориса именно тѣмъ, что къ ней невозможно придраться, что ее невозможно устранить откровенными объясненіями, и что ее также очень трудно не замѣтить и не почувствовать. Благодаря этой тонкой натянутости, благодаря этому, едва уловимому диссонансу, чуть чуть царапающему нервы, человѣкъ дурного тона будетъ постепенно уволенъ, не имѣя никакого повода жаловаться, обижаться и вламываться въ амбицію, а человѣкъ хорошаго тона увидитъ и замѣтитъ, что къ изящному гвардейскому офицеру, князю Борису Друбецкому, лѣзутъ въ друзья неделикатные молодые люди, которыхъ онъ кротко и граціозно умѣетъ отодвигать назадъ, на ихъ настоящее мѣсто.

Въ походѣ, на войнѣ, въ свѣтскихъ салонахъ — вездѣ Борисъ преслѣдуетъ одну и ту же цѣль, вездѣ онъ думаетъ исключительно или, по крайней мѣрѣ, прежде всего объ интересахъ своей карьеры. Пользуясь съ замѣчательною понятливостью всѣми мельчайшими указаніями опыта, Борисъ скоро превращаетъ въ сознательную и систематическую тактику то, что прежде было для него дѣломъ инстинкта и счастливаго вдохновенія. Онъ составляетъ безошибочно вѣрную теорію карьеры, и дѣйствуетъ по этой теоріи съ самымъ неуклоннымъ постоянствомъ. Познакомившись съ княземъ Болконскимъ, и приблизившись черезъ него къ высшимъ сферамъ военной администраціи, Борисъ ясно понялъ то, что онъ предвидѣлъ прежде, именно то, что въ арміи, кромѣ той субординаціи и дисциплины, которая была написана въ уставѣ, и которую знали въ полку, и онъ зналъ, была другая, болѣе существенная субординація, та, которая заставляла этого затянутаго съ багровымъ лицомъ генерала почтительно дожидаться въ то время, какъ капитанъ князь Андрей для своего удовольствія находилъ болѣе удобнымъ разговаривать съ прапорщикомъ Друбецкимъ. Больше чѣмъ когда-нибудь Борисъ рѣшился служить впредь не по той писанной въ уставѣ, а по этой не писанной субординаціи. Онъ теперь чувствовалъ, что только вслѣдствіе того, что

онъ былъ рекомендованъ князю Андрею, онъ уже сталъ сразу выше генерала, который въ другихъ случаяхъ во фронтѣ могъ уничтожить его, гвардейскаго прапорщика.

Основываясь на самыхъ ясныхъ и недвусмысленныхъ указаніяхъ опыта, Борисъ рѣшаетъ, разъ навсегда, что служить лицамъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ служить дѣлу, и, какъ человѣкъ, нисколько не связанный въ своихъ дѣйствіяхъ нерасчетливою любовью къ какой бы то ни было идеѣ или къ какому бы то ни было дѣлу, онъ кладетъ себѣ за правило всегда служить только лицамъ, и возлагать всегда все свое упованіе никакъ не на свои какія-нибудь собственныя дѣйствительныя достоинства, а только на свои хорошія отношенія къ вліятельнымъ лицамъ, умѣющимъ награждать и выводить въ люди своихъ вѣрныхъ и покорныхъ слугъ.

Въ случайно завязавшемся разговорѣ о службѣ, Ростовъ говоритъ Борису, что ни къ кому не пойдетъ въ адъютанты, потому что это „лакейская должность". Борисъ, разумѣется, оказывается настолько свободнымъ отъ предразсудковъ, что его не смущаетъ рѣзкое и непріятное слово „лакей". Во-первыхъ, онъ понимаетъ, что comparaison n'est pas raison, и что между адъютантомъ и лакеемъ огромная разница, потому что перваго съ удовольствіемъ принимаютъ въ самыхъ блестящихъ гостиныхъ, а второго заставляютъ стоять въ передней и держать господскія шубы. Во-вторыхъ, понимаетъ онъ и то, что многимъ лакеямъ живется гораздо пріятнѣе, чѣмъ инымъ господамъ, имѣющимъ полное право считать себя доблестными слугами отечества. Въ третьихъ, онъ всегда готовъ самъ надѣть какую угодно ливрею, если только она быстро и вѣрно поведетъ его къ цѣли. Это онъ и высказываетъ Ростову, говоря ему, въ отвѣтъ на его выходку объ адъютантствѣ, что желалъ бы и очень попасть въ адъютанты, затѣмъ что уже разъ пойдя по карьерѣ военной службы, надо стараться сдѣлать, коль возможно, блестящую карьеру. Эта откровенность Бориса очень замѣчательна. Она доказываетъ ясно, что большинство того общества, въ которомъ онъ

живетъ, и котораго мнѣніемъ онъ дорожитъ, совершенно одобряетъ его взгляды на прокладываніе дороги, на служеніе лицамъ, на не писанную субординацію, и на несомнѣнныя удобства ливреи, какъ средства, ведущаго къ цѣли. Борисъ называетъ Ростова мечтателемъ за его выходку противъ служенія лицамъ, и общество, къ которому принадлежитъ Ростовъ, безъ всякаго сомнѣнія, не только подтвердило бы, но еще и усилило бы этотъ приговоръ въ очень значительной степени, такъ что Ростовъ, за свою попытку отрицать систему протекціи и не писанную субординацію, оказался не мечтателемъ, а просто глупымъ и грубымъ армейскимъ буяномъ, неспособнымъ понимать и оцѣнивать самыя законныя и похвальныя стремленія благовоспитанныхъ и добропорядочныхъ юношей.

Борисъ, разумѣется, продолжаетъ преуспѣвать подъ сѣнью своей непогрѣшимой теоріи, вполнѣ соотвѣтствующей механизму и духу того общества, среди котораго онъ ищетъ себѣ богатства и почета. „Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ ту понравившуюся ему въ Ольмюцѣ не писанную субординацію, по которой прапорщикъ могъ стоять безъ сравненія выше генерала, и по которой, для успѣха на службѣ, были нужны не усилія на службѣ, не труды, не храбрость, не постоянство, а нужно было только умѣнье обращаться съ тѣми, которые вознаграждаютъ за службу — и онъ часто удивлялся самъ своимъ быстрымъ успѣхамъ, и тому, какъ другіе могли не понимать этого. Вслѣдствіе этого открытія его, весь образъ жизни его, всѣ отношенія съ прежними знакомыми, всѣ его планы на будущее—совершенно измѣнились. Онъ былъ не богатъ, но послѣднія свои деньги онъ употреблялъ на то, чтобы быть одѣтымъ лучше другихъ; онъ скорѣе лишилъ бы себя многихъ удовольствій, чѣмъ позволилъ бы себѣ ѣхать въ дурномъ экипажѣ или показаться въ старомъ мундирѣ на улицахъ Петербурга. Сближался онъ и искалъ знакомства только съ людьми, которые были выше его, и потому могли быть ему полезны“.

Съ особеннымъ чувствомъ гордости и удовольствія Борисъ входитъ въ дома высшаго общества; приглашеніе отъ

фрейлины Анны Павловны Шереръ онъ принимаетъ за „важное повышеніе по службѣ“; на вечерѣ у нея онъ, конечно, ищетъ себѣ не развлеченій; онъ, напротивъ того, трудится по своему въ ея гостиной; онъ внимательно изучаетъ ту мѣстность, на которой ему предстоитъ маневрировать, чтобы завоевать себѣ новыя выгоды, и заполонить новыхъ благодѣтелей; онъ внимательно наблюдаетъ каждое лицо, и оцѣниваетъ выгоды и возможности сближенія съ каждымъ изъ нихъ. Онъ вступаетъ въ это высшее общество съ твердымъ намѣреніемъ подделаться подъ него, то-есть, укоротить и сузить свой умъ настолько, насколько это понадобится, чтобы ничѣмъ не выдвигаться изъ общаго уровня, и ни подъ какимъ видомъ не раздражить своимъ превосходствомъ того или другого ограниченнаго человѣка, способнаго быть полезнымъ со стороны не писанной субординаціи.

На вечерѣ у Анны Павловны, одинъ очень глупый юноша, сынъ министра князя Курагина, послѣ неоднократныхъ приступовъ и долгихъ сборовъ, производитъ на свѣтъ глупую и избитую шутку. Борисъ, конечно, настолько уменъ, что такія шутки должны коробить его и возбуждать въ немъ то чувство отвращенія, которое обыкновенно родится въ здоровомъ человѣкѣ, когда ему приходится видѣть или слышать идіота. Борисъ не можетъ находить эту шутку остроумною или забавною, но, находясь въ великосвѣтскомъ салонѣ, онъ не осмѣливается выдержать эту шутку съ серьезною физіономіею, потому что его серьезность можетъ быть принята за молчаливое осужденіе каламбура, надъ которымъ, быть можетъ, сливкамъ петербургскаго общества угодно будетъ засмѣяться. Чтобы смѣхъ этихъ сливокъ не засталъ его врасплохъ, предусмотрительный Борисъ принимаетъ свои мѣры въ ту самую секунду, когда плоская и чужая острота слетаетъ съ губъ князя Ипполита Курагина. Онъ осторожно улыбается, такъ что его улыбка можетъ быть отнесена къ насмѣшкѣ или къ одобренію шутки, смотря по тому, какъ она будетъ принята. Сливки смѣются, признавая въ миломъ острякѣ плоть отъ плоти

своей и кость отъ костей своихъ,—и мѣры, заблаговременно принятыя Борисомъ, оказываются для него въ высокой степени спасительными.

Глупая красавица, достойная сестра Ипполита Курагина, графиня Элленъ Безухова, пользующаяся репутаціею прелестной и очень умной женщины, и привлекающая въ свой салонъ все, что блеститъ умомъ, богатствомъ, знатностью или высокимъ чиномъ,—находитъ для себя удобнымъ приблизить красиваго и ловкаго адъютанта Бориса къ своей особѣ. Борисъ приближается съ величайшею готовностью, становится ея любовникомъ, и въ этомъ обстоятельствѣ усматриваетъ не безъ основанія новое немаловажное повышеніе по службѣ. Если путь къ чинамъ и деньгамъ проходитъ черезъ будуаръ красивой женщины, то, разумѣется, для Бориса нѣтъ достаточныхъ основаній остановиться въ добродѣтельномъ недоумѣніи или поворотить въ сторону. Ухватившись за руку своей глупой красавицы, Друбецкой весело и быстро продолжаетъ итти впередъ къ золотой цѣли.

Онъ выпрашиваетъ у своего ближайшаго начальника позволеніе состоять въ его свитѣ въ Тильзитѣ, во время свиданія обоихъ императоровъ, и даетъ ему почувствовать при этомъ случаѣ, какъ внимательно онъ, Борисъ, слѣдитъ за показаніями политическаго барометра, и какъ тщательно онъ сообразуетъ всѣ свои мельчайшія слова и дѣйствія съ намѣреніями и желаніями высокихъ особъ. То лицо, которое до сихъ поръ было для Бориса генераломъ Буонапарте, узурпаторомъ и врагомъ человѣчества, становится для него императоромъ Наполеономъ и великимъ человѣкомъ, съ той минуты, какъ, узнавъ о предположенномъ свиданіи, Борисъ начинаетъ проситься въ Тильзитъ. Попавъ въ Тильзитъ, Борисъ почувствовалъ, что его положеніе упрочено. „Его не только знали, но къ нему пригляделись и привыкли. Два раза онъ исполнялъ порученіе къ самому государю, такъ что государь зналъ его въ лицо, и всѣ приближенные не только не дичились его, какъ прежде, считая за новое лицо, но удивились бы, ежели бы его не было“.

На томъ пути, по которому идетъ Борисъ, нѣтъ ни остановокъ ни свертковъ. Можетъ случиться неожиданная катастрофа, которая вдругъ изомнетъ и изломаетъ всю отлично начавшуюся и благополучно продолжаемую карьеру; можетъ такая катастрофа застигнуть даже самаго осторожнаго и разсчетливаго человѣка; но отъ нея трудно ожидать, чтобы она направила силы человѣка къ полезному дѣлу, и открыла широкій просторъ для ихъ развитія; послѣ такой катастрофы, человѣкъ обыкновенно оказывается приплюснутымъ и раздавленнымъ; блестящій, веселый и преуспѣвающій офицеръ или чиновникъ превращается всего чаще въ жалкаго ипохондрика, въ откровенно-низкаго попрошайку или просто въ горькаго пьяницу. Помимо же такой неожиданной катастрофы, при ровномъ и благопріятномъ теченіи обыденной жизни, нѣтъ никакихъ шансовъ, чтобы человѣкъ находящійся въ положеніи Бориса, вдругъ оторвался отъ своей постоянной дипломатической игры, всегда одинаково для него важной и интересной, чтобы онъ вдругъ остановился, оглянулся на самого себя, отдалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ мельчаютъ и вянутъ живыя силы его ума, и энергическимъ усиліемъ воли перепрыгнулъ вдругъ съ дороги искуснаго, приличнаго и блистательно-успѣшнаго выпрашиванія на совершенно неизвѣстную ему дорогу неблагодарнаго, утомительнаго и совсѣмъ не барскаго труда. Дипломатическая игра имѣетъ такія затягивающія свойства и даетъ такіе блестящіе результаты, что человѣкъ, погрузившійся въ эту игру, скоро начинаетъ считать мелкимъ и ничтожнымъ все, что находится за ея предѣлами, всѣ событія, всѣ явленія частной и общественной жизни оцѣниваются по своему отношенію къ выигрышу или проигрышу; всѣ люди дѣлятся на средства и на помѣхи; всѣ чувства собственной души распадаются на похвальныя, то-есть, ведущія къ выигрышу и предосудительныя, то-есть отвлекающія вниманіе отъ прогресса игры. Въ жизни человѣка, втянувшагося въ такую игру, нѣтъ мѣста такимъ впечатлѣніямъ, изъ которыхъ могло бы развернуться сильное чувство, не подчиненное интересамъ карьеры. Серьезная, чистая, искренняя любовь, безъ при-

мѣси корыстныхъ или честолюбивыхъ разсчетовъ, любовь со всею свѣтлою глубиною своихъ наслажденій, любовь со всѣми своими торжественными и святыми обязанностями, не можетъ укорениться въ высушенной душѣ человѣка, подобнаго Борису. Нравственное обновленіе путемъ счастливой любви для Бориса немыслимо. Это доказано въ романѣ графа Толстого его исторіей съ Наташею Ростовою, сестрою того армейскаго гусара, котораго мундиръ и маперы коробятъ Бориса въ присутствіи князя Болконскаго. Когда Наташѣ было 12 лѣтъ, а Борису лѣтъ 17 или 18, они играли между собою въ любовь; одинъ разъ, незадолго передъ отъѣздомъ Бориса въ полкъ, Наташа поцѣловала его, и они рѣшили, что свадьба ихъ состоится черезъ четыре года, когда Наташѣ минетъ 16 лѣтъ. Прошли эти четыре года; женихъ и невѣста оба, если не забыли своихъ взаимныхъ обязательствъ, то, по крайней мѣрѣ, стали смотрѣть на нихъ, какъ на ребяческую шалость; когда Наташа уже въ самомъ дѣлѣ могла быть невѣстою, и когда Борисъ былъ уже молодымъ человѣкомъ, стоящимъ, какъ это говорится, на самой лучшей дорогѣ—они увидѣлись и снова заинтересовались другъ другомъ. „Послѣ перваго свиданія Борисъ сказалъ себѣ, что Наташа для него точно такъ же привлекательна, какъ и прежде, но что онъ не долженъ отдаваться этому чувству, потому что женитьба на ней, дѣвушкѣ почти безъ состоянія, была бы погибелью его карьеры, а возобновленіе прежнихъ отношеній безъ цѣли женитьбы—было бы неблагороднымъ поступкомъ". Несмотря на это благоразумное и спасительное совѣщаніе съ самимъ собою, несмотря на рѣшеніе избѣгать встрѣчъ съ Наташей, Борисъ увлекается, начинаетъ часто ѣздить къ Ростовымъ, проводитъ у нихъ цѣлые дни, слушаетъ пѣсни Наташи, пишетъ ей стихи въ альбомъ, и даже перестаетъ бывать у графини Безуховой, отъ которой онъ получаетъ ежедневно пригласительныя и укоризненныя записки. Онъ все собирается объяснить Наташѣ, что никакъ и никогда не можетъ сдѣлаться ея мужемъ, но у него все не хватаетъ силъ и мужества на то, чтобы начать и довести до конца такое

щекотливое объясненіе. Онъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе запутывается. Но нѣкоторая временная и мимолетная невнимательность къ великимъ интересамъ карьеры составляетъ крайній предѣлъ увлеченій, возможныхъ для Бориса. Нанести этимъ великимъ интересамъ сколько-нибудь серьезный и непоправимый ударъ — это для него невообразимо, даже подъ вліяніемъ сильнѣйшей изъ доступныхъ ему страстей.

Стоитъ только старой графинѣ Ростовой перемолвить серьезное слово съ Борисомъ, стоитъ ей только дать ему почувствовать, что его частыя посѣщенія замѣчены и приняты къ свѣдѣнію,— и Борисъ тотчасъ, чтобы не компрометировать дѣвушку и не портить карьеру, обращается въ благоразумное и благородное бѣгство. Онъ перестаетъ бывать у Ростовыхъ, и даже, встрѣтившись съ ними на балѣ, проходитъ мимо нихъ два раза, и всякій разъ отвертывается.

Проплывъ благополучно между подводными камнями любви, Борисъ уже безостановочно, на всѣхъ парусахъ, летитъ къ надежной пристани. Его положеніе на службѣ, его связи и знакомства доставляютъ ему входъ въ такіе дома, гдѣ водятся очень богатыя невѣсты. Онъ начинаетъ думать, что ему пора заручиться выгодною женитьбою. Его молодость, его красивая наружность, его презентабельный мундиръ, его умно и разсчетливо веденная карьера — составляютъ такой товаръ, который можно продать за очень хорошую цѣну. Борисъ высматриваетъ покупательницу, и находитъ ее въ Москвѣ. Жюли Карагина, обладательница огромныхъ пензенскихъ имѣній и нижегородскихъ лѣсовъ, двадцати-семилѣтняя дѣвушка съ краснымъ лицомъ, съ влажными глазами и съ подбородкомъ, всегда почти обсыпаннымъ пудрою — покупаетъ себѣ Бориса. Передъ совершеніемъ запродажной сдѣлки, Борисъ ведетъ себя какъ чистоплотный котъ, которому голодъ велитъ перебираться черезъ очень грязную улицу, и которому въ то же время до смерти не хочется замочить и запачкать бархатныя лапки. Бориса, какъ того же чистоплотнаго кота, не смущаютъ никакія нравственныя соображенія. Обмануть дѣвушку, прикинувшись влюбленнымъ въ нее, взять на себя обязательство составить ея

счастье, и потомъ оказаться передъ нею позорно-несостоятельнымъ, разбить ея жизнь—все это такія мысли, которыя не приходятъ въ голову Борису, и нимало его не озабочиваютъ. Если бы только это — онъ не задумался бы ни на минуту, такъ точно, какъ не задумался бы чистоплотный котъ стащить и съѣсть плохо-прибранный кусокъ мяса. Голосъ нравственнаго чувства, уже достаточно слабый въ 17-лѣтнемъ мальчикѣ, благодаря урокамъ такой искусной матери, какова была княгиня Анна Михайловна—замолчалъ давно въ молодомъ человѣкѣ, создавшемъ себѣ цѣлую стройную теорію не писанной субординаціи. Но въ Борисѣ еще не умерла послѣдняя человѣческая слабость: его старческая мудрость еще не задавила въ немъ способности чувствовать физическое отвращеніе; его тѣло еще молодо, свѣжо и сильно; у этого тѣла есть свои потребности, свои влеченія, свои симпатіи и антипатіи; это тѣло не можетъ всегда и вездѣ быть послушнымъ и безропотнымъ орудіемъ духа, стремящагося къ упроченному положенію въ высшемъ обществѣ; тѣло возмущается, тѣло бунтуетъ, и морозъ подираетъ Бориса по кожѣ при мысли о той цѣпѣ, которую онъ долженъ будетъ заплатить за пензенскія имѣнія и нижегородскіе лѣса. Пройти черезъ будуаръ графини Безуховой, пройти черезъ него по разсчету для Бориса было легко и пріятно, потому что и самъ Наполеонъ, увидавъ графиню Безухову въ ложѣ Эрфуртскаго театра, сказалъ объ ней: „C'est un superbe animal!“ Но чтобы пройти черезъ спальню Жюли Карагиной къ той конторкѣ, въ которую кладутся доходы съ пензенскихъ имѣній, Борису понадобилось выдержать упорную и продолжительную борьбу съ мятежнымъ тѣломъ.

„Жюли уже давно ожидала предложенія отъ своего меланхолическаго обожателя, и готова была принять его; но какое-то тайное чувство отвращенія къ ней, къ ея страстному желанію выйти замужъ, къ ея ненатуральности, и чувство ужаса передъ отреченіемъ возможности настоящей любви еще останавливало Бориса... Каждый день, разсуждая самъ съ собою, Борисъ говорилъ себѣ, что онъ завтра

сдѣлаетъ предложеніе. Но въ присутствіи Жюли, глядя на ея красное лицо и подбородокъ, почти всегда осыпанный пудрой, на ея влажные глаза и на выраженіе лица, выражавшаго всегдашнюю готовность изъ меланхоліи тотчасъ же перейти къ неестественному восторгу супружескаго счастья, Борисъ не могъ произнести рѣшительнаго слова, несмотря на то, что онъ уже давно въ воображеніи своемъ считалъ себя обладателемъ пензенскихъ и нижегородскихъ имѣній, и распредѣлялъ употребленіе съ нихъ доходовъ".

Само собою разумѣется, что Борисъ выходитъ побѣдителемъ изъ этой мучительной борьбы, такъ же точно, какъ вышелъ побѣдителемъ изъ другой борьбы съ тѣмъ же прихотливымъ тѣломъ, тянувшимъ его къ Наташѣ Ростовой. Обѣ побѣды порадовали материнское сердце Анны Михайловны; обѣ были бы, безъ сомнѣнія, рѣшительно одобрены приговоромъ общественнаго мнѣнія, всегда расположеннаго сочувствовать торжеству духа надъ матеріею.

Въ ту минуту, когда Борисъ вспыхнулъ яркимъ румянцемъ, и платя этимъ румянцемъ послѣднюю дань своей молодости и человѣческой слабости, дѣлаетъ предложеніе Жюли Карагиной, и объясняется ей въ любви, онъ утѣшаетъ и подкрѣпляетъ себя тѣмъ размышленіемъ, что „всегда можно устроить такъ, чтобы рѣдко видѣть ее".

Борисъ держится того правила, что въ торговомъ домѣ поступаютъ на чистоту только безнадежно-глупые люди, и что ловкій обманъ составляетъ душу коммерческой операціи. И въ самомъ дѣлѣ, если бы продавъ самого себя, онъ вздумалъ выдать покупателю весь проданный товаръ, то какое же удовольствіе и какую пользу доставила бы ему устроенная сдѣлка?

Д. Писаревъ.

Николай Ростовъ.

*) Николай Ростовъ грубъ; но и въ немъ есть черты цивилизующагося человѣка: этимъ онъ обязанъ природѣ и

*) „Одесскій Вѣстникъ" 1868 г., №№ 153 и 155. Статья С. И. Сычевскаго.

музыкѣ. Странно, повидимому, что я приписываю такое значеніе музыкѣ. Я и самъ не совсѣмъ твердо увѣренъ въ томъ, что теперь говорю; но я рѣшительно не вижу другой точки опоры, чтобы объяснить ту переходную ступень отъ грубіяна къ цивилизованному человѣку, на которой стоитъ Николай Ростовъ. Взгляните въ самомъ дѣлѣ: онъ такой же отчаянный кутила, какъ и всѣ его окружающіе; онъ, зная дурныя обстоятельства своего отца, проигрываетъ шулеру 46 тысячъ руб.; онъ, въ минуту свалки, дѣлается такимъ-же звѣремъ, какъ и другіе: рѣжетъ и колетъ, очертя голову, направо и налѣво... но, несмотря на всю эту обстановку, въ немъ далеко еще не оскотинился человѣкъ: его прошибаетъ слеза, когда онъ видитъ, какъ отецъ затрудненъ его проигрышемъ. Когда онъ, бѣдный гусарскій ротмистръ, спасаетъ княжну Болконскую, онъ не поглядываетъ на нее съ улыбкой сладострастнаго бурбона или жаднымъ взоромъ искателя богатыхъ невѣстъ; напротивъ того: онъ почтительно, какъ средневѣковый рыцарь, спасаетъ княжну, почтительно провожаетъ ее до безопаснаго мѣста; ни однимъ словомъ ни однимъ движеніемъ не оскорбляетъ ни ея дѣвической стыдливости ни ея свѣжаго еще горя—и уходитъ, не будучи въ состояніи забыть ея кроткихъ, голубыхъ, плачущихъ глазъ и ея тихаго голоса, и оставивъ по себѣ тоже свѣтлое воспоминаніе въ княжнѣ.

Изъ всѣхъ средствъ, сильно вліяющихъ на такое тонкое развитіе самыхъ деликатныхъ сторонъ чувства, я знаю только одно—музыку. Человѣкъ, глубоко чувствующій музыку — есть непремѣнно человѣкъ съ тонкимъ развитіемъ чувства. Лютеръ, кажется, гдѣ-то сказалъ: смѣло входи въ домъ, гдѣ играютъ и поютъ: тамъ, навѣрное, живутъ добрые люди: это, по моему мнѣнію, такая абсолютно-вѣрная истина — конечно, когда игра и пѣніе происходятъ не изъ слѣдованія модѣ, а по внутреннему побужденію, — какихъ мало высказывается въ психологіи и философіи. Здѣсь не мѣсто говорить о цивилизующемъ вліяніи музыки и пѣнія, но ссылаюсь на личный опытъ каждаго: не развивается-ли чуткость чувства тою отзывчивостью на тончайшіе оттѣнки

его, которой требуетъ отъ истиннаго любителя всякое геніальное музыкальное произведеніе, и встрѣчалъ-ли когда-нибудь и кто-нибудь изъ моихъ читателей лицъ, любящихъ и чувствующихъ музыку, и въ то же время не одаренныхъ деликатнымъ, тонко развитымъ чувствомъ? Сопоставляя это положеніе съ тою сценою, гдѣ проигравшійся Ростовъ слушаетъ музыку своей сестры и съ тою деликатностью чувства, которую онъ высказалъ въ приведенныхъ мною немного выше случаяхъ и во многихъ другихъ, которыхъ я теперь не могу припомнить, я сдѣлалъ заключеніе, можетъ быть, поспѣшное, о томъ, что именно благодаря музыкѣ Ростовъ перешелъ грань оскотоподобившагося человѣка и усвоилъ себѣ первую черту цивилизованнаго человѣка: развитое чувство.

С. Сычевскій.

* * *

*) Николай Ростовъ, третій любимецъ автора, плохъ до послѣдней степени, хотя и мечтаетъ о томъ, чтобы попасть въ совѣтники къ императору Александру. „О, какъ бы я охранялъ его—восклицаетъ онъ въ умиленіи отъ своей мечты — какъ бы я говорилъ ему всю правду, какъ бы я изобличалъ его обманщиковъ". Но Россія счастлива, что Богъ избавилъ ея государя отъ такого совѣтника. Этотъ претендентъ въ государственные люди лупитъ по щекамъ мужика Карпа такъ, что у его жертвы голова мотается съ боку на бокъ отъ сильныхъ ударовъ; свое усердіе царю онъ представляетъ себѣ не иначе, какъ въ формѣ кулачной расправы съ какимъ-нибудь обманщикомъ-нѣмцемъ (Т. I, стр. 102). Онъ былъ въ университетѣ, но не вынесъ оттуда ни одной честной и здравой идеи. О своихъ служебныхъ обязанностяхъ онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: „умирать велятъ намъ—такъ умирать. А коли наказываютъ, такъ значитъ виноватъ; не намъ судить. Угодно признать Бонапарта императоромъ и заключить съ нимъ союзъ—зна-

*) „Недѣля" 1868 г., №№ 22, 23 и 26. Статья А. П. Пятковскаго, подъ заглавіемъ: „Историческая эпоха въ романѣ гр. Л. Н. Толстого".

чить такъ надо. А то, коли бы мы стали судить да разсуждать, такъ этакъ ничего не остается. Этакъ мы скажемъ, что ни Бога нѣтъ, ничего нѣтъ“. Гр. Толстой прибавляетъ къ этимъ словамъ, что Ростовъ произносилъ ихъ на пирушкѣ и на-веселѣ, но извѣстна пословица: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ. Трезвый Ростовъ говоритъ и дѣйствуетъ нисколько не лучше Ростова пьянаго...

А. Пятковскій.

* * *

*) Сравнивая Николая Ростова съ гр. Пьеромъ Безухимъ, Ахшарумовъ говоритъ: „Съ перваго взгляда кажется, какъ будто это совсѣмъ другой человѣкъ, и, дѣйствительно, въ общемъ итогѣ онъ антиподъ Безухаго, а между тѣмъ, вѣдь, и этотъ такой же нравственный недоросль; и у этого мы не находимъ ни полной ребяческой непосредственности, ни зрѣлой увѣренности въ себѣ. Онъ также теряется въ неожиданности, и также мало умѣетъ вести себя съ людьми, и также отлично знаетъ, что не умѣетъ, и это сознаніе дѣлаетъ его также часто смѣшнымъ, неловкимъ, афектированнымъ. Стыдливость у него тоже сильно развита, и онъ тоже часто конфузится; и въ головѣ у него также шатко, на сердцѣ также неопредѣленно, и онъ также мало способенъ къ дѣлу, требующему яснаго замысла или какой бы то ни было выдержки, какой бы то ни было значительной и послѣдовательной настойчивости въ осуществленіи. Всѣ его подвиги—это плодъ слѣпого или хорадочнаго порыва. Какъ только этотъ порывъ весь вышелъ, онъ на мели. Онъ можетъ, вытаращивъ глаза и не помня себя отъ задора, скакать въ атаку на непріятеля или въ погоню за волкомъ, умоляя Творца, какъ о величайшей милости, чтобы онъ помогъ достичь цѣли, чтобы она не ушла. Но когда величайшее счастье случилось, и цѣль достигнута, онъ успѣлъ уже ошалѣть до того, что не въ состояніи ни видѣть, ни помнить, ни сообразить, ни сдѣлать что-нибудь,

*) „Всемірный Трудъ“ 1868 г., № 4. Статья Н. Ахшарумова.

что имѣло бы въ себѣ здравый смыслъ. Короче сказать, онъ славный малый, но человѣкъ въ высшей степени непрактическій, и въ этомъ сродни графу Безухову. Да и не онъ одинъ... Тѣ же черты непрактичности, или неустойчивости, или незрѣлости и распущенности роднятъ съ Безуховымъ людей, можетъ быть, еще меньше похожихъ на него въ общемъ, чѣмъ Николай Ростовъ, людей совершенно иного склада.

Н. Ахшарумовъ.

* * *

*) Николай Ростовъ—это совершенная противоположность Бориса. Друбецкой — расчетливъ, сдержанъ, остороженъ, все размѣряетъ и взвѣшиваетъ, и во всемъ дѣйствуетъ по заранѣе составленному и тщательно обдуманному плану. Ростовъ, напротивъ того, смѣлъ и пылокъ, не способенъ и не любитъ соображать, всегда поступаетъ очертя голову, всегда весь отдается первому влеченію, и даже чувствуетъ нѣкоторое презрѣніе къ тѣмъ людямъ, которые умѣютъ сопротивляться воспринимаемымъ впечатлѣніямъ и переработывать ихъ въ себѣ.

Борисъ, безъ всякаго сомнѣнія, умнѣе и глубже Ростова. Ростовъ, въ свою очередь, гораздо даровитѣе, отзывчивѣе и многостороннѣе Бориса. Въ Борисѣ гораздо больше способности внимательно наблюдать и осторожно обобщать окружающіе факты. Въ Ростовѣ преобладаетъ способность откликаться всѣмъ своимъ существомъ на все, что проситъ, и даже на то, что не имѣетъ права просить у сердца отвѣта. Борисъ, при правильномъ развитіи своихъ способностей, могъ бы сдѣлаться хорошимъ изслѣдователемъ. Ростовъ, при такомъ же правильномъ развитіи, сдѣлался бы, по всей вѣроятности, недюжиннымъ художникомъ, поэтомъ, музыкантомъ или живописцемъ.

Существенное различіе между обоими молодыми людьми обозначается съ перваго ихъ шага на житейскомъ поприщѣ.

---

*) „Отеч. Записки“ 1868 г., № 2, отд. „Русская Литература“. Статья Д. Писарева, подъ заглавіемъ: „Старое барство“.

Борисъ, которому нечѣмъ жить, протискивается, по милости своей пресмыкающейся матери, въ гвардію и живетъ тамъ на чужой счетъ, чтобы только быть на виду и почаще приходить въ соприкосновеніе съ высокопоставленными особами. Ростовъ, получающій отъ отца по 10,000 рублей въ годъ и имѣющій полную возможность жить въ гвардіи не хуже другихъ офицеровъ, идетъ, пылая воинственнымъ и патріотическимъ жаромъ, въ армейскую кавалерію, чтобы поскорѣе побывать въ дѣлѣ, погарцовать на ретивой лошади, и удивить себя и другихъ подвигами лихого наѣздничества. Борисъ ищетъ прочной и осязательной выгоды. Ростовъ желаетъ прежде всего и во что бы то ни стало шуму, блеску, сильныхъ ощущеній, эффектныхъ сценъ и яркихъ картинъ. Образъ гусара, какъ онъ летитъ въ атаку, машетъ саблей, сверкаетъ очами, топчетъ трепещущаго врага стальными копытами неукротимаго коня, образъ гусара, какъ онъ размашисто и шумно пируетъ въ кругу лихихъ товарищей, прокопченныхъ пороховымъ дымомъ, образъ гусара, какъ онъ, закручивая длинные усы, звеня шпорами, блистая золотыми шнурками венгерки, своимъ орлинымъ взоромъ посѣваетъ тревогу и смятеніе въ сердцахъ молодыхъ красавицъ — всѣ эти образы, сливаясь въ одно смутное обаятельное впечатлѣніе, рѣшаютъ судьбу юнаго и пылкаго графа Ростова и побуждаютъ его, бросивъ университетъ, въ которомъ онъ, безъ сомнѣнія, находилъ мало для себя привлекательнаго, кинуться стремглавъ и окунуться съ головою въ жизнь армейскаго гусара.

Борисъ вступаетъ въ свой полкъ спокойно и хладнокровно, держитъ себя со всѣми прилично и кротко, но ни съ полкомъ вообще, ни съ кѣмъ-либо изъ офицеровъ въ особенности не завязываетъ никакихъ тѣсныхъ и задушевныхъ отношеній. Ростовъ буквально бросается въ объятія павлоградскаго гусарскаго полка, пристращается къ нему, какъ къ своей новой семьѣ, сразу начинаетъ дорожить его честью, какъ своею собственною, изъ восторженной любви къ этой чести дѣлаетъ опрометчивые поступки, ставитъ себя въ неловкія положенія, ссорится съ полковымъ коман-

диромъ, кается въ своей неосторожности передъ синклитомъ старыхъ офицеровъ, и при всей своей юношеской обидчивости и вспыльчивости, покорно выслушиваетъ дружескія замѣчанія стариковъ, обучающихъ его уму-разуму и преподающихъ ему основныя начала павлоградской гусарской нравственности.

Борисъ норовитъ улизнуть какъ можно скорѣе изъ полка куда-нибудь въ адъютанты. Ростовъ считаетъ переходъ въ адъютанты какою-то измѣною милому и родному павлоградскому полку. Для него это почти все равно, что бросить любимую женщину, чтобы по расчету жениться на богатой невѣстѣ. Всѣ адъютанты, всѣ „штабные молодчики", какъ онъ ихъ презрительно называлъ, въ его глазахъ какіе-то бездушные и недостойные отступники, продавшіе своихъ братьевъ по оружію за блюдо чечевицы. Подъ вліяніемъ этого презрѣнія, онъ безъ всякой уважительной причины, къ ужасу и досадѣ Бориса, въ квартирѣ послѣдняго заводитъ ссору съ адъютантомъ Болконскимъ, ссору, которая остается безъ кровопролитныхъ послѣдствій, только благодаря спокойной твердости и самообладанію Болконскаго.

Ростовъ, къ удивленію Бориса, бросаетъ подъ столъ рекомендательное письмо, выхлопотанное ему, Ростову, заботливыми родителями къ князю Багратіону, при этомъ онъ, какъ мы уже знаемъ, прямо называетъ адъютантскую службу лакейской. Онъ не задумывается надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что адъютанты совершенно необходимы въ общемъ строѣ военнаго дѣла; онъ не останавливается на томъ соображеніи, что можно быть адъютантомъ, честно исполняя свои обязанности, принося постоянно истинную пользу общему ходу военныхъ дѣйствій и нисколько не унижая ни передъ кѣмъ своего личнаго человѣческаго достоинства. Онъ, очевидно, не въ состояніи уловить и опредѣлить различіе между писанною и неписанною субординаціей, между служеніемъ лицамъ и служеніемъ дѣлу. Онъ съ негодованіемъ отрицаетъ адъютантство для себя и презираетъ его въ другихъ просто потому, что павлоградскіе офицеры, принимая въ соображеніе его графскій титулъ и хорошее состояніе, на первыхъ

порахъ заподозрили его въ намѣреніи выпрыгнуть изъ полка въ адъютанты, а онъ тотчасъ же съ добродѣтельнымъ ужасомъ сталъ открещиваться и отплевываться отъ такого оскорбительнаго подозрѣнія въ безсердечности.

Борисъ не становится ни къ кому въ восторженно-подобострастныя ученическія отношенія; онъ всегда готовъ тонко и прилично льстить тому человѣку, изъ котораго онъ такъ или иначе надѣется сдѣлать себѣ дойную корову, онъ всегда готовъ подмѣтить въ другомъ, перенять и усвоить себѣ какую-нибудь сноровку, способную доставить ему успѣхъ въ обществѣ и повышеніе по службѣ; но безкорыстное и простодушное обожаніе кого-бы или чего-бы то ни было ему совершенно несвойственно; онъ можетъ стремиться только къ выгодамъ, а никакъ не къ идеалу; онъ можетъ только завидовать и подражать людямъ, обогнавшимъ или обгоняющимъ его по службѣ, но рѣшительно неспособенъ благоговѣть передъ ними, какъ передъ яркими и прекрасными воплощеніями идеала. У Ростова, напротивъ того, идеалы, кумиры и авторитеты, какъ грибы на каждомъ шагу выростаютъ изъ земли. У него и Васька Денисовъ—идеалъ, и Долоховъ — кумиръ, и штабъ-ротмистръ Кирстенъ—авторитетъ. Вѣровать и любить слѣпо, страстно, безпредѣльно, преслѣдуя ненавистью фанатика тѣхъ, кто не преклоняетъ колѣнъ передъ воздвигнутыми идолами — это неистребимая потребность его кипучей природы.

Эта потребность проявляется особенно ярко въ восторженномъ взглядѣ на государя. Вотъ какими чертами графъ Толстой изображаетъ его чувства во время высочайшаго смотра въ Ольмюцѣ. Эти черты характеризуютъ и время, и тотъ слой общества, къ которому принадлежитъ Ростовъ, и личныя особенности самого Ростова.

„Когда государь приблизился на разстояніи 20-ти шаговъ, и Николя ясно, до всѣхъ подробностей, разсмотрѣлъ прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, онъ испыталъ чувство нѣжности и восторга, подобнаго которому онъ еще не испытывалъ“.

Увидавъ улыбку государя, „Ростовъ самъ невольно на-

чалъ улыбаться и почувствовалъ еще сильнѣйшій приливъ любви къ своему государю. Ему хотѣлось выказать чѣмъ-нибудь свою любовь къ государю. Онъ зналъ, что это невозможно, и ему хотѣлось плакать".

Когда государь заговорилъ съ командиромъ павлоградскаго полка, Ростовъ подумалъ, что умеръ бы отъ счастія, ежели бы государь обратился къ нему.

Когда государь сталъ благодарить офицеровъ, то „каждое слово слышалось Ростову, какъ звукъ съ неба", и онъ созналъ въ себѣ и сформировалъ совершенно ясно страстное желаніе „только умереть, умереть за него".

Когда солдаты, „надсаживая свои солдатскія груди", закричали ура, то „Ростовъ закричалъ тоже, пригнувшись къ сѣдлу, что было его силъ, желая повредить себѣ этимъ крикомъ, только чтобы выразить вполнѣ свой восторгъ государю".

Когда государь постоялъ нѣсколько секундъ противъ гусаръ, какъ будто въ нерѣшимости, то „даже и эта нерѣшительность показалась Ростову величественной и обворожительной".

Въ числѣ господъ свиты Ростовъ замѣтилъ Болконскаго, припомнилъ свою ссору съ нимъ у Друбецкаго, случившуюся накапунѣ, и задалъ себѣ вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ вызывать его. „Разумѣется, не слѣдуетъ, подумалъ теперь Ростовъ... И стоитъ ли думать и говорить про это въ такую минуту, какъ теперь? Въ минуту такого чувства любви, восторга и самоотверженія что значатъ всѣ наши ссоры и обиды? Я всѣхъ люблю, всѣмъ прощаю теперь".

Когда полки проходятъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, когда Ростовъ на своемъ Бедуинѣ самымъ эффектнымъ образомъ проѣзжаетъ вслѣдъ за своимъ эскадрономъ, и когда государь говоритъ: „молодцы павлоградцы!" тогда Ростовъ думаетъ: „Боже мой, какъ бы я счастливъ былъ, если бы онъ велѣлъ мнѣ сейчасъ броситься въ огонь".

Всѣ эти черты собраны мною и перенесены сюда съ точностью съ страницъ 70—73 перваго тома.

Три дня спустя, Ростовъ еще разъ видитъ государя и

чувствуетъ себя счастливымъ „какъ любовникъ, дождавшійся ожидаемаго свиданія“. Онъ, *не оглядываясь, восторженнымъ чутьемъ* чувствуетъ приближеніе государя. Здѣсь краски, употребляемыя графомъ Толстымъ, вспыхиваютъ такою ослѣпительною яркостью, что я, боясь ослабить или какъ-нибудь испортить то впечатлѣніе, которое онѣ должны произвести на читателя, считаю необходимымъ привести цитату во всей ея неприкосновенности.

„И онъ почувствовалъ это (приближеніе) не по одному звуку копытъ лошадей приближавшейся кавалькады, но онъ чувствовалъ это потому, что, по мѣрѣ приближенія, все свѣтлѣе, радостнѣе, и значительнѣе, и праздничнѣе дѣлалось вокругъ него. Все ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокругъ себя лучи кроткаго и величественнаго свѣта, и вотъ онъ уже чувствуетъ себя захваченнымъ этими лучами, онъ слышитъ его голосъ— этотъ ласковый, спокойный, величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ столь простой голосъ“.

Фанатики жрецы обыкновенно бываютъ болѣе исключительны въ своихъ страстяхъ, чѣмъ то божество, которому они служатъ. Пылая всепоглощающею и ослѣпляющею любовью къ своему божеству, эти жрецы доходятъ часто, путемъ этой любви, до такихъ крайнихъ, уродливыхъ и противоестественныхъ чувствъ, которыя могли бы только оскорбить, возмутить и прогнѣвить божество, если бы оно узнало о ихъ существованіи.

Ростовъ видитъ государя на площади города Вишау, гдѣ за нѣсколько минутъ до проѣзда государя происходила довольно сильная перестрѣлка. На площади лежатъ еще неприбранныя тѣла убитыхъ и раненыхъ. Государь, „склонившись на бокъ, граціознымъ жестомъ держа золотой лорнетъ у глаза“, смотритъ на раненаго солдата, лежащаго ничкомъ, безъ кивера, съ окровавленною головою. Государь, очевидно, соболѣзнуетъ о страданіяхъ раненаго; плечи его содрогаются, какъ бы отъ пробѣжавшаго мороза, и лѣвая нога его судорожно бьетъ шпорой бокъ лошади; одинъ изъ адъютантовъ, угадывая мысли и желанія госу-

даря, поднимаетъ солдата подъ руки, а государь, услышавъ стонъ умирающаго, говоритъ: „тише, тише, развѣ нельзя тише?“ и при этомъ, по словамъ графа Толстого, видимо, страдаетъ больше, чѣмъ самъ умирающій солдатъ. Слезы наполняютъ глаза государя и, обращаясь къ Чарторижскому, онъ говоритъ ему: „quelle terrible chose que la guerre!“ Въ это самое время Ростовъ, весь поглощенный своею восторженною любовью, преимущественно устремляетъ свое вниманіе на то обстоятельство, что солдатъ недостаточно опрятенъ, деликатенъ и великолѣпенъ, чтобы находиться вблизи государя и останавливать на себѣ его взоры. Въ солдатѣ Ростовъ видитъ въ эту минуту не умирающаго человѣка, не мученика, мужественно принявшаго страданіе также за дѣло государя, а только грязное кровавое пятно, марающее ту картину, на которую обращены глаза государя, пятно, доставляющее государю непріятныя ощущенія, диссонансъ, способный до нѣкоторой степени разстроить нервы государя,—наконецъ, такой предметъ, который виноватъ уже тѣмъ, что не можетъ почувствовать *восторженнымъ чутьемъ его приближеніе*, и сдѣлаться, по мѣрѣ этого приближенія, *все свѣтлѣе, и радостнѣе, и значительнѣе, и праздничнѣе*. Вотъ подлинныя слова графа Толстого: „Солдатъ раненый былъ такъ нечистъ, грубъ и гадокъ, что Ростова оскорбила близость его къ государю“. Государь, по всей вѣроятности, не остался бы доволенъ, если бы могъ себѣ представить, что любовь къ нему побуждаетъ молодыхъ офицеровъ его вѣрной и храброй арміи смотрѣть съ отвращеніемъ и почти съ ненавистью на страданія умирающихъ солдатъ.—Борисъ тоже чувствуетъ особенное волненіе, когда приближается къ особѣ государя, но его волненіе совершенно не похоже на то, которое испытываетъ простодушный Ростовъ. Онъ волнуется потому, что чувствуетъ себя возлѣ источника власти, наградъ, почестей, богатства и вообще всѣхъ тѣхъ земныхъ благъ, добыванію которыхъ онъ твердо рѣшился посвятить всю свою жизнь. Онъ думаетъ: ахъ, если бы мнѣ да пристроиться тутъ по близости, да утвердиться такъ, что-

бы меня изо дня въ день постоянно пригрѣвали солнечные лучи! То корыстное волненіе, которое въ подобныхъ случаяхъ овладѣваетъ Борисомъ, только усиливаетъ его внимательность, расторопность и находчивость. Онъ исполняетъ совершенно удовлетворительно два порученія къ государю, данныя ему во время службы, и пріобрѣтаетъ себѣ даже въ глазахъ императора Александра репутацію смышленаго и рачительнаго офицера.

Волненіе, овладѣвающее Ростовымъ, когда онъ видитъ государя и приближается къ нему, отнимаетъ у него способность размышлять и обсуживать свое положеніе. Въ день аустерлицкаго сраженія, посланный съ порученіемъ, которое онъ, если не обязанъ, то, по крайней мѣрѣ, имѣетъ полное право и даже уполномоченъ передать государю, Ростовъ встрѣчаетъ государя въ то время, когда битва окончательно и безвозвратно проиграна. Увидавъ государя, Ростовъ, по обыкновенію, чувствуетъ себя безмѣрно счастливымъ, отчасти потому, что видитъ его, отчасти и главнымъ образомъ потому, что убѣждается собственными глазами въ невѣрности распространившагося слуха о ранѣ государя. Ростовъ знаетъ, что онъ можетъ и даже долженъ прямо обратиться къ государю, и передать то, что ему было приказано. Но нахлынувшее на него волненіе отнимаетъ у него возможность во время рѣшиться: „какъ влюбленный юноша дрожитъ и млѣетъ, не смѣя сказать того, о чемъ онъ мечтаетъ почи, и испуганно оглядывается, ища помощи или возможности бѣгства, когда наступила желанная минута, и онъ стоитъ наединѣ съ ней: такъ и Ростовъ теперь, достигнувъ того, чего онъ желалъ больше всего на свѣтѣ, не зналъ, какъ подступить къ государю, и ему представлялись тысячи соображеній, почему это было неудобно, неприлично и невозможно“.

Не рѣшившись на то, *чего онъ желалъ больше всего на свѣтѣ*, Ростовъ отъѣзжаетъ прочь, *съ грустью и съ отчаяніемъ въ сердцѣ*, и въ ту же минуту видитъ, что другой офицеръ, увидавъ государя, прямо подъѣзжаетъ къ нему, предлагаетъ ему свои услуги, и помогаетъ ему перейти

пѣшкомъ черезъ канаву. Ростовъ издали съ завистью и раскаяніемъ видитъ, какъ этотъ офицеръ долго и съ жаромъ говоритъ что-то государю, и какъ государь жметъ руку этому офицеру. Теперь, когда минута пропущена, Ростову представляются новыя тысячи соображеній, почему ему было удобно, прилично и необходимо подъѣхать къ государю. Онъ думаетъ про себя, что онъ, Ростовъ, могъ бы быть на мѣстѣ того офицера, которому государь пожалъ руку, что его подрѣзала его собственная позорная слабость, и что онъ потерялъ единственный случай выразить государю свою восторженную преданность. Онъ повертываетъ лошадь, скачетъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ государь — тамъ уже нѣтъ никого. Онъ уѣзжаетъ въ совершенномъ отчаяніи, и въ этомъ отчаяніи — какому бы тонкому и тщательному анализу мы его ни подвергали—нѣтъ ничего сколько-нибудь похожаго на мысль о томъ вліяніи, которое разговоръ съ государемъ могъ бы обнаружить на дальнѣйшій ходъ его службы. Это — простодушное и безкорыстное отчаяніе влюбленнаго юноши, у котораго, по милости его же собственной робости, остались тяжелымъ камнемъ на душѣ невысказанныя и давно накипѣвшія слова почтительной страсти.

Самъ Ростовъ неспособенъ анализировать свое чувство; онъ не можетъ задать себѣ вопроса: почему я испытываю это чувство? не можетъ, во-первыхъ, потому, что вообще не привыкъ пускаться въ психологическія изслѣдованія и отдавать себѣ сколько-нибудь ясный отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ; а во-вторыхъ, потому, что въ этомъ вопросѣ ему совершенно справедливо чувствуется опасный зародышъ разлагающаго сомнѣнія. Спросить: почему я испытываю то или другое чувство? значитъ задуматься надъ тѣми причинами и основаніями, на которыхъ держится это чувство, приступить къ измѣренію, взвѣшиванію и оцѣнкѣ этихъ причинъ и основаній, и заранѣе подчиниться тому приговору, который, послѣ зрѣлыхъ размышленій, будетъ произнесенъ надъ ними голосомъ нашего собственнаго разсудка. Кто ставитъ себѣ вопросомъ: почему? тотъ, очевидно, чув-

ствуетъ необходимость указать своей страсти извѣстныя границы, на которыхъ она должна остановиться, чтобы не вредить интересамъ цѣлаго. Кто ставитъ вопросъ: почему? тотъ уже признаетъ существованіе такихъ интересовъ, которые для него важнѣе и дороже его чувства, и во имя которыхъ, и съ точки зрѣнія которыхъ желательно потребовать у этого чувства отчета въ его происхожденіи. Кто ставитъ вопросъ: почему? тотъ уже обнаруживаетъ способность до нѣкоторой степени отрѣшаться отъ своего чувства, и смотрѣть на него со стороны, какъ на явленіе внѣшняго міра, а между чувствами, совершенно не испытавшими надъ собой этой операціи, и чувствами, на которыя мы хоть разъ, хоть на минуту, взглянули со стороны, взоромъ наблюдателя, *объективнымъ окомъ*, существуетъ огромная разница. Какъ бы побѣдоносно наше чувство ни выдержало испытаніе, все-таки надъ нимъ неизбѣжно совершится одна существенно важная перемѣна: прежде оно, неизмѣренное и неизслѣдованное, казалось намъ необъятнымъ и безпредѣльнымъ, потому что мы не знали ни его начала, ни его конца, ни его возможныхъ послѣдствій, ни его дѣйствительныхъ основаній; теперь же оно, хотя и очень велико, однако, введено въ свои границы, которыя намъ хорошо извѣстны. Прежде оно, само по себѣ, было цѣлымъ міромъ, ни съ чѣмъ не связаннымъ, живущимъ своею самостоятельною жизнью, повинующимся только своимъ собственнымъ законамъ, которыхъ мы не знали, и неотразимо увлекающимъ насъ въ свою таинственную глубину, въ которую мы погружались съ трепетомъ мучительной радости и робкаго благоговѣнія; теперь оно сдѣлалось явленіемъ среди другихъ явленій нашего внутренняго міра, явленіемъ, на которое дѣйствуютъ многія другія, соприкасающіяся и сталкивающіяся съ нимъ чувства, мысли и впечатлѣнія—явленіемъ, которое подчиняется законамъ, существующимъ внѣ его, и вліяніямъ, дѣйствующимъ на него со стороны.

Очень многія и очень сильныя чувства совсѣмъ не выдерживаютъ испытанія. Вопросъ *почему* становится ихъ мо-

гилою. Удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ оказывается невозможнымъ.

Ростовъ не спрашиваетъ *почему*? не знаетъ почему и не хочетъ этого знать. Онъ понимаетъ правильнымъ инстинктомъ, что вся сила его чувства заключается въ его совершенной непосредственности, и что самымъ твердымъ оплотомъ служитъ этому чувству то постоянно раскаленное настроеніе, вслѣдствіе котораго онъ, Ростовъ, всегда готовъ видѣть оскорбленіе святыни во всякой попыткѣ, своей или чужой, стать къ этому чувству или къ какимъ бы то ни было его проявленіямъ въ сколько-нибудь спокойныя или разсудочныя отношенія. „Я, говорилъ Людовикъ Святой: никогда и ни за что не буду разсуждать съ еретикомъ; я просто пойду на него и мечомъ распорю ему брюхо". Такъ точно думаетъ и чувствуетъ Ростовъ. Онъ до послѣдней крайности щекотливъ ко всему, что сколько-нибудь отклоняется отъ тона восторженнаго благоговѣнія. Вотъ какая сцена разыгрывается возлѣ Вишау между Ростовымъ и Денисовымъ:

„Поздно ночью, когда всѣ разошлись, Денисовъ потрепалъ своей коротенькой ручкой по плечу своего любимца Ростова.

— Вотъ на походѣ не въ кого влюбиться, такъ онъ въ Ца'я влюбился,—сказалъ онъ.

— Денисовъ, ты этимъ не шути,—крикнулъ Ростовъ:—это такое высокое, такое прекрасное чувство, такое...

— Вѣ'ю, вѣ'ю, д'ужокъ, и 'аздѣляю, и одоб'яю.

— Нѣтъ, не понимаешь!

И Ростовъ всталъ и пошелъ бродить между костровъ, мечтая о томъ, какое было бы счастье умереть, не спасая жизнь (объ этомъ онъ не смѣлъ и мечтать), а просто умереть въ глазахъ государя.

На Денисова, конечно, не можетъ пасть подозрѣніе въ якобинствѣ. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше всякаго сомнѣнія, и Ростовъ это знаетъ, но, по своей щекотливости, не можетъ воздержаться отъ вскрикиванія, когда Денисовъ позволяетъ себѣ добродушную дружескую шутку. Въ

этой шуткѣ Ростову чувствуется все-таки способность отнестись, хотя на минуту, спокойно и хладнокровно, къ предмету его восторженнаго обожанія. Этого уже достаточно чтобы вызвать съ его стороны вспышку негодованія. Поставьте на мѣсто лихого павлоградскаго гусара и отличнаго товарища Денисова какого-нибудь посторонняго человѣка, замѣните добродушную дружескую шутку словами, выражающими серьезное сомнѣніе, и вы тогда, конечно, получите въ результатѣ со стороны Ростова не вскрикиваніе, а какой-нибудь рѣзкій, насильственный поступокъ, напоминающій программу Людовика Святого.

Проходитъ два года. Вторая война съ Наполеономъ заканчивается пораженіемъ нашихъ войскъ при Фридландѣ и свиданіемъ императоровъ въ Тильзитѣ. Множество видѣнныхъ событій, политическихъ и неполитическихъ, множество воспринятыхъ впечатлѣній, крупныхъ и мелкихъ, задаютъ уму Ростова мучительную работу, превышающую его силы, и возбуждаютъ въ немъ рой тяжелыхъ сомнѣній, съ которыми онъ не умѣетъ управляться.

Пріѣхавъ въ свой полкъ весною 1807 года, Ростовъ застаетъ его въ такомъ положеніи, что лошади, безобразно худыя, ѣдятъ соломенныя крыши съ домовъ, а люди, не получая никакого провіанта, набиваютъ себѣ желудки какимъ-то сладкимъ машкинымъ корнемъ, растеніемъ, похожимъ на спаржу, отъ котораго у нихъ пухнутъ руки, ноги и лицо. Въ столкновеніяхъ съ непріятелемъ Павлоградскій полкъ потерялъ только двухъ раненыхъ, а голодъ и болѣзни истребили почти половину людей. Кто попадалъ въ госпиталь—умиралъ навѣрное; и солдаты, больные лихорадкою и опухолью, несли службу, черезъ силу волоча ноги во фронтѣ, лишь бы только не идти въ больницу, на вѣрную и мучительную смерть.

Въ обществѣ офицеровъ господствуетъ то убѣжденіе, что всѣ эти бѣдствія происходятъ отъ колоссальныхъ злоупотребленій въ провіантскомъ вѣдомствѣ; и это убѣжденіе поддерживается тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ подвозимые припасы оказываются самаго дурного качества. Ужасное и

отвратительное положенiе госпиталей и безпорядокъ въ подвозѣ провiанта также не могутъ быть объяснены никакими естественными бѣдствiями, независимыми отъ воли человѣка.

Васька Денисовъ, добродушный, честный и храбрый гусарскiй майоръ, любитъ свой эскадронъ, какъ свою семью, и видитъ съ ожесточенiемъ, какъ на его глазахъ хирѣютъ и мрутъ его солдаты. Прослышавъ о томъ, что въ пѣхотный полкъ, стоявшiй по сосѣдству, идетъ транспортъ провiанта. Денисовъ ѣдетъ насильно отбивать эти припасы, и дѣйствительно выполняетъ свое намѣренiе, разсуждая такъ, что не умирать же, въ самомъ дѣлѣ, павлоградскимъ гусарамъ отъ голода и отъ сладкаго машкина корня. Полковой командиръ, узнавъ объ этомъ подвигѣ Денисова, говоритъ ему, что готовъ смотрѣть на это сквозь пальцы, но совѣтуетъ Денисову съѣздить въ штабъ и уладить дѣло въ провiантскомъ вѣдомствѣ.

Денисовъ ѣдетъ и начинаетъ объясняться съ провiантскимъ чиновникомъ, котораго онъ потомъ, въ разговорѣ съ Ростовымъ, называетъ оберъ-воромъ. Съ первыхъ же словъ Денисовъ говоритъ оберъ-вору, что „разбой не тотъ дѣлаетъ, кто беретъ провiантъ, чтобы кормить своихъ солдатъ, а тотъ, кто беретъ его, чтобъ класть въ карманъ“. Послѣ такого дебюта, полюбовное окончанiе дѣла становится невозможнымъ. По приглашенiю оберъ-вора, Денисовъ идетъ расписываться у коммиссiонера, и тутъ за столомъ видитъ уже настоящаго вора, бывшаго павлоградскаго офицера Телянина, укравшаго у него, Денисова, кошелекъ съ деньгами, уличеннаго въ этомъ Ростовымъ, выключеннаго изъ полка и пристроившагося потомъ къ провiантскому вѣдомству. Тутъ разыгрывается сцена, которую самъ Денисовъ слѣдующимъ образомъ описываетъ Ростову:

„Какъ, ты насъ съ голоду моришь?!“ Разъ, разъ по мордѣ, ловко такъ пришлось... „А... распротакой-сякой, и... началъ катать. Зато натѣшился, могу сказать, — кричалъ Денисовъ, радостно и злобно изъ-подъ черныхъ усовъ оскаливая свои бѣлые зубы.—Я бы убилъ его, кабы не отняли“.

Разумѣется, завязывается дѣло. Майора Денисова обвиняютъ въ томъ, что онъ, отбивъ транспортъ, безъ всякого вызова, въ пьяномъ видѣ явился къ оберъ-провіантмейстеру, назвалъ его воромъ, угрожалъ побоями, и когда былъ выведенъ вонъ, то бросился въ канцелярію, избилъ двухъ чиновниковъ и одному вывихнулъ руку.

Пока тянется предварительная переписка по этому дѣлу, Денисовъ, въ одной рекогносцировкѣ, получаетъ рану, и уѣзжаетъ въ госпиталь.

Послѣ Фридландскаго сраженія, во время перемирія, Ростовъ ѣдетъ провѣдать Денисова, и собственными глазами видитъ, какой уходъ достается на долю раненымъ героямъ. При самомъ входѣ докторъ предупреждаетъ его, что *тутъ домъ прокаженныхъ, тифъ; кто ни взойдетъ — смерть,* и что здоровому человѣку не слѣдуетъ входить, если онъ не желаетъ тутъ и остаться. Въ темномъ коридорѣ Ростова охватываетъ такой сильный и отвратительный больничный запахъ, что онъ принужденъ остановиться и собраться съ силами, чтобы идти дальше. Ростовъ входитъ въ солдатскія палаты, и видитъ, что тутъ больные и раненые лежатъ въ два ряда, головами къ стѣнамъ, на соломѣ или на собственныхъ шинеляхъ, безъ кроватей. Одинъ больной казакъ лежитъ навзничь, поперекъ прохода, раскинувъ руки и ноги, закативъ глаза, и повторяя хриплымъ голосомъ: „испить-пить-испить!“ Его никто не поднимаетъ, ему никто не даетъ глотка воды, и больничный служитель, которому Ростовъ приказываетъ помочь больному, только старательно выкатываетъ глаза и съ удовольствіемъ говоритъ: „слушаю, ваше высокоблагородіе“, но не трогается съ мѣста. Въ другомъ углу Ростовъ видитъ рядомъ со старымъ безногимъ солдатомъ молодого мертвеца, и узнаетъ отъ безногаго старика, что его сосѣдъ „еще утромъ кончился“, и что его, несмотря на усиленныя и неоднократныя просьбы больныхъ, до сихъ поръ не убираютъ.

Денисовъ сначала горячо толкуетъ о томъ, что онъ выводитъ на чистую воду казнокрадовъ и разбойниковъ, и читаетъ, въ продолженіе часа слишкомъ, Ростову свои ядо-

витыя бумаги, писанныя въ отвѣтъ на запросы военно-судной коммиссіи, но потомъ убѣждается, что *плетью обуха не перешибешь*, и вручаетъ Ростову большой конвертъ съ просьбою о помилованіи на имя государя.

Ростовъ ѣдетъ въ Тильзитъ, находитъ случай передать государю просьбу Денисова черезъ одного кавалерійскаго генерала, и слышитъ собственными ушами, какъ государь отвѣчаетъ громко: „Не могу, генералъ, и потому не могу, что законъ сильнѣе меня“. Въ Тильзитѣ Ростовъ видитъ радостныя лица, блестящіе мундиры, сіяющія улыбки, свѣтлыя картины мира, изобилія и роскоши—самую рѣзкую противоположность всего того, что онъ видѣлъ въ землянкахъ Павлоградскаго полка и на поляхъ сраженія, и въ томъ домѣ прокаженныхъ, въ которомъ изнываетъ раненый подсудимый Денисовъ. Эта противоположность смущаетъ его, нагоняетъ къ нему въ голову вихри непрошенныхъ мыслей, и поднимаетъ въ душѣ его тучу небывалыхъ сомнѣній. Борисъ сразу, безъ малѣйшей борьбы, призналъ генерала Бонапарте императоромъ Наполеономъ и великимъ человѣкомъ, и даже постарался устроить такъ, чтобы его готовность и старательность по этой части была замѣчена начальствомъ, и вмѣнена ему въ достоинство. Борисъ также охотно и съ такою же пріятною улыбкою призналъ бы уличеннаго вора Телянина за честнѣйшаго человѣка и за доблестнѣйшаго патріота, еже-ли бы такое признаніе могло понравиться начальству. Борисъ, безъ всякаго сомнѣнія, не позволилъ бы себѣ разбойничьяго нападенія на свои же русскіе транспорты, чтобы доставить обѣдъ и ужинъ голоднымъ солдатамъ своей роты. Борисъ, конечно, не произвелъ бы дикаго насилія надъ особою русскаго чиновника, какими бы двусмысленными поступками ни было наполнено прошедшее этого чиновника. Борисъ, разумѣется, охотнѣе протянулъ бы руку Телянину, котораго начальство признаетъ честнымъ гражданиномъ, чѣмъ Денисову, котораго военный судъ будетъ принужденъ наказать, какъ грабителя и буяна. Если бы Ростовъ былъ способенъ усвоить себѣ беззастѣнчивую и неустрашимую гибкость Бориса, если бы онъ разъ навсегда отодвинулъ въ

сторону желаніе любить то, чему онъ служитъ, и служить тому, что онъ любитъ — то, конечно, тильзитскія сцены своимъ блескомъ произвели бы на него самое пріятное впечатлѣніе, госпитальные міазмы заставили бы его только покрѣпче зажимать себѣ носъ, а денисовское дѣло навело бы его на поучительныя размышленія о томъ, какъ вредно бываетъ для человѣка неумѣніе обуздывать свои страсти. Онъ не сталъ бы смущаться контрастами и противорѣчіями; довольствуясь тою истиною, что существующее существуетъ, и что, для успѣшнаго прохожденія служебнаго поприща, надо изучать требованія дѣйствительности и приноравливаться къ нимъ, онъ не сталъ бы настоятельно желать, чтобы все существующее было въ самомъ себѣ стройно, разумно и прекрасно.

Но Ростовъ не видитъ и не понимаетъ, за какія заслуги генералъ Бонапарте произведенъ въ императоры Наполеоны: онъ не видитъ и не понимаетъ, почему онъ, Ростовъ, сегодня долженъ любезничать съ тѣми французами, которыхъ онъ вчера долженъ былъ рубить саблей; почему Денисовъ, за свою любовь къ солдатамъ, которыхъ онъ обязанъ былъ беречь и лелѣять, и за свою ненависть къ ворамъ, которыхъ ему никто не приказывалъ любить, долженъ быть разстрѣлянъ, или, по меньшей мѣрѣ, разжалованъ въ солдаты; почему люди, храбро сражавшіеся и честно исполнявшіе свой долгъ, должны, подъ присмотромъ фельдшеровъ и военныхъ медиковъ, умирать медленною смертью въ домахъ прокаженныхъ, въ которые опасно входить здоровому человѣку; почему негодяи, подобные исключенному офицеру Телянину, должны имѣть обширное и дѣятельное вліяніе на судьбу русской арміи.

Опытный человѣкъ, на мѣстѣ Ростова, успокоился бы на томъ соображеніи, что абсолютное совершенство недостижимо, что человѣческія силы ограничены, и что ошибки и внутреннія противорѣчія составляютъ неизбѣжный удѣлъ всѣхъ людскихъ начинаній. Но опытность пріобрѣтается цѣною разочарованій, а первое разочарованіе, первое жестокое столкновеніе блестящихъ ребяческихъ иллюзій съ

грубыми и неопрятными фактами дѣйствительной жизни составляетъ обыкновенно рѣшительный поворотный пунктъ въ исторіи того человѣка, который его испытываетъ.

Послѣ этого перваго столкновенія, цѣльныя вѣрованія дѣтства въ легкое, неизбѣжное и всегдашнее торжество добра и правды, вѣрованія, вытекающія изъ незнанія зла и лжи—оказываются разбитыми; человѣкъ видитъ себя среди колеблющихся развалинъ: онъ старается прицѣпиться къ осколкамъ того зданія, въ которомъ онъ надѣялся благополучно провести всю свою жизнь; онъ ищетъ въ грудѣ разрушенныхъ иллюзій хоть чего-нибудь крѣпкаго и прочнаго; онъ пытается построить себѣ изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ новое зданіе, поскромнѣе, но зато и понадежнѣе перваго; эта попытка ведетъ за собою неудачу, и порождаетъ новое разочарованіе. Развалины разлагаются на свои составныя части; обломки крошатся на мелкіе кусочки и превращаются въ тонкую пыль подъ руками человѣка, добросовѣстно старающагося удержать ихъ въ цѣлости. Идя отъ разочарованія къ разочарованіямъ, человѣкъ приходитъ, наконецъ, къ тому убѣжденію, что всѣ его мысли и чувства, напущенныя на него неизвѣстно когда, и выросшія вмѣстѣ съ нимъ, нуждаются въ самой тщательной и строгой провѣркѣ. Это убѣжденіе становится исходною точкою того процесса развитія, который можетъ привести человѣка къ болѣе или менѣе ясному и отчетливому пониманію всего окружающаго.

Мужественно выдержать первое разочарованіе способенъ не всякій. Къ числу этихъ неспособныхъ принадлежитъ и нашъ Ростовъ. Вмѣсто того, чтобы вглядѣться въ тѣ факты, которые опрокидываютъ его младенческія иллюзіи, онъ съ трусливымъ упорствомъ и съ малодушнымъ ожесточеніемъ зажмуриваетъ глаза и гонитъ прочь свои мысли, какъ только онѣ начинаютъ принимать черезчуръ непривычное для него направленіе. Ростовъ не только зажмуривается самъ, но также съ фанатическимъ усердіемъ старается зажимать глаза другимъ.

Потерпѣвъ неудачу по денисовскому дѣлу и насмотрѣв-

шись на тильзитскій блескъ, коловшій ему глаза, Ростовъ избираетъ благую часть, которая никогда не отнимется отъ нищихъ духомъ и богатыхъ наличными деньгами. Онъ заливаетъ свои сомнѣнія двумя бутылками вина, и, доводя свою гусарскую лихость до надлежащихъ размѣровъ, начинаетъ кричать на двухъ офицеровъ, выражавшихъ свое неудовольствіе по поводу тильзитскаго мира.

— И какъ вы можете судить, что было бы лучше! — закричалъ онъ съ лицомъ, вдругъ налившимся кровью.—Какъ вы можете судить о поступкахъ государя, какое мы имѣемъ право разсуждать?! Мы не можемъ понять ни цѣли, ни поступковъ государя!

— Да я ни слова не говорилъ о государѣ,—оправдывался офицеръ, не могущій объяснить себѣ его вспыльчивости иначе, какъ тѣмъ, что Ростовъ пьянъ.

Но Ростовъ не слушалъ его.

— Мы не чиновники дипломатическіе, а мы солдаты, и больше ничего,—продолжалъ онъ:—умирать велятъ намъ—такъ умирать (этими словами Ростовъ разрѣшаетъ сомнѣнія, возбужденныя въ немъ *домомъ прокаженныхъ*). А коли наказываютъ, такъ, значитъ, виноватъ; не намъ судить (это — по денисовскому дѣлу). Угодно государю императору признать Бонапарте императоромъ и заключить съ нимъ союзъ значитъ, такъ надо (а это примиреніе съ тильзитскими сценами). А то, коли бы мы стали обо всемъ судить да разсуждать, такъ этакъ ничего святого не останется. Этакъ мы скажемъ, что ни Бога нѣтъ, ничего нѣтъ,—ударяя по столу кричалъ Николай весьма некстати, по понятіямъ своихъ собесѣдниковъ, но весьма послѣдовательно по ходу своихъ мыслей.

— Наше дѣло исполнять свой долгъ, рубиться и не думать, вотъ и все,—заключилъ онъ.

— И пить,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ, не желавшій ссориться.

— Да, и пить,—подхватилъ Николай.— Эй ты! Еще бутылку!—крикнулъ онъ.

Во-время выпитыя двѣ бутылки наградили молодого графа Ростова вѣрнѣйшимъ лѣкарствомъ противъ разочарованій,

сомнѣній и всевозможной мучительной внутренней ломки и переборки. Кому посчастливилось во время первой умственной бури открыть спасительную формулу: *наше дѣло не думать*, и успокоить себя этою формулою, хотя бы на минуту, хотя бы при содѣйствіи двухъ бутылокъ — тотъ, по всей вѣроятности, всегда будетъ убѣгать подъ защиту этой формулы, какъ только въ немъ начнутъ шевелиться неудачныя сомнѣнія, и его станетъ одолѣвать тревожный позывъ къ свободному изслѣдованію. *Наше дѣло не думать* — это такая неприступная позиція, которую не могутъ разбить никакія свидѣтельства опыта, и передъ которою останутся безсильными всякія доказательства. Свободной мысли негдѣ высадиться, и ей невозможно укрѣпиться на томъ берегу, на которомъ возвышается эта твердыня. Спасительная формула подрѣзываетъ ее при первомъ ея появленіи. Чуть только человѣкъ захватитъ самого себя на дѣлѣ взвѣшиванія и сопоставленія воспринятыхъ впечатлѣній, чуть только онъ подмѣтитъ въ себѣ поползновеніе размышлять и обобщать невольно собранные факты — онъ тотчасъ, опираясь на свою формулу, и припоминая то чудесное успокоеніе, которое она ему доставила, скажетъ себѣ, что это грѣхъ, что это дьявольское наважденіе, что это болѣзнь, и пойдетъ лѣчиться виномъ, крикомъ, цыганами, псовою охотою, и вообще тою пестрою смѣною сильныхъ ощущеній, которую можетъ доставить себѣ плотно-сложенный и состоятельный русскій дворянинъ.

Если вы станете доказывать такому укрѣпившемуся человѣку, что его спасительная формула неразумна, то ваши доказательства пропадутъ даромъ. Формула и съ этой стороны обнаружитъ свою несокрушимость. Драгоцѣннѣйшее изъ ея достоинствъ состоитъ именно въ томъ, что она не нуждается ни въ какихъ разумныхъ основаніяхъ, и даже исключаетъ возможность такихъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы доказывать разумность или неразумность формулы, чтобы нападать или защищать ее, надо думать, а такъ какъ *наше дѣло не думать*, то и всякаго рода доказыванія, сами по себѣ, независимо отъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ

они клонятся, должны быть признаны излишними и предосудительными.

Ростовъ остается неизмѣнно вѣренъ правилу, открытому въ тильзитскомъ трактирѣ, при содѣйствіи двухъ бутылокъ вина. Мышленіе не обнаруживаетъ никакого вліянія на всю его дальнѣйшую жизнь. Сомнѣнія не нарушаютъ больше его душевнаго спокойствія. Онъ знаетъ и хочетъ знать только свою службу и благородныя развлеченія, свойственныя богатому помѣщику и лихому гусару. Его умъ отказывается отъ всякой работы, даже отъ той, которая необходима для спасенія родового имущества отъ козней плутующаго, но, очевидно, малограмотнаго приказчика Митиньки. Онъ съ большою энергіею кричитъ на Митиньку и очень ловко толкаетъ его ногой и колѣнкой подъ задъ, но послѣ этой бурной сцены Митинька остается полновластнымъ распорядителемъ въ имѣніи, и дѣла продолжаютъ идти прежнимъ порядкомъ.

Не умѣя даже привести въ порядокъ свои денежныя дѣла и унять домашняго вора, Ростовъ тѣмъ болѣе не умѣетъ и не желаетъ осмысливать свою жизнь какимъ-нибудь занятіемъ, требующимъ сколько-нибудь сложныхъ и послѣдовательныхъ умственныхъ операцій. Книги для него, повидимому, не существуютъ. Чтеніе, кажется, не занимаетъ въ его жизни никакого мѣста, даже какъ средство убивать время. Даже московская свѣтская жизнь представляется ему слишкомъ запутанною и мудреною, слишкомъ переполненною сложными соображеніями и головоломными тонкостями. Его удовлетворяетъ вполнѣ только жизнь въ полку, гдѣ все опредѣлено и размѣрено, гдѣ все ясно и просто, гдѣ думать рѣшительно не о чемъ, и гдѣ нѣтъ мѣста для колебаній и свободнаго выбора. Ему нравится полковая жизнь въ мирное время, нравится именно тѣмъ, чѣмъ она невыносима человѣку, сколько-нибудь способному мыслить: нравится своею спокойною праздностію, невозмутимою рутинностью, соннымъ однообразіемъ и тѣми оковами, которыя она налагаетъ на всевозможныя проявленія личной изобрѣтательности и оригинальности.

Такъ какъ міръ мысли закрытъ для Ростова, то развитіе его на двадцатомъ году жизни оказывается законченнымъ. Къ двадцати годамъ все содержаніе жизни для него уже исчерпано; ему остается только сначала грубѣть и глупѣть, а потомъ дряхлѣть и разлагаться. Это отсутствіе будущности, это роковое безплодіе и неизбѣжное увяданіе скрыты отъ глазъ поверхностнаго наблюдателя внѣшнимъ видомъ свѣжести, силы и отзывчивости. Глядя на Ростова, поверхностный наблюдатель скажетъ съ удовольствіемъ: какъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ много огня и энергіи! Какъ смѣло и весело онъ смотритъ на жизнь! Какое въ немъ обиліе неиспорченной и нерастраченной юности! На такого поверхностнаго наблюдателя Ростовъ произведетъ, по всей вѣроятности, отрадное впечатлѣніе, Ростовъ ему понравится, какъ онъ, безъ сомнѣнія, понравился многимъ читателямъ, и даже, быть можетъ, самому автору романа. Поверхностному наблюдателю не придётъ въ голову, что въ Ростовѣ нѣтъ именно того, что составляетъ самую существенную и глубоко-трогательную прелесть здоровой и свѣжей молодости.

Когда мы смотримъ на сильное и молодое существо, то насъ волнуетъ радостная надежда, что его силы выростутъ, развернутся, приложатся къ дѣлу, примутъ дѣятельное участіе въ великой житейской борьбѣ, увеличатъ хоть немного массу существующаго на землѣ живительнаго счастія, и уничтожатъ хоть частицу накопившихся нелѣпостей, безобразій и страданій. Мы еще не знаемъ той границы, на которой остановится развитіе этихъ силъ, и именно эта неизвѣстность составляетъ въ нашихъ глазахъ величайшую обаятельность молодого существа. Кто знаетъ? думаемъ мы: можетъ быть, тутъ вырабатывается передъ нами что-то очень большое, чистое, свѣтлое, сильное и неустрашимое. Молодое существо, полное жизни и энергіи, составляетъ для насъ самую занимательную загадку, и эта загадочность придаетъ ему особенную привлекательность.

Именно этой обаятельной загадочности нѣтъ въ Ростовѣ, и только поверхностный наблюдатель можетъ, глядя на него,

сохранять неопредѣленную надежду, что его нерастраченныя силы на чемъ-нибудь хорошемъ сосредоточатся, и къ чему-нибудь дѣльному приложатся. Только поверхностный наблюдатель можетъ, любуясь его живостью и пылкостью, оставлять въ сторонѣ вопросъ о томъ, пригодится-ли на что-нибудь эта живость и пылкость.

Поверхностный наблюдатель способенъ залюбоваться юношескою горячностію Ростова, напримѣръ, во время псовой охоты, когда онъ обращается къ Богу съ мольбою о томъ, чтобы волкъ вышелъ на него, когда онъ говоритъ, изнемогая отъ волненія: „ну, что Тебѣ стоитъ сдѣлать это для меня? Знаю, что Ты великъ, и что грѣхъ Тебя просить объ этомъ; но, ради Бога, сдѣлай, чтобы на меня вылѣзъ матерый, и чтобы Карай, на глазахъ дядюшки, который вонъ оттуда смотритъ, влѣпился ему мертвой хваткой въ горло“; когда онъ во время травли переходитъ отъ безпредѣльной радости къ самому мрачному отчаянію, съ плачемъ называетъ стараго кобеля Карая отцомъ и, наконецъ, чувствуетъ себя счастливымъ, видя волка, окруженнаго и разрываемаго собаками.

Кто не останавливается на веселой наружности явленій,— того шумная и оживленная сцена охоты наведетъ на самыя печальныя размышленія. Если такая мелочь, такая дрянь, какъ борьба волка съ нѣсколькими собаками, можетъ доставить человѣку полный комплектъ сильныхъ ощущеній, отъ изступленнаго отчаянія до безумной радости, со всѣми промежуточными полутонами и переливами, то зачѣмъ же этотъ человѣкъ будетъ заботиться о расширеніи и углубленіи своей жизни? Зачѣмъ ему искать себѣ работы, зачѣмъ ему создавать себѣ интересы въ обширномъ и бурномъ морѣ общественной жизни, когда конюшня, псарня и ближайшій лѣсъ съ избыткомъ удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ его нервной системы?

Д. Писаревъ.

***

Пьеръ Безухій.

*) Дѣйствіе, какое мистицизмъ масоновъ производилъ на лучшихъ людей того времени, показано на примѣрѣ Пьера Безухаго. Незаконный сынъ графа Кирилла Безухаго, добрый, простой, умный, отлично образованный, съ серьезною мыслью въ головѣ, съ самостоятельными убѣжденіями, нѣсколько лѣнивый, но съ жаждою полезной дѣятельности и съ избыткомъ силъ, требующихъ исхода, Пьеръ поставленъ особнякомъ въ русскомъ высшемъ обществѣ: онъ выше всѣхъ этихъ пустыхъ болтуновъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему неловко въ ихъ блестящей средѣ; онъ не умѣетъ ни такъ ловко держать себя ни такъ ловко лгать. Онъ бѣденъ, потому что еще неизвѣстно, кому достанутся богатства вельможнаго старика — отца его; въ свѣтѣ относятся къ Пьеру съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ пренебреженія за его несвѣтскость и незнатность; но это не оскорбляетъ его: ему пріятна его скромная доля, и онъ ищетъ для себя только полезнаго рода дѣятельности. Вотъ умираетъ Безухій, и Пьера, усыновивъ, дѣлаетъ своимъ единственнымъ наслѣдникомъ. Пьеръ становится богатъ и знатенъ; все обращается къ нему, какъ къ новому свѣтилу. Богатство, однако, не измѣняетъ его, и онъ остается прежнимъ добрякомъ. Онъ хочетъ быть полезнымъ, на что даютъ ему возможность его положеніе и состояніе; но, по необыкновенной мягкости сердца, допускаетъ другихъ распоряжаться своими деньгами, и его неутомимо обираютъ со всѣхъ сторонъ. Его филантропическія и эмансипаціонныя затѣи съ крестьянами какъ-то не удаются; другихъ исходовъ для своихъ стремленій онъ не видитъ, и глубокое недовольство собою и всѣмъ окружающимъ овладѣваетъ его душою. Князь Василій Куракинъ (тогдашній министръ), глава семейства, которое, по родству его со старикомъ Безухимъ, разсчитывало на наслѣдство отъ него, и не пренебрегло никакимъ средствомъ (хотя и вотще), чтобъ не допустить до выполненія завѣщанія (по которому Пьеръ

*) „Голосъ“ 1868 г., № 11. „Библіографія и журналистика“

дѣлался единственнымъ наслѣдникомъ), теперь женитъ его, такъ сказать, независимо отъ его воли, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее выразить, на старшей своей дочери, бездушной красавицѣ. Пьеру нравилась княжна Эллепъ, какъ женщина: онъ не могъ оторваться отъ созерцанія ея роскошныхъ плечъ, но женился на ней только потому, что видѣлъ, что всѣ ждутъ отъ него этого, и, по мягкости сердца, не хотѣлъ обманывать общихъ ожиданій. Семейная жизнь не улыбнулась молодому Безухову: прекрасная Елена, жена его, оказалась развратницей. Оставивъ ее ея любовникамъ и свѣту, Пьеръ зарылся въ мистическое ученіе масоновъ: мечталъ объ усовершенствованіи человѣчества, о самоусовершенствованіи, ломалъ голову надъ разрѣшеніемъ квадрата земли и надъ опредѣленіемъ свойствъ меркурія, селитры и соли, какъ трехъ элементовъ міроздания. Презрѣніе къ себѣ, презрѣніе къ другимъ, небывалая раздражительность и суровость овладѣли душою Пьера послѣ всѣхъ неудачныхъ стремленій къ собственному счастью и къ счастью другихъ. Почти до помѣшательства доходили внутреннія муки Пьера и его мистическія умозрѣнія. Изъ этого состоянія, кажется, выводитъ его въ романѣ — на всегда-ли, на долго-ли, мы еще не знаемъ — свѣтлое и чрезвычайно оригинально задуманное существо, о которомъ скажемъ ниже...

„Голосъ" 1868 г.

* * *

*) Пьеръ Безухій, другой любимецъ гр. Толстого, еще меньше Андрея Болконскаго годится въ представители русской мыслящей молодежи. Онъ глупитъ на каждомъ шагу, и потѣшаетъ собою всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа. Его водитъ за носъ князь Василій, почти насильно выдавшій за него замужъ свою дочь, la belle Hélène, обкрадываетъ управляющій, и наставляетъ, какъ школьника, первый попавшійся на дорогѣ масонъ. Либеральные взгляды, съ которыми онъ, повидимому, вернулся изъ-за границы.

*) „Недѣли" 1868 г., №№ 22, 23 и 26. Статьи А. П. Пятковскаго, подъ заглавіемъ: „Историческая эпоха въ романѣ гр. Л. Н. Толстого".

не выдерживаютъ перваго натиска противоположнаго направленія. Уже во второмъ томѣ Пьеръ философствуетъ: „Людовика XVI казнили за то, что они (кто они?) говорили, что онъ былъ безчестенъ и преступникъ, и они были правы съ своей точки зрѣнія, такъ же какъ правы и тѣ, которые за него умирали мученическою смертью и причисляли его къ лику святыхъ. Потомъ Робеспьера казнили за то, что онъ былъ деспотъ. Кто правъ, кто виноватъ? Никто. А живъ и живи: завтра умрешь". Когда и гдѣ александровскіе либералы высказывали подобный индифферентизмъ? Затѣмъ масонъ окончательно сбиваетъ съ толку Пьера, и бѣдный графъ ежеминутно несетъ разный мистическій вздоръ. Подумаешь, читая все это, что русское общество прежняго времени начало и кончило мистицизмомъ, не отставая никакихъ другихъ мнѣній, не распадаясь на различныя партіи...

А. Пятковскій.

* * *

*) Самое полное, индивидуальное воплощеніе переходной эпохи русскаго общества представляетъ собою фигура графа Безухова. Этотъ графъ—идеалъ въ своемъ родѣ. Это дѣтская кротость, податливость, искренность, доброта и дѣтская глупость, безхарактерность, но вовсе не дѣтская непосредственность. Онъ безпрестанно осматривается, провѣряетъ и разбираетъ себя. Онъ на каждомъ шагу обдумываетъ то, что ему слѣдуетъ дѣлать, или критикуетъ сдѣланное; но онъ никогда не знаетъ: худо или хорошо, глупо или умно, прилично или позорно то, что онъ дѣлаетъ, и потому у него никогда не хватаетъ рѣшимости выполнить до конца обдуманное. Чувство стыда и, къ несчастію, самаго ложнаго, школьнаго, развито въ немъ до болѣзненной щекотливости. Это самая энергическая пружина во всей его рыхлой, кисельной природѣ. Ему вездѣ и со всѣми неловко, не по себѣ; онъ у всякаго какъ будто бы проситъ прощенія не

*) „Всемірный Трудъ" 1868 г., № 4. Статья Н. Ахшарумова.

только въ томъ, что онъ тутъ, на лицо, но и въ томъ, что такой человѣкъ, какъ онъ, существуетъ... А между тѣмъ Безуховъ не трусъ въ смыслѣ физическомъ. На днѣ этого кисельнаго сердца есть что-то львиное, что Пьеръ унаслѣдовалъ отъ отца, и что иногда выходитъ наружу, какъ увѣряетъ насъ графъ Толстой, который однакожъ не далъ себѣ труда объяснить намъ это противорѣчіе въ характерѣ его Пьера. Онъ не сказалъ намъ ни слова, какое вліяніе исказило и обезсилило нравственно эту природу, въ корнѣ здоровую. Мы видимъ готовый характеръ, но не видимъ, какимъ путемъ онъ сложился, и что породило въ немъ эту крайнюю жидкость, это отсутствіе всякаго рода устоя. Авторъ слегка намекаетъ, что Пьеръ воспитанъ былъ за границей, въ Парижѣ, и что голова у него была набита непереваренными идеями изъ *Contract Social* и проч. Но вѣдь это похоже немножко на пѣсню:

S' il est un peu sot,
C' est la faute de Rousseau;
S' il néglige ses affaires,
C' est la faute de Voltaire... и проч.

Несмотря на такой пробѣлъ, характеръ Пьера принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ созданій автора. Вглядываясь въ него, мы не знаемъ, чему удивляться болѣе: его крайней оригинальности и несходству съ другими людьми, или тому, что, при всемъ наружномъ несходствѣ въ цѣломъ, мы находимъ существенныя черты его типа порознь едва ли не въ каждомъ изъ главныхъ актеровъ разсказа.

Н. Ахшарумовъ.

* * *

*) Пьеръ Безухій пошелъ дальше Ростова. Ему, Пьеру, не чужды стремленія развитого ума, порывы гражданской дѣятельности, готовность къ жертвамъ на пользу общую. Добрый и благородный Пьеръ получилъ высшее, безалаберное воспитаніе: отлично говоритъ по-французски, знаетъ всего понемногу и рѣшительно не имѣетъ характера. Во

*) „Одесскій Вѣстникъ“ 1868 г., №№ 153 и 155. Статья С. Н. Сычевскаго.

все продолженіе романа онъ недоумѣваетъ, колеблется, то предпринимаетъ что-нибудь, то идетъ опять назадъ. Это олицетвореніе нравственной и умственной неустойчивости настолько сродни каждому изъ насъ, что мы отъ души готовы простить ему всѣ его недостатки и признать его за прекраснѣйшаго человѣка. Между прочимъ, пригладимся-ка поближе, что это за человѣкъ графъ Петръ Безухій.

Онъ незаконный сынъ русскаго вельможи съ огромнымъ богатствомъ. Въ дѣтствѣ и юношествѣ жилъ онъ на деньги своего отца; самъ никогда не заработалъ ни копейки, да и не такъ поведенъ, чтобы быть въ состояніи заработать. По смерти своего отца онъ наслѣдуетъ все его огромное имѣніе, и дѣлается идоломъ всѣхъ искательницъ богатыхъ жениховъ. Вопреки собственному чувству и убѣжденію, женится онъ на самой свѣтской изъ красавицъ, которая открыто развратничаетъ во все продолженіе романа. Ища дѣятельности, онъ принимается за самыя разнообразныя занятія: интересуется современными вопросами, наукою, гражданскою дѣятельностью, поступаетъ въ масонскую ложу, отпускаетъ на волю крестьянъ, снаряжаетъ на свой счетъ цѣлый полкъ для войны съ Наполеономъ, самъ поступаетъ въ ополченіе, присутствуетъ при Бородинской битвѣ, однимъ словомъ, дѣлаетъ очень много и хорошаго и пустого, и въ результатѣ, вѣроятно, женится на Наташѣ, что будетъ совершенно кстати, потому что такія двѣ личности въ состояніи составить цѣлаго человѣка.

Вотъ именно на Пьерѣ-то Безуховъ, хотя онъ и не воинъ, положило неизгладимую печать то равнодушіе къ саморазвитію, къ цивилизаціи самого себя, на которое я указалъ, какъ на продуктъ безобразнаго воспитанія русскаго человѣка.

Кажется, какой прекрасный человѣкъ Пьеръ, какъ онъ горячо говоритъ о самыхъ щекотливыхъ вопросахъ въ то время: о революціи, о Наполеонѣ, о свободѣ; какъ смѣло присоединяется онъ къ масонамъ! — а, вѣдь, въ сущности онъ все-таки предпочитаетъ вкусный обѣдъ и хорошій комфортъ и свободѣ, и масонамъ, и всѣмъ идеямъ. Il est un

peu blasé — сказали-бы о немъ барыни въ романѣ гр. Толстого, если-бы кто-нибудь натолкнулъ ихъ вниманіе на эту черту въ характерѣ Пьера.

Не могу не остановиться на масонахъ и на отношеніи къ нимъ Пьера, какъ на фактѣ въ высшей степени характеристичномъ для тогдашняго общества. Масонство, этотъ русскій іезуитизмъ, какъ видно изъ спеціальныхъ статей объ немъ изъ романа Толстого, вовсе не было органическимъ продуктомъ русскаго общественнаго развитія, а такою-же эфемерною, извнѣ навѣянною штукою, какъ почти-покойный нигилизмъ и теперешній реализмъ. Основанія всего этого прекрасныя. Эти порывы въ дѣятельную жизнь, эти стремленія къ преобразованіямъ существующихъ несовершенствъ — все это и благородно и прекрасно, только дѣло въ томъ, что для успѣха во всемъ нужно начать, какъ Рахметовъ, съ серьезной подготовки собственной личности; иначе и самыя стремленія нововводителей будутъ не раціональны, и результатъ будетъ сквернѣйшій; надъ нигилизмомъ не глумился только лѣнивый, а реалисты могутъ утѣшаться тѣмъ, что, благодаря имъ, гимназистовъ начали осаждать чуть не втрое больше латынью, а дѣвочекъ занимаютъ славянщиной, на томъ простомъ основаніи, что это, молъ, классическій языкъ. Прототипомъ вотъ этихъ-то явленій служило въ началѣ нынѣшняго столѣтія масонство. Оно, какъ и современный реализмъ и нигилизмъ, считало въ своихъ рядахъ огромное большинство людей, вознаграждавшихъ недостатокъ знанія дѣла, развитія и характера — избыткомъ безпредметнаго рвенія и молодого задора. Какъ въ настоящее время фразы, такъ тогда внѣшности и церемоніи служили непроницаемымъ покровомъ внутренней пустоты и несостоятельности и дѣла, и дѣятелей. Есть такіе необузданные идеалисты, которые въ состояніи восторгаться всякимъ опрометчивымъ начинаніемъ, если только оно составляетъ оппозицію злу. Я смѣло объявляю себя непричастнымъ къ такому взгляду. Я уважаю оппозицію тогда, когда она имѣетъ хоть какой-нибудь шансъ на успѣхъ. Иначе она вредна потому, что дѣлаетъ зло еще хуже. Безала-

берность русской жизни въ концѣ царствованія Екатерины и далѣе была велика, но Аракчеевъ и ему подобныя произведенія неразумной оппозиціи—еще хуже. Прежній классицизмъ, конечно, не былъ благомъ, но согласитесь, что систематическое забиваніе гимназическихъ головъ латынью и притупленіе дѣвочекъ славянщиной—продукты нигилизма и реализма еще хуже. Масоны, вмѣстѣ съ Пьеромъ Безуховымъ, могли произвести и произвели только одно зло. „Съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ не суйся“ *)—говоритъ г. Фетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, и эта пословица примѣнима болѣе чѣмъ къ кому-либо къ Пьеру Безухову и масонамъ. Прискорбно только то, что такія суконныя рыла встрѣчаются чрезвычайно часто въ романѣ Толстого, который, мнѣ кажется, служитъ дагерротипно-вѣрнымъ снимкомъ съ физіономіи тогдашняго общества.

С. Сычевскій.

Наполеонъ.

**) Въ портретѣ Наполеона есть нѣкоторыя черты, отлично схваченныя. Какъ вѣрно изображено, напр., это наивное и даже нѣсколько глуповатое самолюбіе, съ которымъ онъ увѣровалъ въ собственную непогрѣшимость, и эта потребность въ лакейской угодливости со стороны самыхъ близкихъ людей, и это полное криводушіе, эта сплошная фальшь, доходившая до того, что не успѣвъ одурачить другихъ совершенно, онъ, чтобъ дополнить мѣру, дурачилъ себя; и дальше, это отсутствіе, говоря словами князя Андрея, высшихъ и лучшихъ человѣческихъ качествъ: любви, поэзіи, нѣжности, философскаго, пытливаго сомнѣнія, и, наконецъ, та доля тупости и ограниченности, которую неизбѣжно влечетъ за собой отсутствіе этихъ качествъ въ людяхъ съ преобладающимъ, хищнымъ оттѣнкомъ характера... Къ со-

*) Подлинныя слова Фета: „Тебѣ-ли съ рыломъ суконнымъ въ калачный рядъ соваться“ сказаны не помню въ какой изъ его сценъ.

**) „Всемірный Трудъ“ 1868 г., № 4. Статья Н. Ахшарумова.

жалѣнію, много чего существеннаго ускользнуло отъ автора. Отъ него ускользнулъ необычайный размѣръ дѣловой, практической силы, рѣзко дѣлившій этого человѣка отъ всѣхъ его современниковъ. Онъ видитъ въ Наполеонѣ только счастливаго игрока или, вѣрнѣе сказать, жонглера, который могъ тысячу разъ оборваться съ веревки и только однимъ дурацкимъ счастіемъ спасаемъ былъ долгое время отъ этой позорной развязки. Онъ забываетъ, что рядъ счастливыхъ случайностей, самъ по себѣ, есть не болѣе какъ рядъ чистыхъ пулей, которымъ только одно умѣнье ими воспользоваться можетъ придать какую-нибудь реальную связь и реальную цѣну. Наполеонъ, въ понятіи его, очень мало разнится отъ какого-нибудь безтолковаго пройдохи-гасконца, которому повезло. Это такая же пѣшка, въ массѣ другихъ, пѣшка, рукою судьбы выдвинутая впередъ и проведенная въ ферзь, но не имѣющая въ себѣ никакого другого свойства, кромѣ общаго всякому человѣку—свойства слѣпого орудія въ рукахъ высшей силы. Поступки его такъ же непроизвольны, какъ и поступки юнкера графа Ростова, расчеты также нелѣпы, взглядъ не менѣе близорукъ и ошибоченъ. Диспозиція Бородинской битвы, которую онъ, если не проигралъ, то, конечно, уже и не выигралъ, была, по увѣренію графа Толстого, еще не такъ безсмысленна, какъ сотни другихъ, ей предшествовавшихъ и громко произносимыхъ въ военной исторіи. Мало того, вся военная исторія, вообще, это—чистѣйшее баснословіе. Дѣло никогда не происходило такъ, какъ объ немъ послѣ разсказывали, и никто даже не можетъ знать, какъ оно собственно происходило, потому что никто не видалъ или не могъ понять того, что дѣлается въ дыму и въ общей сумятицѣ... Но военная философія автора стоитъ того, чтобъ на ней остановиться немного подолѣе.

Въ сущности, она очень мало разнится отъ философіи князя Андрея, и потому мы приводимъ покуда эту послѣднюю собственными словами автора:... „Тѣ давно и часто приходившія ему, во время его военной дѣятельности, мысли, что нѣтъ и не можетъ быть никакой военной науки,

и поэтому не можетъ быть никакого такъ называемаго военнаго генія, теперь получили для него совершенную очевидность истины. Какая же могла быть теорія и наука въ дѣлѣ, котораго условія и обстоятельства неизвѣстны, и не могутъ быть опредѣлены, въ которомъ сила дѣятелей войны еще менѣе можетъ быть опредѣлена? Никто не могъ и не можетъ знать, въ какомъ положеніи будетъ наша и непріятельская армія черезъ день, и никто не можетъ знать, какая есть сила этого или того отряда. Иногда, когда нѣтъ труса впереди, который закричитъ: „мы отрѣзаны!" и побѣжитъ, а есть веселый, смѣлый человѣкъ впереди, который крикнетъ „ура!" отрядъ въ 5 тысячъ стоитъ 30-ти тысячъ, какъ подъ Шенграбеномъ, а иногда 50 тысячъ бѣгутъ передъ 8-ю, какъ подъ Аустерлицемъ. Какая же можетъ быть наука въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ во всякомъ практическомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть опредѣлено, и все зависитъ отъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ... Заслуга въ успѣхѣ военнаго дѣла зависитъ не отъ нихъ (предводителей), а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: *пропали*, или закричитъ: *ура*! И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностію, что ты полезенъ!"

Все это имѣетъ въ себѣ, конечно, нѣкоторую долю истины, но не нужно быть знатокомъ военнаго дѣла, чтобы понять, до какой степени все это утрировано. Возьмемъ, напримѣръ, то, что авторъ намъ выдаетъ за очевидную истину. *Нѣтъ и не можетъ быть никакой военной науки, и потому не можетъ быть никакого военнаго генія*. Мы не находимъ, чтобы это было ужъ такъ очевидно. Поэзія, какъ наука, такъ же немыслима, какъ и наука войны; но именно потому-то намъ и понятенъ поэтическій геній. Чутьемъ угадать то, что не подчинено законамъ точнаго вычисленія, угадать сердце людей и ихъ тайные помыслы; оцѣнить вѣрно скрытыя пружины ихъ побужденій и пророческимъ взглядомъ предвидѣть поступки ихъ:—сосредоточить въ себѣ, какъ въ фокусѣ, вдохновеніе цѣлой націи и об-

ратнымъ путемъ вдохновить нестройную массу своимъ огнемъ, стать думою несмѣтнаго множества, итогомъ общественнаго сознанія: — какая наука можетъ этому научить?.. Это—врожденное дарованіе, и высшую степень этого дарованія мы называемъ *геніемъ*.

Нѣчто подобное мы находимъ въ Наполеонѣ 1-мъ. Онъ не былъ Гомеромъ; но эпопея, которую онъ создалъ, нисколько не хуже какой-нибудь Иліады. Если-бъ это былъ просто ученый тактикъ или стратегикъ, въ родѣ Вейротера или Пфуля, то объ немъ, разумѣется, и рѣчи не было бы; но онъ сумѣлъ сдѣлать то, чего ни Пфулямъ ни Вейротерамъ никогда и во снѣ не снилось. Онъ угадалъ духъ націи, и усвоилъ его себѣ въ такомъ совершенствѣ, что сталъ въ глазахъ милліоновъ людей живымъ его воплощеніемъ. И этотъ-то духъ объясняетъ намъ, почему его армія не была безсмысленнымъ стадомъ, которое какая-нибудь одна пугливая овца могла, въ любую минуту, сбить съ толку. Его армія—это былъ *онъ*. Сотни тысячъ людей охвачены были вдохновеніемъ одного, и вдохновеніе это для нихъ становилось единой душею, дѣлало ихъ единымъ тѣломъ этой души. Оно-то и было главною причиною его баснословныхъ успѣховъ, а не дурацкое счастье. Какого рода было оно, и это мы знаемъ, не изъ одной военной исторіи, разумѣется. Мы знаемъ, что никакой Наполеонъ не создалъ его, обморочивъ людей фиглярствомъ и звонкими фразами; а что это былъ естественный выходъ, естественное русло, въ которое повернулъ духъ революціи, окончившій первую часть своего дѣла внутри и вырвавшійся съ неудержимою силой наружу. Громадная сила бури, имъ поднятой, сокрушивъ всѣ препятствія, стоявшія у нея на пути, въ старомъ порядкѣ вещей, противъ котораго она первоначально была направлена въ самой Франціи, обратилась вдругъ противъ внѣшняго гнета европейской политики, ей враждебной, и опрокинула дряхлое зданіе этой политики вверхъ дномъ... Мы повторяемъ, Наполеонъ не создалъ силы этой. Онъ только сумѣлъ угадать ея гигантскій размѣръ и, одною рукою давая ей полный ходъ, дру-

гою сумѣлъ ее обуздать и направить. И не одни только выигранныя сраженія нужны были для того. Нужно было вскочить на этого бѣшенаго коня безъ стремени и усидѣть на немъ безъ сѣдла, и своею рукою продѣть ему въ ротъ желѣзныя удила:—а это было неизмѣримо труднѣе, чѣмъ бить пруссаковъ и австрійцевъ. Но онъ это сдѣлалъ — и конь, который сбросилъ съ себя всѣхъ другихъ сѣдоковъ, не могъ сбросить его... Вотъ истинный смыслъ Наполеоновской эпопеи и единственный ключъ къ разгадкѣ его баснословныхъ успѣховъ. Но когда подвигъ этотъ былъ выполненъ, тогда началось дѣло другого рода:—началась драма личнаго честолюбія и личнаго упоенія. Народный духъ сталъ принимать меньше участія въ ходѣ событій, и вся сила героя мало-по-малу сосредоточилась въ духѣ войска, опьяненнаго блескомъ несчетныхъ побѣдъ, боготворившаго свое знамя и своего предводителя. Наконецъ, однако и войско начало отрезвляться. Горькій опытъ мало-по-малу его убѣдилъ, что интересы его не совпадаютъ съ личными интересами или, вѣрнѣе сказать, страстями его предводителя, — что оно для него не болѣе какъ chair à canon и, наконецъ, что не все для него возможно. Тогда оно пало духомъ,—и его начали бить.

Всего этого не нужно бы было разсказывать, если бы мы не имѣли передъ собою военныхъ мудрствованій графа Толстого, звучащихъ какъ-то особенно странно въ виду простыхъ и въ наше время уже весьма очевидныхъ вещей, которыя почему-то кажутся ему непостижимыми безъ его мистическаго и еще менѣе постижимаго объясненія.

Всѣ актеры отечественной войны: русскіе и французы, Наполеонъ, и Барклай, и Кутузовъ, и войско, и русскій народъ: все это, по его объясненію, были простыя пѣшки въ рукахъ судьбы. Ихъ страсти, замыслы, цѣли и ихъ одушевленіе тутъ не при чемъ. Все совершилось такъ, какъ оно совершилось, не потому, чтобы кто-нибудь изъ совершающихъ хотѣлъ этого или сдѣлалъ для этого что-нибудь а потому, что оно такъ должно было быть... Ясно, не правда-ли? Наполеону и войску его предвѣчно опредѣлено было войти въ

Россію и тамъ погибнуть. Это былъ декретъ рока, который игралъ свою игру, а люди служили ему безсознательными игрушками. Но мы позволимъ себѣ спросить у автора: не похоже-ли это отчасти на число 666 и на предѣлъ, положенный власти звѣря? И что это за игра судьбы? И съ кѣмъ это она играетъ? И можетъ-ли она проиграть въ этой игрѣ, или играетъ навѣрняка, а проигрываютъ тоже навѣрняка и постоянно эти несчастныя живыя игрушки, которыми она забавляется? И какъ давно началась эта игра? Не обхватываетъ-ли она всю исторію человѣчества и всѣ войны отъ Кира до послѣдней кампаніи пруссаковъ въ 66 году? И если такъ, то не входятъ-ли въ ея программу: вся кровь, пролитая на несчастныхъ поляхъ сраженія, всѣ пожары. и грабежи, и обманы, и низости, и всѣ стоны раненыхъ, изувѣченныхъ, слезы осиротѣвшихъ?... И если да, то для какой же таинственной цѣли нужна судьбѣ этого рода потѣха?... Согласитесь, что это немножко неясно и немножко... какъ бы сказать... возмутительно;—особенно если личныя цѣли милліоновъ живыхъ существъ тутъ ни при чемъ, и никто изъ нихъ не понимаетъ того, что онъ дѣлаетъ, а всѣми поступками ихъ управляетъ рокъ, влекущій ихъ къ цѣли, для нихъ чужой и имъ неизвѣстной... Какая бы ни была эта цѣль и хотя бы она была даже, какъ увѣряетъ насъ авторъ, великая, нельзя-же не согласиться, что средства, употребляемыя къ ея достиженію, не совсѣмъ благовидны. Положимъ, нужно было наказать Францію и Наполеона, хотя и трудно сказать за что, если все, и исторія Франціи и карьера Наполеона были продуктомъ той же игры, того же фатальнаго предназначенія; но допустимъ, что Франціи все-таки по дѣломъ:—не суйся; спрашивается: за что же Россія-то тутъ страдала? За что ея села были разграблены, ея города горѣли, и кровь бѣдныхъ ея дѣтей лилась, какъ вода?... Ясно, что, разсуждая этимъ путемъ, мы если и не придемъ прямо къ звѣрю и знаку его, то, конечно, и дальше этого не уйдемъ; а потому: не проще ли уже прямо остановиться на этомъ? Это, по крайней мѣрѣ, осязательно и не требуетъ никакихъ доказательствъ. Число

такое, имя съ нимъ сходится совершенно; ну и конецъ. Мы не стали бы говорить такъ долго объ этомъ призракѣ фатализма, если бы онъ у автора служилъ возраженіемъ только противъ педантства какого-нибудь Пфуля. Но авторъ основывалъ на немъ такіе выводы, которые, если бы ими стали руководиться, могли бы имѣть послѣдствія самыя гибельныя. Онъ говоритъ, напримѣръ, опять устами князя Андрея, что *исходъ битвы никогда не зависѣлъ и не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа.* Одинъ духъ войска и твердая рѣшимость всѣхъ отъ послѣдняго солдата до генерала выиграть битву что-нибудь значатъ (конечно, только тогда, если войску назначено побѣдить). Мы говоримъ: выводъ этого рода, если-бъ онъ принятъ былъ къ руководству въ военномъ дѣлѣ однимъ изъ противниковъ, имѣлъ бы самыя гибельныя послѣдствія. Что можетъ сдѣлать самое вдохновенное войско и самымъ непоколебимымъ образомъ увѣренное, что ему суждено побѣдить, если оружіе его заряжается въ десять разъ медленнѣе, а выстрѣлы не хватаютъ на половину того разстоянія, съ котораго непріятель можетъ лупить его безнаказанно? Оно можетъ, конечно, идти на непріятеля и опрокинуть его, если тотъ захочетъ его дожидаться, и если оно успѣетъ дойти, не потерявъ подъ огнемъ три четверти своего числа. Но даже и это средство не всегда для него доступно. Оно можетъ быть въ такомъ положеніи или, технически говоря, *позиціи*, что ему ни впередъ идти ни развернуться нельзя, а иногда и уйти невозможно. Кое-что стало быть значатъ: и способъ вооруженія, и позиція, и число. Каковъ бы тамъ ни былъ духъ и вѣра въ предназначеніе, а на стѣну не полѣзешь и съ палками вмѣсто ружей не выиграешь сраженія. Короче сказать, есть такія простыя, естественныя механическія или техническія условія, которыя духъ не въ состояніи одолѣть, и отъ которыхъ самый игривый случай не увернется. Но *предназначеніе* увернется; потому что *предназначеніе* весьма осторожно. Оно никогда не рискнетъ дать промахъ, высказавъ свой декретъ прежде, чѣмъ дѣло кончено. Оно втихомолку выждетъ и дастъ людямъ погибнуть или спастись, а

потомъ, когда все уже совершилось и стало извѣстнымъ, вдругъ обнаружится, что все это *предназначено* было такъ. Подобнымъ образомъ оно поступило и въ дѣлѣ Наполеона. Оно, молча, дало ему сыграть партію до конца, и уже послѣ заявило во всеуслышаніе, что партія эта *должна была быть* проиграна не потому, что ее велъ шулеръ (мало ли шулеровъ играютъ всю жизнь безъ проигрыша?),—а потому, что такъ было опредѣлено въ книгѣ судебъ... Не ясно ли, что это только пустая формула, которую можно вывернуть на изнанку, нисколько не измѣнивъ ея содержанія. Существенный смыслъ его останется тотъ же: столь же толковъ или нелѣпъ, справедливъ или несправедливъ, какъ и безъ этой фатальной конструкціи, и ни одной іоты его не убудетъ и не прибудетъ, не станетъ яснѣе или темнѣе. Одно, что можетъ имѣть еще положительный смыслъ, это если кто-нибудь увѣруетъ, какъ увѣровалъ Пьеръ, что мѣра и способъ его участія въ общемъ дѣлѣ опредѣлены предвѣчно, и что поэтому ничего не слѣдуетъ дѣлать, а слѣдуетъ ждать. Что случится, тому значитъ такъ и слѣдовало быть... Но Пьеръ, къ счастію, не былъ главнокомандующимъ... Ну а если бы былъ, и если-бъ все русское войско, весь русскій народъ раздѣлялъ его вѣрованіе?... Хороши бы мы были тогда, и задали бы намъ такого предопредѣленія!...

Н. Ахшарумовъ.

Александръ I.

*) О царствованіи Александра I у насъ существовало до сихъ поръ въ обществѣ понятіе, если не совсѣмъ ложное, то слишкомъ смутное, неопредѣленное, неуловимое. Мы привыкли повторять въ общихъ выраженіяхъ о безконечной сердечной добротѣ Александра—только. Новѣйшія изслѣдованія и обнародованные въ послѣднее время документы, по

*) „Голосъ“ 1868 г., № 11. „Библіографія и журналистика“.

отношенію ко второй половинѣ царствованія Александра I-го, указываютъ и на другія стороны этого царствованія, на другія стороны того времени, когда обнаружилось какое-то боязливое обереженіе Россіи отъ мнимыхъ опасностей, сопряженныхъ, будто бы, съ чрезмѣрнымъ умственнымъ развитіемъ. Первые три тома романа графа Толстого еще не вводятъ насъ въ этотъ періодъ, но даютъ уже предчувствовать его характеристическія черты. Хотя у автора вообще очень мало говорится о личности Александра, но мастерскою характеристикою тогдашняго высшаго русскаго общества и нѣкоторыхъ изъ государственныхъ дѣятелей того времени, графъ Толстой психологически объясняетъ свѣтлыя стороны характера Александра и то восторженное обожаніе, которое возбуждалъ онъ во всѣхъ своихъ приближенныхъ, во всѣхъ, кто хоть разъ видѣлъ его или слышалъ, во всемъ, наконецъ, русскомъ народѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ романъ выводитъ на сцену и тѣ элементы, подъ вліяніемъ которыхъ долженъ былъ такъ измѣниться характеръ эпохи.

Александръ былъ сыномъ своего вѣка. Блестящее внѣшнее образованіе; ранняя привычка разбирать свои недостатки и съ грустью сознавать ихъ; стремленіе къ идеализму, неземному совершенству, наклонность къ мистицизму, отвлеченный, умозрительный взглядъ на человѣчество вообще и на русскій народъ особенно; восторженное. жгучее желаніе стать благодѣтелемъ человѣчества, раскрыть вселенной свои братскія объятія и въ то же время невольное, воспитаніемъ и образомъ жизни развитое равнодушіе ко всему русскому — вотъ главныя черты характера лучшихъ людей того времени. Эти черты отражались отчасти и въ характерѣ Александра. Присоедините къ нимъ молодость, красоту, впечатлительность натуры, безконечную доброту и мягкость сердца, и вы поймете то обаятельное дѣйствіе, которое производила на всѣхъ личность императора, то сердечное обожаніе, которое онъ возбуждалъ къ себѣ во всѣхъ. Этими чертами объясняется и порывъ лично вести свои войска на бой, порывъ, окончившійся Аустер-

лицемъ; ими объясняется и жажда преобразованій, предпринимавшихся кабинетнымъ путемъ, при непрерывномъ дѣйствіи цѣлаго легіона разныхъ комиссій, и потомъ внезапно оставляемыхъ: этими же чертами объясняются и преимущественныя политическія льготы, дарованныя полякамъ въ ущербъ политическимъ правамъ русскаго народа: любя все человѣчество и желая благоденствія всему міру, невольно дѣлаешься слегка космополитомъ и начинаешь съ благодѣяній, результаты которыхъ виднѣе и непосредственнѣе. Франція не могла не превозносить великодушія побѣдителя, не захотѣвшаго воспользоваться плодами великолѣпныхъ побѣдъ своихъ. Европа не могла не рукоплескать Александру, когда онъ противъ воли, согласившись присоединить къ своимъ владѣніямъ часть Польскаго королевства, не захотѣлъ, однако, совершенно слить ее съ ними, предоставивъ ей политическую автономію и осыпавъ поляковъ милостями и преимуществами. А Россія?.. Слѣдуя только влеченію своего сердца, съ жаромъ принялся Александръ за преобразованія въ своемъ отечествѣ; но благородный порывъ доброй души переносилъ его дальше предѣловъ возможнаго; онъ желалъ бы немедленныхъ благословеній, признательности отъ народа, тогда какъ только медленнымъ путемъ внутренней переработки могли приняться на русской землѣ корни предположенныхъ въ ней преобразованій. Притомъ, въ самой средѣ приближенныхъ своихъ не всегда видѣлъ онъ полное сочувствіе, и самыя иногда либеральныя изъ его намѣреній (какъ, напримѣръ, мысль объ освобожденіи крестьянъ) встрѣчали отпоръ со стороны большинства его совѣтниковъ. Александръ охладѣлъ къ преобразованіямъ. А тутъ еще подоспѣли геройскіе подвиги 1812—1815 годовъ, и послѣ ореола этой громкой, этой поэтической славы избавителя народовъ тяжело было уже приниматься за работу, благодѣтельные результаты которой Богъ знаетъ еще когда окажутся. Александръ желалъ идеальнаго совершенства на землѣ: онъ требовалъ этого совершенства и отъ себя и отъ другихъ; не найдя его въ мірѣ, наталкиваясь чаще на слабости и недостатки человѣка, чѣмъ на его

доблестныя свойства, онъ скорбѣлъ, ощущалъ внутреннее недовольство. Склонная къ отвлеченностямъ душа его легко покорилась вліянію мистицизма, и, отвернувшись отъ земныхъ дѣлъ, государь предоставилъ вести ихъ хотя Аракчеевымъ, за собою удержавъ только дѣла филантропическія, входившія также въ кругъ ученія тогдашнихъ мистиковъ... Все это нигдѣ не выражено прямо въ романѣ графа Толстого, но это чувствуется въ каждой строкѣ его: общее недовольство, общее разочарованіе, общее мучительное исканіе идеаловъ составляетъ главный фонъ романа.

„Голосъ“ 1868 г.

Николай Болконскій (отецъ).

*) Фигура стараго князя Николая Андреевича Болконскаго, по силѣ изображенія, превосходитъ все, что авторъ когда-нибудь создавалъ. Этотъ типъ русскаго барина старыхъ временъ до того живъ, что мы видимъ его передъ собой, какъ бы безъ посредства разсказа, рамка котораго исчезаетъ въ цѣлости впечатлѣнія. Мы видимъ передъ собой человѣка съ рѣдкимъ умомъ и съ рѣдкою прямотою сердца, человѣка, способнаго сильно любить и ненавидѣть, крутого, брюзгливаго, пылкаго, своенравнаго старика. Говорятъ, будто бы это портретъ, но если такъ, то слѣдуетъ согласиться, что портретъ не польщенъ. Какъ въ самой природѣ этого человѣка все хорошее спрятано было глубоко на днѣ и придавлено ложнымъ стыдомъ, а дурное кидалось открыто и ярко въ глаза; такъ и въ разсказѣ объ немъ авторъ едва намекаетъ на его неоспоримыя достоинства; но онъ казнитъ безпощадно его недостатки. Всѣ мелочи самолюбія, все безобразіе самодурства, всѣ слабыя и смѣшныя стороны выставлены на видъ и описаны до послѣдняго волоска. Въ результатѣ мы видимъ человѣка, весьма замѣчательнаго, конечно, и самобытнаго, но вмѣстѣ видимъ и то, до

*) „Всемірный Трудъ“ 1868 г., № 4. Статья Н. Ахшарумова.

какой степени человѣкъ этотъ въ общемъ итогѣ мелокъ. Не зная даже ни слова о его прошлой дѣятельности, съ одного взгляда на его рѣзко очерченный типъ, мы убѣждаемся, что люди подобнаго рода, несмотря на ихъ умъ и полный просторъ, открытый ихъ дѣятельности, не могли играть въ жизни общественной никакой крупной роли, потому что у нихъ недоставало практической жилки. У нихъ было слишкомъ много причудъ и мелочной, педантической требовательности. Они неспособны были ни уступить въ чемъ нибудь, какъ бы ни было это что-нибудь мелко въ сравненіи съ главною ихъ задачею, ни войти въ сдѣлку съ кѣмъ бы то ни было, какъ бы ни былъ имъ этотъ кто-нибудь нуженъ для достиженія предположенной цѣли. Такихъ людей трудно себѣ представить не только въ роли временщика и во главѣ правленія, на аренѣ борьбы политической, но даже и просто въ тѣсной связи съ кѣмъ бы то ни было, не подчиненнымъ слѣпо ихъ произволу. Это особняки, чудаки и упрямцы неизлѣчимые. Они только и могутъ дышать тамъ, гдѣ ничто не перечитъ имъ, гдѣ каждый взглядъ ихъ подобострастно угадывается, гдѣ каждое слово ихъ составляетъ законъ для всего окружающаго, гдѣ есть возлѣ нихъ какое-нибудь слабое безгранично-преданное имъ существо, надъ которымъ они могутъ съ утра до вечера упражнять свою волю. Поэтому-то единственная привольная для нихъ сфера жизни у насъ, въ Россіи, въ минувшія времена не шла дальше маленькаго тиранства въ кругу своихъ крѣпостныхъ и семейныхъ рабовъ. Заѣсть жизнь какой-нибудь мученицы, княжны Марьи, или выдрессировать какого-нибудь Алпатыча такъ, чтобъ онъ не имѣлъ ни воли, ни мысли внѣ воли и мысли своего господина, были единственные доступные для нихъ подвиги. Такими людьми можно было интересоваться, можно было даже любить ихъ на разстояніи; — вблизи, всякій несломанный и непорабощенный ими долженъ былъ неминуемо стать ихъ врагомъ. Человѣкъ этотъ выходитъ на сцену уже старикомъ, отжившимъ свой вѣкъ и прежде всего требующимъ покоя, что и даетъ ему его мнимо-консервативный оттѣнокъ. Но не трудно замѣтить подъ этимъ

нажитымъ консерватизмомъ нѣчто совсѣмъ иное. Не трудно замѣтить, что духъ обновленія, въ свою пору, коснулся этого человѣка; что это—натура, уже поступившая въ передѣлку; что онъ былъ протестантъ въ свое время и до конца остался рѣшительнымъ теоретикомъ; — короче сказать, что и онъ представляетъ собой не исконную старину, а типъ переходнаго времени.

Н. Ахшарумовъ.

Долоховъ.

*) Другой воинственный типъ (первый Денисовъ), хотя и до крайности грязный, но съ тѣмъ же геройскимъ закаломъ мы видимъ въ Долоховѣ. Онъ былъ дуэлистъ и шулеръ, негодяй и мерзавецъ, стало быть, несомнѣнный; но тамъ, гдѣ нужна отвага, ни передъ чѣмъ не задумывающаяся, или холодная, ясная голова, передъ лицомъ бѣды, почти неминуемой, тамъ этотъ мерзавецъ и негодяй является намъ богатыремъ чисто-русской породы. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые, вытаращивъ глаза и обезумѣвъ отъ ужаса и задора, наскакиваютъ на непріятеля, не видя и не понимая, что происходитъ вокругъ... „*Это что-то не русская храбрость*", —говоритъ Лермонтовъ,—и мы вѣримъ Лермонтову.

По поводу этого вопроса о свойствѣ военной храбрости мы не желаемъ, да и не можемъ, конечно, спорить съ графомъ Толстымъ. Мы скажемъ только, что графъ Толстой, какъ художникъ, и графъ Толстой, какъ философъ, часто противорѣчатъ другъ-другу. Авторъ художественнымъ чутьемъ понялъ такихъ людей, какъ Долоховъ. Онъ понялъ, что они не мечтатели, что ихъ сила не тратится преждевременно на мысленное представленіе себѣ дѣла, ихъ ожидающаго, и на то безплодное забѣганіе впередъ, на то сентиментальное заигрываніе съ воображаемыми событіями, которое свойственно людямъ, способнымъ больше страдать и думать, чѣмъ дѣйствовать. Онъ понялъ, что высшій моментъ

*) „Всемірный Трудъ" 1868 г., № 4. Статья Н. Ахшарумова.

напряженія ихъ нравственной и физической силы есть именно и почти исключительно моментъ самаго дѣла, что и даетъ имъ возможность въ этотъ моментъ видѣть лучше, думать яснѣе и поступать толковѣе. Сказать объ нихъ, что они сохраняютъ въ опасности обыкновенную степень присутствія духа, будетъ невѣрно; а гораздо вѣрнѣе сказать, что опасность выводитъ ихъ изъ этой обыкновенной степени и приводитъ въ другую, высшую, на которую они неспособны подняться безъ сильнаго возбужденія. Они изъ тѣхъ игроковъ, которые лучше играютъ на крупный кушъ, чѣмъ на мелкій, и чѣмъ крупнѣе ставка, чѣмъ гибельнѣе потеря ея, тѣмъ лучше могутъ они вести игру и тѣмъ меньше ошибокъ способны сдѣлать. Они, можетъ быть, не пройдутъ по узкой дощечкѣ, если она положена на полу и не гнется подъ тяжестью ихъ шаговъ, но если та же дощечка виситъ надъ пропастью, пройдутъ непремѣнно. И авторъ, конечно, видалъ подобныхъ людей, иначе онъ не очертилъ бы такъ мѣтко Долохова... Но авторъ, переходя отъ художественной оцѣнки характеровъ къ ихъ анализу, а отъ анализа къ общимъ психологическимъ выводамъ, теряетъ, повидимому, изъ глазъ всѣ различія этого рода.

Въ его аналитическомъ изображеніи человѣка всѣ люди выходятъ у него одинаковы. Всѣ они скроены на одинъ покрой; всѣ передъ дѣломъ и между дѣломъ и послѣ дѣла мечтаютъ и фантазируютъ, а въ рѣшительную минуту или совсѣмъ теряются и становятся чисто-пассивной игрушкой случая, или дѣйствуютъ подъ вліяніемъ необузданнаго, слѣпого порыва, не обусловленнаго никакою постоянною складкою въ ихъ характерѣ и въ ихъ образѣ мыслей, а потому тоже случайнаго. Типы свои онъ чертитъ смѣлою, мастерскою рукою, и въ общемъ рисунокъ ихъ вѣренъ; но въ подробности этотъ рисунокъ рѣдко бываетъ оконченъ съ тѣмъ совершенствомъ, какое мы видимъ въ *портретахъ* стараго князя Болконскаго, Кутузова, Васьки Денисова и еще нѣсколькихъ...

Н. Ахшарумовъ.

Денисовъ.

*) Представители воинственнаго, боевого типа не жили въ будущемъ и не двигали ничего впередъ. Они были прямые сыны своего времени, исключительные его отпечатки, и съ нимъ оканчивается все ихъ призваніе. Но они были *герои*. Они отстояли Россію въ ту пору, когда все гнулось и трепетало подъ бурею, на нее налетѣвшею. Они безъ хитраго умствованія своимъ практическимъ смысломъ поняли ясно, что нужно дѣлать...

— „Дайте мнѣ 500 человѣкъ“, говоритъ Васька Денисовъ Кутузову; — я г'азог'ву ихъ... Честное, благо'одное слово 'усскаго офице'а, что я г'азог'ву сообщеніе Наполеона“,—и онъ сдержалъ это слово.

Вглядываясь въ черты этой геройской фигуры, мы находимъ въ нихъ что-то знакомое, и безъ ошибки можемъ сказать, что онѣ встрѣчаются намъ не въ первый разъ въ русской литературѣ. Нѣчто до крайности сходное очерчено уже было смѣлой рукой одного изъ живыхъ прототиповъ Денисова, и это даетъ намъ возможность закончить его портретъ, добавивъ, что люди такого закала, на оборотѣ ихъ лицевой стороны, могли быть и чѣмъ нибудь, кромѣ лихихъ удальцовъ. Они могли быть, пожалуй, даже *поэтами*; но и поэзія ихъ носила ту же печать непокривленной, несломанной, цѣльной природы, и въ ней все было такъ же свѣтло, ясно и просто, какъ ясенъ и простъ лежитъ передъ нами ихъ честный, геройскій путь. и какъ свѣтло рисуются въ памяти нашей ихъ богатырскія лица. Люди этого рода не сомнѣвались въ себѣ, также какъ они не сомнѣвались въ смыслѣ той жизни, которая ихъ окружала. Она отвѣчала вполнѣ на ихъ немудреныя требованія. Они чувствовали себя изъ одного куска съ ней, въ полномъ согласіи съ ней, и имъ было легко дышать ея воздухомъ, привольно двигаться въ ея сферѣ, какъ рыбѣ въ водѣ... И поэзія ихъ

*) „Всемірный Трудъ“ 1868 г., № 4. Статья Н. Ахшарумова.

напряженія ихъ нравственной и физической силы есть именно и почти исключительно моментъ самаго дѣла, что и даетъ имъ возможность въ этотъ моментъ видѣть лучше, думать яснѣе и поступать толковѣе. Сказать объ нихъ, что они сохраняютъ въ опасности обыкновенную степень присутствія духа, будетъ невѣрно; а гораздо вѣрнѣе сказать, что опасность выводитъ ихъ изъ этой обыкновенной степени и приводитъ въ другую, высшую, на которую они неспособны подняться безъ сильнаго возбужденія. Они изъ тѣхъ игроковъ, которые лучше играютъ на крупный кушъ, чѣмъ на мелкій, и чѣмъ крупнѣе ставка, чѣмъ гибельнѣе потеря ея, тѣмъ лучше могутъ они вести игру и тѣмъ меньше ошибокъ способны сдѣлать. Они, можетъ быть, не пройдутъ по узкой дощечкѣ, если она положена на полу и не гнется подъ тяжестью ихъ шаговъ, но если та же дощечка виситъ надъ пропастью, пройдутъ непремѣнно. И авторъ, конечно, видалъ подобныхъ людей, иначе онъ не очертилъ бы такъ мѣтко Долохова... Но авторъ, переходя отъ художественной оцѣнки характеровъ къ ихъ анализу, а отъ анализа къ общимъ психологическимъ выводамъ, теряетъ, повидимому, изъ глазъ всѣ различія этого рода.

Въ его аналитическомъ изображеніи человѣка всѣ люди выходятъ у него одинаковы. Всѣ они скроены на одинъ покрой; всѣ передъ дѣломъ и между дѣломъ и послѣ дѣла мечтаютъ и фантазируютъ, а въ рѣшительную минуту или совсѣмъ теряются и становятся чисто-пассивной игрушкой случая, или дѣйствуютъ подъ вліяніемъ необузданнаго, слѣпого порыва, не обусловленнаго никакою постоянною складкою въ ихъ характерѣ и въ ихъ образѣ мыслей, а потому тоже случайнаго. Типы свои онъ чертитъ смѣлою, мастерскою рукою, и въ общемъ рисунокъ ихъ вѣренъ; но въ подробности этотъ рисунокъ рѣдко бываетъ оконченъ съ тѣмъ совершенствомъ, какое мы видимъ въ *портретахъ* стараго князя Болконскаго, Кутузова, Васьки Денисова и еще нѣсколькихъ...

Н. Ахшарумовъ.

она не могла: она могла только замѣтить неизбѣжное явленіе и страшилась за участь Наташи. Не одной матери знакомъ этотъ страхъ; не одна изъ нихъ, встрѣчая первыя проявленія молодыхъ силъ дочери и зная жизнь, которая ожидаетъ ее впереди, съ ужасомъ спрашивала себя: „къ чему ей онѣ?“ и пыталась задавить эти молодыя силы, для которыхъ, когда онѣ выростутъ, станутъ тѣсны рамки жизни. Многимъ удавалось это. Графиня осталась при одномъ опасеніи.

Наташа выросла прелестной дѣвушкой; жизнь молодая, счастливая, такъ и бьетъ въ ея смѣхѣ, взглядѣ, въ каждомъ словѣ, движеніи; въ ней нѣтъ ничего искусственнаго, разсчитаннаго, никакой дрессировки барышень; каждая мысль, каждое впечатлѣніе отражается въ свѣтлыхъ глазахъ ея; она вся—порывъ и увлеченіе. Она очаровываетъ всѣхъ: рубака Денисовъ пишетъ стихи молодой волшебницѣ, когда ей всего пятнадцать лѣтъ; благодушный Борисъ забываетъ свои планы о карьерѣ и влюбляется въ бѣдную дѣвушку; князь Андрей, несмотря на свой первый горькій опытъ, увидѣвъ ее на балѣ, рѣшаетъ, что она будетъ его женой; масонъ Безуховъ освѣжается любовью къ ней отъ своихъ мучительныхъ думъ надъ жизнью. Чтобы имѣть такое чарующее вліяніе на людей самыхъ противоположныхъ характеровъ, мало одной внѣшней красоты — великолѣпная красавица Эллемъ Безухая не имѣетъ его, для этого нужна сила, жизнь, таящаяся подъ этой внѣшней красотой, то, что князь Андрей звалъ прекрасной душой Наташи. Это чарующее вліяніе имѣетъ Наташа и на домашнихъ: братъ Петя безпрекословно повинуется ея слову; слуги, самые угрюмые и ворчливые, съ радостью кидаются исполнять ея приказанія, хотя она часто тормошитъ и разсылаетъ ихъ понапрасну. Наташа знаетъ свою силу и любитъ пробовать ее. Она кокетка, но кокетство ея не привычное, игривое кокетство хорошенькихъ женщинъ, не ребяческія ужимки, надуванье губокъ, глазки маленькой княгини, не цѣховое кокетство невѣстъ, разсчитывающее на жениховъ повыгоднѣе, не обдуманное кокетство опытной

свѣтской красавицы, хладнокровно завлекающей въ свои сѣти новыя жертвы для потѣхи своего тщеславія,—кокетство Наташи совершенно невольно, естественно, оно часть ея самой. Она съ дѣтства привыкла восхищать всѣхъ собою, ей необходимо это восхищеніе, она счастлива имъ, какъ счастлива прекрасной лѣтней ночью, своимъ пѣніемъ, милымъ славнымъ братомъ, своей красотой. „Вотъ она—я“, говоритъ она любуясь собой, „вотъ какова я, любуйтесь мною“, говоритъ ея кокетство. Кокетство въ Наташѣ—это молодая сила, которая кипитъ въ ней, ея потребность радостей жизни, наслажденій. Оно еще тѣмъ неотразимѣе, что въ Наташѣ въ высшей степени обладаетъ чуткость сердца, которую считаютъ отличительнымъ свойствомъ женской природы, и которая даже, по мнѣнію многихъ, вполнѣ можетъ замѣнить женщинѣ умъ, опытъ, знаніе жизни. Что женщины обладаютъ этимъ свойствомъ—это неоспоримый фактъ, но оно можетъ развиться единственно благодаря полному бездѣйствію мысли; умъ, не занятый болѣе серьезными интересами, весьма естественно сосредоточивается на мелочахъ; способность понимать и подмѣчать малѣйшіе оттѣнки голоса, взглядъ, малѣйшія выраженія лица изощряется: а въ этихъ мелочахъ именно всего труднѣе слѣдить за собой, въ нихъ невольно прорывается мысль, чувство, которое желали бы скрыть, и женщины, на основаніи этихъ едва уловимыхъ мелочей, угадываютъ иногда безошибочно характеры и дѣлаютъ поразительно вѣрныя заключенія; но эта чуткость можетъ служить отличнымъ руководителемъ въ гостиныхъ, въ дружескомъ и семейномъ кругу; но чуть только женщинѣ приходится выйти на широкій путь жизни или рѣшаться на смѣлый шагъ, эта чуткость оказывается вполнѣ несостоятельной. Въ Наташѣ много еще природнаго ума; во всѣхъ ея спорахъ съ братомъ Николаемъ она постоянно одерживаетъ верхъ, она очень мѣтко опредѣляетъ характеръ Бориса, говоря, что онъ узкій и сѣрый:—это и есть именно то впечатлѣніе, которое производятъ люди, подобные Борису, неспособные къ крупной подлости и чернотѣ, но которые рядомъ нечистыхъ,

сѣренькихъ поступковъ идутъ своей узенькой дорожкой къ своей маленькой цѣли. Но все это какъ искра вспыхиваетъ въ Наташѣ, и погасаетъ, не разгорѣвшись въ свѣтлое пламя—въ ней развито одно чувство: страстность, жажда любви. Еще тринадцатилѣтней дѣвочкой она влюбляется въ Бориса и цѣлуется съ нимъ, обѣщая быть его женой; потомъ въ учителя пѣнія, потомъ въ Пьера Безухаго, потомъ опять въ Бориса, того самаго Бориса, котораго зоветъ узкимъ и сѣрымъ. Она мечтаетъ о любви, поетъ о ней, разсуждаетъ съ Соней. Она влюбляется въ князя Андрея на балѣ и чувствуетъ, что любовь ея не похожа на прежнія мимолетныя увлеченія. „Вотъ она настоящая", говоритъ она,—та любовь, о которой она мечтала, которая должна составить счастье ея жизни. Наташа разгадываетъ со свойственной ей чуткостью все превосходство князя Андрея надъ другими; она, эта избалованная, своевольная дѣвочка подчиняется ему совершенно. „Чего онъ ищетъ во мнѣ? что если онъ не найдетъ во мнѣ того, что онъ ищетъ?" спрашиваетъ она себя въ тревогѣ. Мысль готова пробудиться въ ней. Если бы князь Андрей понялъ силы, бродившія въ Наташѣ, онъ поспѣшилъ бы привязать къ себѣ эту богатую натуру, но князь Андрей ничего особеннаго и не искалъ въ ней, онъ только хотѣлъ знать, не такая-ли она куколка, какъ его первая жена, и остался вполнѣ доволенъ Наташей, какою она была: чистотой ея прекрасной души и отзывчивостію ея на каждое чувство. Князь Андрей, опасаясь молодости Наташи, хочетъ дать ей время испытать свое чувство, но болѣе всего онъ повинуется выживающему изъ ума отцу, который считаетъ родство съ Ростовыми унизительнымъ для рода Болконскихъ,—и уѣзжаетъ, отложивъ свадьбу на годъ. Наташа оскорблена; она понять не можетъ, какъ можно жертвовать чему-либо любовью, она тоскуетъ. „Кромѣ отсутствія любимаго человѣка, Наташу неотступно пугаетъ мысль, что у ней даромъ, ни для кого пропадаетъ время, которое ушло бы на любовь къ нему". Этими словами авторъ очень мѣтко опредѣлилъ женскую любовь. Любовь для мужчины счастье, отдыхъ, наслажденье,

для женщины, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя она поставлена — это дѣло жизни, это самая жизнь. Нѣтъ любви — и жизнь ея пропадаетъ даромъ, не для себя живетъ женщина, а для другого. „Ей оскорбительно было думать, говоритъ далѣе авторъ, что тогда, когда она живетъ мыслью о немъ, онъ живетъ настоящей жизнью, видитъ новыя мѣста, новыхъ людей, которыхъ она не знала". Какой любящей женщинѣ не приходила на умъ эта мысль, что тогда, какъ все для нея въ любимомъ человѣкѣ, у него есть своя собственная, особенная жизнь, въ которой ей нѣтъ мѣста, настоящая жизнь. Изъ узкихъ эгоистическихъ натуръ и такихъ же пылкихъ, какъ Наташа, эти мысли выработываютъ тѣхъ несносно нѣжныхъ женъ, которыя за то, что у нихъ ничего нѣтъ въ жизни, кромѣ любимаго человѣка, требуютъ, чтобъ и у него нечего не было, кромѣ ихъ собственной особы, терзаютъ его ревностью за каждую минуту, которая потрачена не на нихъ, за каждую мысль, которая не посвящена имъ. Въ Наташѣ это былъ первый проблескъ пробуждающагося въ женщинѣ .сознанія бѣдности своей и неравенства жизни съ жизнью мужчины, сознанія, которому суждено было высказаться вполнѣ черезъ цѣлое поколѣніе. Князь Андрей не дѣлаетъ никакой попытки ввести Наташу въ свою настоящую жизнь, и Наташа, потосковавъ, утѣшается, потому что здоровая натура ея неспособна вздыхать и томиться годами. Она съ новымъ увлеченіемъ отдается всѣмъ увеселеніямъ деревенской жизни. Скачка верхомъ, охота, русская пляска и пѣніе возбуждаютъ ее; подъ вліяніемъ этихъ ощущеній, Наташа чувствуетъ, что для нея прошелъ періодъ тихаго дѣвическаго чувства съ его свѣтлыми радостями. Для нея слишкомъ рано, вслѣдствіе ея организма и воспитанія, наступаетъ періодъ страсти. Она не хочетъ долѣе ждать своего счастья; оно нужно ей сейчасъ, сію минуту, и она съ горячими слезами кидается на шею матери и проситъ: „Дай мнѣ его, мама, дай мнѣ!" Но князь Андрей далеко, и неудовлетворенная страсть кидаетъ ее въ объятія Анатоля Курагина. Князь Андрей нашелъ потомъ, что все это очень

просто и гадко, но вольно же ему было мечтать о неземной дѣвѣ.

Наташа встрѣчается съ дерзкимъ волокитой, привыкшимъ къ побѣдамъ, и способнымъ испытывать къ женщинамъ только звѣрское чувство. Онъ дѣйствуетъ дерзко, наступательно, и смущаетъ неопытную дѣвушку своими взглядами. „Ей тѣсно и тяжело становится отъ нихъ, и она съ ужасомъ чувствуетъ, что между нимъ и ею нѣтъ нравственныхъ преградъ стыдливости, что она близка къ нему, какъ не была близка ни къ одному мужчинѣ въ жизни". И Наташа смотритъ на отца, ища у него объясненія этому тяжелому чувству, но старикъ Ростовъ способенъ только утѣшаться своими славными дѣтьми, да огорчаться, когда они больны, но неспособенъ понять, что̀ дѣлается съ его любимой дочерью. Наташѣ страшна эта непонятная власть надъ нею чужого человѣка; она не знаетъ, кого она любитъ, упрекаетъ себя въ измѣнѣ князю Андрею. Она не знаетъ у кого спросить совѣта. У Сони, но она, вѣрная своему прекраснодушному Николаю, не пойметъ ее. Она такая добродѣтельная, — говоритъ Наташа, — не понимая, что добродѣтель Сони—слѣдствіе ея натуры, вполнѣ удовлетворяющейся вышиваньемъ въ пяльцахъ да ожиданіемъ той минуты, когда ея прекраснодушный Николай назоветъ ее своей женой. Наташѣ не приходитъ въ голову спросить совѣта у матери, наслаждающейся блаженной увѣренностью, что дѣти ничего не скрываютъ отъ нея. Власть, которую имѣютъ родители надъ взрослыми дѣтьми, мѣшаетъ ихъ нравственному вліянію; останавливаясь въ нерѣшимости передъ неизвѣстнымъ шагомъ въ жизни, мы не пойдемъ спрашивать совѣта у людей, которые могутъ помѣшать этому шагу, и вся опытность родителей, которая могла бы предохранить дѣтей отъ многихъ горькихъ ошибокъ, пропадаетъ даромъ оттого, что ее насильственно навязываютъ. Сверхъ того, изъ примѣра Николая и Сони Наташа знаетъ, что для родителей ея всего важнѣе въ жизни сытный обѣдъ, и они рады доставить его дѣтямъ, даже цѣной ихъ собственнаго счастья. Поцѣлуй, насильно вырванный у ней Анатолемъ, оканчи-

ваетъ борьбу Наташи. Это любовь,—рѣшаетъ она,—и не колеблется ни минуты; она сама, не спросясь никого, пишетъ отказъ жениху — своеволіе, неслыханное въ дѣвушкѣ того времени, — соглашается на бѣгство съ Анатолемъ, и едва не погибаетъ жертвою того невѣдѣнія жизни, въ которомъ считаютъ необходимымъ воспитывать дѣвушекъ для сохраненія ихъ чистоты и невинности. Знай Наташа какого рода чувство влекло ее къ Анатолю, она поняла бы, что оно прилично развѣ такой женщинѣ, какъ Эллень Безухая — этому superbe animal, какъ прозвалъ ее Наполеонъ, и недостойно женщины, уважающей себя; она не дала бы громкаго имени любви чувству, котораго втайнѣ стыдилась, она сознательно устыдилась бы его, и оно, шевельнувшись на мигъ, пропало бы безъ слѣда. Какъ скоро предметъ названъ своимъ настоящимъ именемъ, онъ теряетъ свою призрачную силу. Но невѣдѣніе, молодость, жившая исключительно мечтами любви, романическій духъ времени — все раздуло нечистую искру въ огонь; пустой, бездушный повѣса превратился въ лучшаго, благороднѣйшаго, великодушнѣйшаго человѣка въ мірѣ; жертвовать для него всѣмъ: семьею, друзьями, будущностью стало величайшимъ счастіемъ въ жизни. Бѣгство открыто. На Наташу обрушивается благодѣтельное негодованіе ея крестной матери. Мерзавка, безстыдница и т. п. эпитеты щедрой рукой отсыпаются убитой дѣвушкѣ. О, мудрые руководители юношества! вы кидаете въ омутъ свѣта пылкаго, неопытнаго ребенка, не научивъ его понимать ни жизни, ни себя самого, и ставите ему въ преступленіе неизбѣжную ошибку его, вы сами, не понимая ея, восхищались этой молодой силой; вы не умѣли указать ей никакой другой цѣли, кромѣ радостей и наслажденій, и когда эта сила рвется къ нимъ за указанныя вами рамки, вы безжалостно обрушиваете на нее свое негодованіе, свое презрѣніе. Наташа сдѣлалась предметомъ сплетенъ цѣлой Москвы. Женихъ принимаетъ ея отказъ. Напрасно Пьеръ Безухій уговариваетъ его простить ее, припоминая ему тѣ прекрасныя вещи, которыя князь Андрей говорилъ ему по поводу его разрыва съ же-

ной; князь Андрей отдѣлывается жалкой уверткой: „Я сказалъ, что должно прощать, но не сказалъ, что могу простить“. Отъ человѣка дюжиннаго никто не въ правѣ требовать такого великодушія, но отъ одного изъ лучшихъ людей своего времени, мы имѣемъ полное право ожидать согласія между словомъ и дѣломъ. И притомъ, какая же разница! Онъ находилъ, что должно простить женщину развратную, неспособную къ искрѣ человѣческаго чувства, купившую великолѣпнымъ тѣломъ своимъ безхарактернаго мужа, котораго ненавидитъ, женщину, которая, благодаря своимъ связямъ и безстыдству, всегда сумѣла бы сохранить свое положеніе въ свѣтѣ, а не можетъ простить неопытной дѣвушкѣ увлеченія ея, когда онъ самъ оставилъ ее въ жертву всѣхъ искушеній, когда знаетъ, что его вторичное сватовство можетъ поднять въ глазахъ свѣта дѣвушку, искренно и горячо любившую его и все еще привязанную къ нему, потому что болѣе стыда, болѣе тоски о своей разбитой жизни ее мучаетъ мысль о томъ, что она заставила страдать его. И не чувство оскорбленной любви говоритъ въ немъ, а мелкое чувство оскорбленнаго самолюбія; князь Андрей Болконскій не можетъ идти по слѣдамъ Анатоля Курагина: „je ne puis pas marcher sur les brisées de ce monsieur“. Вотъ ради чего лучшій человѣкъ своего времени выказываетъ такую жалкую несостоятельность между словомъ и дѣломъ, и въ этой жалкой несостоятельности лучшаго человѣка своего времени высказывается вѣковой эгоизмъ мужчины, привыкшаго къ мысли, что женщина живетъ для него, что, разъ отдавшись ему, она составляетъ его неотъемлемую собственность. Невольно задаешь себѣ вопросъ: если такъ поступалъ въ отношеніи любимой женщины лучшій изъ людей своего времени, какъ же поступали остальные?

Наташа надолго потрясена. Она больна, но медицина оказывается несостоятельной излѣчить ее; раны любви излѣчиваетъ мистическая любовь; новыя, еще неиспытанныя ею впечатлѣнія страшныхъ прожитыхъ ею дней — религія, которая никогда не занимала большого мѣста въ жизни Росто-

выхъ, какъ въ жизни счастливыхъ людей. Но еще болѣе религіи излѣчиваетъ Наташу безмолвная, почтительная любовь Пьера Безухаго,—слова его въ отвѣтъ на жалобу Наташи, что теперь для нея все кончено въ жизни: „что будь онъ свободенъ, и не онъ, а лучшій человѣкъ въ мірѣ, онъ былъ бы счастливъ предложить ей руку“, что для нея не все кончено въ жизни, что для нея еще возможны любовь и счастіе. Нѣтъ вѣроятія, чтобы Пьеръ сталъ когда-нибудь свободнымъ, потому что такія женщины, какъ его супруга, неспособныя ни къ какому чувству, которое бы нарушило ихъ спокойствіе, и обожающія свое тѣло, вообще очень живучи; скорѣе всего ударъ положитъ конецъ безмолвной и почтительной любви добраго толстяка и лишитъ Наташу преданнаго друга и утѣшителя. Кѣмъ тогда утѣшится Наташа? Кромѣ любви, у нея нѣтъ ничего.

И все-таки Наташа, несмотря на всѣ ея ошибки, одна изъ лучшихъ женщинъ, скажемъ, рискуя навлечь на себя обвиненіе въ безнравственности. Она готова бросить своихъ родителей, но она, какъ натура пылкая, несравненно болѣе любитъ ихъ, чѣмъ сотни дѣвушекъ, которыя никогда не рѣшатся на такой поступокъ вовсе не изъ привязанности къ родителямъ, а чтобы не испортить свою карьеру. Она безъ сожалѣнія отказывается отъ одной изъ самыхъ блестящихъ партій въ Россіи, самое слово „партія“ не существуетъ для нея; она не признаетъ ни за кѣмъ власти рѣшать за нее; она, не сомнѣваясь, не колеблясь, идетъ, заслышавъ призывъ жизни. Разумѣется, это слѣпой порывъ, увлеченіе дѣвочки, которое едва не губитъ ее, а не сознательная сила самостоятельной женщины; но каждая сила въ первыхъ своихъ проявленіяхъ надѣлаетъ много бѣдъ, прежде чѣмъ успѣютъ обуздать и направить ее, да не въ томъ бѣда,—плохо, когда нечего ни обуздывать, ни направлять. Наташа не виновата въ своей ошибкѣ, какъ не виноваты дѣти, которыя, прельстившись блуждающими огнями, кинутся за ними и увязнутъ въ болотѣ; разумѣется тѣ, которыя струсили и не пошли, какъ ни манили ихъ эти красивые огоньки, поступили съ похвальной осторожностью

и благоразуміемъ, но отчего же все наше сочувствіе постоянно на сторонѣ этихъ смѣльчаковъ, какъ бы дорого они ни поплатились за свою ошибку? Оттого, что сила, даже въ уклоненіяхъ ея, всегда притягиваетъ къ себѣ, и нѣтъ ничего возмутительнѣе для живыхъ людей, какъ безсиліе—оно смерть.

Николаева.

* * *

*) Возлюбленная Андрея Болконскаго, Наташа Ростова, имѣетъ съ нимъ нѣчто родственное въ томъ смыслѣ, что и она не знаетъ, чего ей нужно и что именно она любитъ. Только у этой нѣтъ критики, разлагающей жизнь на мертвые и холодные элементы ея, и нѣтъ ничего болѣзненнаго. Это натура въ корнѣ здоровая и полная свѣжаго, сильнаго аппетита. Это огонь, который то свѣтитъ ярко, какъ солнце, то грѣетъ и жжетъ; но никогда не тухнетъ и не чадитъ. Въ ней есть что-то дикое, что никогда не знавало узды и не способно носить ее; и это-то дикое, эта сила природы, несломанной, цѣльной, эта естественная свобода движеній, не выдрессированныхъ никакою школой развитія, не захоложенныхъ никакою условною формой, даетъ ей ту прелесть чарующую, которую испытываютъ всѣ, близко къ ней прикасающіеся, начиная отъ Васьки Денисова до князя Андрея. Наташа—русская женщина до конца ногтей; но не это еще отличаетъ ее отъ другихъ лицъ, созданныхъ авторомъ, большая часть которыхъ оттого такъ и милы намъ, что русскій народный характеръ въ нихъ не затертъ и пробиваетъ живымъ ключомъ сквозь всѣ наносные элементы развитія. Въ Наташѣ не только онъ не затертъ, но онъ незнакомъ совершенно ни съ чѣмъ чужимъ и наноснымъ. Онъ весь налицо, и это лицо никогда не знавало маски. Все, что въ немъ есть хорошаго и дурного, все ясно, открыто. Это природа, не сглаженная, не тронутая рѣзцомъ

*) „Всемірный Трудъ" 1868 г., № 4. Статья Н. Ахшарумова.

искусства, потому неосѣдлая, неустойчивая. Стихійныя силы ея бродятъ въ просторѣ неограниченномъ; мотивы измѣнчивы, явленія неразумны и безсознательны, въ порывахъ нѣтъ удержу и нѣтъ мѣры. Она визжитъ въ дикомъ задорѣ, когда стая собакъ, на ея глазахъ, затравила зайца. Вспышка простой, половой горячности можетъ заставить ее забыть все на свѣтѣ и отдаться безъ всякой любви какому-нибудь красивому дураку въ родѣ Курагина... Она изъ баръ, но она не барыня. Эта графиня, воспитанная француженкой-эмиграткой и блестящая на балѣ у Нарышкиныхъ, въ главныхъ чертахъ своего характера ближе къ простому народу, чѣмъ къ своимъ свѣтскимъ сестрамъ и современницамъ. Она воспитывалась по-барски, но барское воспитаніе не привилось къ ней, или, вѣрнѣе сказать, отъ этого воспитанія къ ней привилось одно баловство. Наташа балованное дитя и останется имъ всю жизнь, какая бы перемѣна ни ожидала ее впереди. Нравственной высоты и благородства въ ней такъ же мало, какъ и въ ребенкѣ, и, какъ ребенокъ, она не знаетъ великодушія; вѣрность ей незнакома; она неспособна жить чужою жизнью, быть счастливой счастіемъ другихъ; неспособна стерпѣть ничего, ничѣмъ пожертвовать. Она понимаетъ одну только личную жизнь и личное наслажденіе. Но, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, она имѣетъ живое чутье и живое сочувствіе ко всему живому. Это натура не только страстная, но вмѣстѣ и поэтически-впечатлительная. Тончайшій оттѣнокъ поэзіи ей понятенъ. Сила народной пѣсни имѣетъ надъ сердцемъ ея волшебную власть, и можетъ вывести ее изъ себя, можетъ увлечь въ любую минуту.

Такую-то женщину графъ Толстой выбралъ своей героинею и, надо признаться, выборъ этотъ вполнѣ оправданъ былъ ею до той минуты, когда она вдругъ проиграла въ нашихъ глазахъ все геройство, сбросивъ съ своей головы вѣнокъ дѣвической чистоты къ ногамъ Курагина... Мы далеки отъ того, чтобы поставить это въ упрекъ графу Толстому. Наоборотъ, мы высоко цѣнимъ въ немъ эту искренность и отсутствіе всякой наклонности идеализировать

созданныя имъ лица дальше того, насколько идеализація свойственна ихъ природѣ и правдѣ характера, имъ усвоеннаго. Въ этомъ смыслѣ онъ реалистъ и даже изъ самыхъ крайнихъ. Никакія условія требованія искусства, никакія художественныя или другія приличія неспособны зажать ему ротъ тамъ, гдѣ мы ждемъ отъ него, чтобы онъ обнаружилъ голую истину. Нужды нѣтъ, что нагота ея часто бываетъ такъ безобразна; за то мы вѣримъ ему безъ задней мысли тамъ, гдѣ онъ указываетъ намъ красивую сторону человѣчества; мы ужъ имѣемъ ручательство, что онъ въ эту сторону не прибавитъ ни іоты, и такая увѣренность вознаграждаетъ съ лихвою.

Въ группѣ фигуръ, олицетворяющихъ собою характеръ эпохи, очаровательная фигурка Наташи стоитъ на рубежѣ между тою сферою, самое яркое воплощеніе которой мы видимъ въ Безуховъ, и другою, совершенно противоположною. Въ Наташѣ мы видимъ еще ребяческую неопредѣленность, мечтательность, неустойчивость, непрактичность; но мы не видимъ уже и слѣдовъ раздумья, робкой оглядки на самого себя и безпрестанной повѣрки себя. Въ ней есть что-то воинственное и боевое, есть та недѣлимость мысли и дѣла, та невозможность желать въ одну сторону, а рѣшиться — въ другую, которую мы находимъ въ основѣ характеровъ чисто-практическихъ, и которая выступаетъ ярче всего въ типѣ воинственномъ, боевомъ.

И. Ахшарумовъ.

*
* *

*) Маленькая Наташа никакъ не можетъ затеряться въ блестящей толпѣ Курагиныхъ, Безухихъ, Ростовыхъ, Друбецкихъ, Берговъ, Долоховыхъ и т. д. Посторонитесь-же, господа. Дайте первое мѣсто маленькой Наташѣ.

Въ русской жизни встрѣчаются, славу Богу, такія личности. Наташа въ то время, когда Болконскій дѣлаетъ ей

*) „Одесскій Вѣстникъ“ 1868 г., №№ 153 и 155. Статьи С. И. Сычевскаго подъ заглавіемъ: „Очерки новѣйшей русской литературы. *Война и Миръ* гр. Л. Н. Толстого“.

предложеніе, еще дитя. Все ея обаяніе заключается въ дѣской чистотѣ, наивности, несформированности. Само собою разумѣется, что характеристическая черта такихъ дѣтей есть необыкновенная воспріимчивость къ впечатлѣніямъ жизни, необыкновенная чуткость и отзывчивость ко всѣмъ окружающимъ вліяніямъ, рѣшительно недоступнымъ для тѣхъ психологическихъ носороговъ, которые называются людьми съ желѣзно-выработаннымъ характеромъ, закаленною волею и прочими прекрасными качествами. Такая чуткость и отзывчивость имѣетъ очень много невыгоднаго для личностей, обладающихъ ими, но за то онѣ же сообщаютъ имъ такое поэтическое обаяніе, противъ котораго смѣшно-безсильны всѣ ухищренія самаго утонченнаго кокетства. Взгляните на Наташу: что она такое? Шестнадцатилѣтняя дѣвочка, не особенно хорошенькая, совершенно не свѣтская, говорящая по-французски съ ошибками, незнакомая съ политикой, тогда какъ всѣ только ею и бредятъ... Что-же дѣлаетъ ее героинею такого великосвѣтскаго романа? Что заставляетъ насъ слышать ея голосокъ, распѣвающій баркароллу, гораздо яснѣе, чѣмъ безчисленные пушечные выстрѣлы и военные громы Аустерлицкаго сраженія? Я ссылаюсь на личное ощущеніе каждаго: прочтите мастерское описаніе Аустерлицкаго сраженія у Толстого и слѣдующія строки,—и скажите откровенно, что на васъ сильнѣе подѣйствуетъ? „Наташа поетъ въ гостинной. Ея проигравшійся братъ лежитъ въ своей спальнѣ и „слушаетъ". Она пѣла теперь не по-дѣтски, уже не было въ ея пѣніи этой комической, ребяческой старательности, которая была въ ней прежде, но она пѣла еще не хорошо, какъ говорили всѣ знатоки-судьи, которые ее слушали". — „Не обработанъ, но прекрасный голосъ, надо обработать", — говорили всѣ. Но говорили это обыкновенно уже гораздо послѣ того, какъ замолкалъ ея голосъ. Въ то же время, когда звучалъ этотъ необработанный голосъ съ неправильными придыханіями и съ усиліями переходовъ, даже знатоки-судьи ничего не говорили и только наслаждались этимъ необработаннымъ голосомъ, и только желали еще разъ

услыхать его. Въ голосѣ ея была та дѣвственная нетронутость, то незнаніе своихъ силъ и та необработанная еще бархатность, которыя такъ соединялись съ недостатками искусства пѣнія, что, казалось—нельзя было ничего измѣнить въ этомъ голосѣ, не испортивъ его.

„Что-же это такое? подумалъ Николай (братъ Наташи), услыхавъ ея голосъ и широко раскрывая глаза. Что съ ней сдѣлалось, какъ она поетъ нынче? подумалъ онъ, и вдругъ весь міръ сосредоточился для него въ ожиданіи слѣдующей ноты, слѣдующей фразы, и все въ мірѣ сдѣлалось для него раздѣленнымъ на три темпа: „oh mio crudele affetto... разъ, два, три... разъ, два, три... oh mio crudele affetto... разъ, два, три... Эхъ, жизнь наша дурацкая! подумалъ Николай. Все это—и несчастіе, и деньги, злоба, и Долоховъ, и честь—все это вздоръ!... а вотъ оно, настоящее... Ну, Наташа, ну, голубчикъ! Ну, матушка!... Какъ она этотъ si возьметъ? Взяла!... Слава Богу. И онъ, самъ не замѣчая того, что онъ поетъ, чтобы усилить этотъ si, взялъ втору въ терцію высокой ноты *). Боже мой! Какъ хорошо! Неужели это я взялъ? Какъ счастливо! подумалъ онъ. О! какъ задрожала эта терція, и какъ тронулось что-то лучшее, что было въ душѣ Ростова. И это что-то было независимо отъ всего въ мірѣ и выше всего въ мірѣ. Какіе тутъ проигрыши и Долоховы, и честное слово! — Все вздоръ!... Можно зарѣзать, украсть, и все-таки быть счастливымъ“...

А, вѣдь, Наташа не пѣвица; но что-же можетъ сдѣлать голосъ Гризи, Кеталони, Бозіо—противъ такого формирующагося дѣтскаго голоса, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, видна чистая душа, полная самыхъ разнообразныхъ и свѣжихъ впечатлѣній жизни, видно безсиліе справиться со всѣмъ этимъ, вслѣдствіе этого нетвердость, нервность...

Какова Наташа въ области звуковъ, такова она и во всемъ. То-же богатство естественныхъ силъ и даровъ, та же воспріимчивость ко всему живому и свѣжему—и то же без-

*) Я не понимаю, что это значитъ, а потому если тутъ есть ошибка или безсмыслица, то д. будетъ это на отвѣтственности автора. С.С.

силіе справиться съ разнообразнымъ матеріаловъ, и то-же незнаніе себя и своихъ силъ. Что-же привлекаетъ въ такихъ личностяхъ? Что сообщаетъ имъ необыкновенное обаяніе? По моему мнѣнію, причина всего этого — заключается въ томъ, что онѣ совершенно видны и понятны всякому. Той способности уйти въ свою раковину передъ наблюдательнымъ взоромъ собесѣдника, которою обладаетъ большинство людей сформировавшихся, у нихъ нѣтъ; а если и есть, то всегда напоминаетъ милый жестъ ребенка, закрывающаго себѣ глаза для того, чтобы не быть видимымъ другими. Именно это чувство слабости, безпомощности и полнѣйшей открытости заставляетъ насъ такъ искренно-доброжелательно относиться къ такимъ личностямъ, какъ Наташа. Сознаніе того, что онѣ безконечно чище насъ, что „leurs mains bénites et douces n'ont point fait mal encore; leurs pieds n'avaient jamais touché toute notre fange *)“ наполняютъ насъ если не благоговѣніемъ, то умиленіемъ, и невольно принуждаютъ подчиниться, хотя на время, ихъ дѣтскимъ шалостямъ и капризамъ, которые насквозь проникнуты „обаяніемъ поэзіи дѣтства **)“.

А та атмосфера беззаботнаго веселья, чистаго и свѣтлаго, какъ солнечный лучъ, которую они разливаютъ вокругъ насъ—развѣ это ничего? Развѣ, потерявъ это, жизнь наша не лишилась бы одного изъ самыхъ дорогихъ своихъ украшеній?

И этакая-то барышня выросла на почвѣ русскаго аристократизма. Естественно, что онъ долженъ былъ положить на нее свой отпечатокъ. И положилъ. Съ пеленокъ въ блескѣ и довольствѣ, всегда въ обществѣ посреди интригъ и сплетенъ, чистая натура Наташи не испортилась радикально, но приняла въ себя дурные элементы; ее „оголяли ***) съ молоду“; съ молоду показывали ея тѣло и таланты разнымъ жаднымъ взглядамъ милліонеровъ съ прихотливою чувственностью падкаго на все необыденное.

---

*) Слова Виктора Гюго изъ стихотворенія L'enfant.
**) Слова Некрасова въ стихотвореніи „Крестьянскія Дѣти“.
***) Слова Толстого.

Огромная публика и привычка нестѣсненія со всѣми—развили въ ней ту степень разврата, которая допускается и санкціонируется всѣми въ свѣтскихъ отношеніяхъ.

Чистая, почти дитя—Наташа—и развратъ—это, кажется, такія несовмѣстимыя вещи, что, повидимому, трудно и сопоставить ихъ; а между тѣмъ это печальная истина. Изъ свѣтской жизни изгнаны всѣ не только грубыя, но даже шероховатыя слова (нечего говорить о движеніяхъ); но тонкіе намеки, но многое, горячащее воображеніе, имѣетъ тамъ мѣсто. Привычка обнажать многочисленной публикѣ свое тѣло и свои таланты, быть фокусомъ, въ которомъ сосредоточиваются тысячи разныхъ взглядовъ — есть привычка въ высшей степени скверная, въ особенности въ молодой дѣвочкѣ, съ живымъ воображеніемъ и не малою долею самолюбія. Наташа это очень скоро испытала на себѣ. Та дѣтская застѣнчивость, которая такъ очаровательно отличала ее на балѣ отъ всѣхъ кокетокъ, равнодушныхъ ко всей публикѣ, исчезла очень скоро, а вмѣстѣ съ нею исчезло то незнаніе своихъ физическихъ совершенствъ, которое парализируетъ всякое женское самолюбіе и дѣлаетъ изъ всякаго кокетства невинную дѣтскую шалость. Наташа узнала, что она мила и хороша, и что ею восхищаются, и чистоты ея дѣтской души—какъ не бывало. Послушайте, что съ ней сдѣлалось.

Наташа — невѣста Болконскаго, котораго она любитъ и уважаетъ. Онъ въ отсутствіи. Она съ своимъ семействомъ пріѣхала послушать новую оперу.

„Въ четвертомъ актѣ былъ какой-то чортъ, который пѣлъ, махая рукою до тѣхъ поръ, пока не выдвинули подъ нимъ доски и онъ не опустился туда; Наташа только и видѣла это изъ четвертаго акта; что-то волновало и мучило ее, и причиной этого волненія былъ Курагинъ, за которымъ она невольно слѣдила глазами *). Когда они выходили изъ театра, онъ подошелъ къ нимъ, вызвалъ ихъ

*) Князь Курагинъ красивый фатъ, очень нахальный, котораго Наташа видѣла всего одинъ разъ.

карету и подсаживалъ ихъ. Подсаживая Наташу, онъ пожалъ ей руку, повыше локтя. Наташа, взволнованная и красная, оглянулась на него. Онъ, блестя своими глазами и нѣжно улыбаясь, смотрѣлъ на нее...“ Какъ вамъ это нравится, господа? Какъ вы думаете, какъ отнеслась-бы къ этому Наташа, если бы на ея тѣлѣ не сосредоточивались уже нѣсколько разъ, вѣдомо для нея, тысячи самыхъ разнообразныхъ взоровъ? Согласитесь сами, что кто привыкъ къ наглымъ взглядамъ и сознательно имъ поддается, тому очень немного надобно, чтобы пріобрѣсти привычку и къ наглымъ жестамъ. Наташа не только съ большимъ усиліемъ перенесла жестъ Курагина, но еще и влюбилась въ него...

И такъ вотъ что далъ аристократизмъ Наташѣ: онъ далъ ей изящную фигуру, свѣтское, ничтожное воспитаніе, и содѣйствовалъ западенію въ ея чистую душу первыхъ сѣмянъ разврата. Все остальное дали ей природа и воспитаніе, и среда въ этомъ нисколько не виновата.

Просматривая всѣхъ женщинъ въ романѣ Толстого, мы видимъ, что въ этихъ трехъ отношеніяхъ онѣ всѣ схожи съ Наташею, отъ которой во всемъ прочемъ разнятся какъ небо отъ земли. Графиня Елизавета Болконская служитъ прекраснымъ типомъ безпомощнаго свѣтскаго воспитанія женщины, а блестящая графиня Елена Безухая, урожденная Курагина, служитъ представительницей свѣтскаго разврата. Я не хочу останавливаться на разборѣ этихъ личностей. Пониманіе ихъ не представляетъ ни малѣйшей трудности, и каждый, читая романъ, непремѣнно остановится на указанныхъ мною чертахъ, составляющихъ существенную принадлежность русской аристократки прошлаго времени.

Возвратимся лучше снова къ Наташѣ. Бывши еще дѣвочкой, она бросалась всѣмъ въ глаза милою и умною шаловливостью своего нрава. Она, какъ выражается одинъ изъ моихъ знакомыхъ, своими дѣйствіями отрицала дѣтское благонравіе, и своею шумною шаловливостью была рѣзкою противоположностью аристократически сдержанному характеру прочихъ великосвѣтскихъ дѣтей. Очень часто въ са-

мой возвышенно-натянутой, погребально-торжественной свѣтской жизни, Наташа выкидывала наивно-дѣтскую штуку, дѣйствовавшую всегда на читателя, какъ внезапная струя свѣжаго воздуха, проникшая въ атмосферу, насквозь пропитанную одеколономъ, флеръ д'оранжемъ и буке де л'императрисъ. Припомните ея громкій вопросъ о пирожномъ посреди благоговѣйно-торжественнаго молчанія многочисленнаго общества на званомъ обѣдѣ у Ростовыхъ. Но свобода жить не была предоставлена Наташѣ: она постоянно видѣла и чувствовала около себя притворство и стѣсненіе. Рядомъ со стѣсненіемъ она видѣла много сценъ, дѣлавшихся потихоньку, — потому что имъ нельзя было выйти на свѣтъ Божій, не оскорбляя свѣтскости. Подъ вліяніемъ этихъ скрытыхъ сценъ, съ одной стороны, и своей живой, здоровой натуры, съ другой, Наташа сочинила себѣ любовь къ Борису Друбецкому въ то время, когда ей было всего 12 лѣтъ. Скажите, что дѣлать дѣвочкѣ, такой какъ Наташа и въ такой обстановкѣ? Играть въ любовь было въ обычаѣ въ свѣтскомъ мірѣ. Наташа была одарена способностью истинно любить, а не играть въ любовь, но свѣтъ сдѣлалъ свое, и она съ 12 лѣтъ, постоянно любя и постоянно возбуждая любовь, обращала ее все-таки въ игрушку, муча и себя и другихъ, и страдая вдвойнѣ вслѣдствіе этого. Первый обожатель и женихъ Наташи—галантный и ловкій Борисъ Друбецкой — не пострадалъ только потому, что его невѣстѣ было всего 12 лѣтъ, такъ что сама природа обратила въ дѣтскую шутку Наташину опасную игру въ любовь.

Денисовъ-кутила и виверъ, безпощадный гусаръ, попавшій вторымъ въ хронологическомъ порядкѣ обольстительному вліянію Наташи, не вышелъ изъ него цѣлъ и невредимъ. Онъ, человѣкъ немолодой и совершенно безъ средствъ, до такой степени увлекся голоскомъ и обаяніемъ чистой дѣтской прелести, которую Наташа распространяла около себя, что сдѣлалъ ей предложеніе, забывши, что ей всего 15 лѣтъ, что она, по своему общественному положенію и богатству, совершенно ему не пара. Наташа, къ величайшему удивленію своей маменьки, отнеслась къ этому предложенію

не съ насмѣшкой, а съ сочувствіемъ, хотѣла дать свое согласіе и изъ жалости выйти за Денисова замужъ,—но маменька не допустила ее до этого, и Наташа, хотя не безъ боли, но скоро успокоилась. Наконецъ, третье серьезное столкновеніе съ мужчиной произошло уже тогда, когда Наташа уже была не ребенкомъ. Мужчина, съ которымъ судьба ее свела—былъ однимъ изъ русскихъ идеаловъ тогдашняго времени, въ которомъ самымъ яркимъ образомъ выразилась и эпоха и народный духъ. Отношенія его къ Наташѣ служатъ центромъ романа, требуютъ разбора тогдашняго общества и его стремленій, а потому о нихъ—до слѣдующей статьи.

С. Сычевскій.

* * *

*) Наташа Ростова однинъ изъ самыхъ оригинальныхъ типовъ русской литературы. Въ ней такъ же много недосказаннаго, ея характеръ такъ же неуловимъ, какъ и у Андрея, хотя, далекая отъ его отталкивающей сосредоточенности, она, напротивъ, высказывается безпрестанно и съ полною откровенностью; но она сама себя не понимаетъ; она лишена всякаго контроля надъ своими ощущеніями, надъ движеніями своихъ страстей. Маленькая, черненькая, живая, пылкая, съ глубокимъ внутреннимъ смысломъ и чувствомъ, съ прелестнымъ голосомъ и взоромъ, способная, острая, наблюдательная, Наташа просто „обворожительна“, какъ ее пробуетъ въ одномъ словѣ опредѣлить Пьеръ Безухій. Съ самаго ранняго возраста Наташа безпрестанно влюбляется то въ того, то въ другого, но не по легкости своего характера, а скорѣе вслѣдствіе серьезности и глубины его: въ ней до послѣдней тонкости изощрено чувство изящнаго, а по добротѣ и возвышенности своей натуры, она умѣетъ отыскать въ каждомъ свѣтлыя стороны и искренно плѣняется ими, крѣпко и искренно ими увлекается. Князь Андрей Болконскій—самый солидный характеръ изъ всѣхъ,

*) „Голосъ“ 1868 г., № 11. „Библіографія и журналистика“.

кого она доселѣ знала, и, сближаясь съ нимъ, она подмѣчаетъ въ себѣ чувство, не похожее на прежнія ея ребяческія, мимолетныя увлеченія: любовь къ Андрею овладѣваетъ всѣмъ существомъ ея, дѣлаетъ ея взглядъ на жизнь серьезнѣе и строже. Сердце князя Андрея тоже размягчается подъ вліяніемъ этого необыкновеннаго и свѣтлаго созданія. Наташа такъ не похожа на всѣхъ другихъ женщинъ, такъ чужда свѣтскаго обмана и свѣтской пустоты, что въ Андреѣ невольно падаетъ и ослабляется высокомѣрное презрѣніе къ человѣческому роду; онъ болѣе не считаетъ своей жизни лишнимъ бременемъ, и вѣритъ въ любовь. Какимъ-то священнымъ трепетомъ и страхомъ наполняется сердце дѣвушки, когда завязываются у нея серьезныя отношенія съ Болконскимъ, и они становятся женихомъ и невѣстой. Этотъ страхъ отражается и на всемъ семействѣ Ростовыхъ: они чувствуютъ, что здѣсь не простая забава и веселье, не одна выгодная партія и шумная свадьба, но что тутъ рѣшается судьба цѣлой жизни. Отношенія между Андреемъ Болконскимъ и Наташею Ростовой вводятъ читателя въ кругъ новыхъ, чисто уже романическихъ событій, которыя принимаютъ къ концу третьяго тома трагическій оборотъ, и развязка которыхъ ожидается въ четвертомъ томѣ.

Отецъ Болконскаго, опальный, но всѣми уважаемый вельможа, старикъ необычайно умный, суровый, непреклонный, строго осуждающій и критикующій большую часть дѣйствій правительства и почти всегда съ замѣчательнымъ даромъ проницательности и предугадыванія; невыносимый деспотъ въ семьѣ, по своему, эгоистически любящій свою дочь Марію (некрасивое, но поэтическое въ своей преданности существо) и ежедневно мучащій ее какою-то почти нечеловѣческою аккуратностью образа жизни, уроками не дающейся ей математики, постоянными ѣдкими насмѣшками надъ ея набожностью и всякими другими экспериментами и пытками,—этотъ старикъ Болконскій не даетъ согласія на бракъ Андрея съ Наташей, ранѣе, по крайней мѣрѣ, какъ черезъ годъ. Князь Андрей покоряется рѣшенію отца, и прощается съ невѣстой, чтобъ ѣхать за границу, лѣчиться. Но пылкая,

живая, не знающая мѣры своимъ порывамъ и требующая для нихъ немедленнаго удовлетворенія, натура Наташи неспособна на терпѣливое ожиданіе. Съ болью и мукою въ сердцѣ, эта „обворожительная“ дѣвушка выражаетъ князю Андрею свое недоумѣніе: неужели такъ уже ему необходимо покориться волѣ отца? Она проситъ, молитъ его не уѣзжать, остаться. Но Андрей не предчувствуетъ бѣды: онъ еще не вполнѣ знаетъ Наташу.

Въ отсутствіе жениха нѣсколько разъ чувствовала Наташа, что ей необходимъ Андрей, необходимъ любимый человѣкъ; часто душа ея рвалась къ нему; часто звала она его къ себѣ мысленно; часто съ томленіемъ и плачемъ кидалась въ объятія матери и восклицала: „дайте мнѣ Андрея! дайте мнѣ его, дайте, мама, скорѣе, скорѣе!“ Чувство требовало удовлетворенія. И вотъ къ концу урочнаго года, когда Ростовы въ Москвѣ готовили уже приданое, подвернулся, не безъ участія „прекрасной Елены“, блестящій братъ ея, Анатоль Курагинъ, глупый и пустой малый, но необыкновенно красивый. Въ чаду своего сильно возбужденнаго состоянія, въ жару любви, требовавшей взаимности и, вмѣсто того какъ бы покинутой, какъ бы отвергнутой на цѣлый годъ, Наташа сама не замѣтила, какъ плѣнилась красотою Анатоля, и такъ какъ эта красота была только физическая (душевными качествами не блисталъ молодой Курагинъ), то и самое увлеченіе дѣвушки было физическое. Пали всѣ нравственныя преграды между нею и соблазнителемъ (выдавшимъ себя за холостого, тогда какъ онъ былъ женатъ гдѣ-то въ Варшавѣ), и дѣло дошло бы до побѣга, не спохватись во время родственница Ростовыхъ, Ахросимова, у которой они остановились въ Москвѣ. Пріѣхалъ Андрей, произошелъ разрывъ и катастрофа. Прежняя надменность, прежнее высокомѣрное презрѣніе, но еще съ большею раздражительностью и желчью, поднялись со дна души молодого Болконскаго. Онъ не хотѣлъ болѣе слышать о Ростовыхъ и Наташѣ; онъ не хотѣлъ никакихъ объясненій, никакихъ оправданій, и самолюбіе, сатанинское, отцовское самолюбіе возобладало въ немъ надъ всѣми остальными чувств...

Повторяемъ, четвертый томъ романа многое долженъ будетъ досказать намъ въ характерахъ Андрея и Наташи, и мы пока бродимъ ощупью. Какъ бы то ни было, добрая душа Пьера Безухова, несмотря на его тогдашнюю раздражительность и мистическое настроеніе, скорѣе Андрея откликнулась на страданіе дѣвушки, когда Анатоль оказался обманщикомъ, и любовь Андрея Наташа сама отвергнула подъ вліяніемъ внезапной страсти къ Курагину. Пьеръ сердцемъ почувствовалъ невинность Наташи; онъ разгадалъ и понялъ ее больше, чѣмъ способенъ былъ понять ее князь Андрей, и когда, ломая руки, она говорила ему, что не стоитъ добраго съ нею обращенія, онъ воскликнулъ, что если-бъ онъ былъ красивѣйшій, умнѣйшій и лучшій человѣкъ въ мірѣ и былъ свободенъ, то на колѣняхъ просилъ бы у нея любви и руки ея.

На этомъ моментѣ, на начинающемся просвѣтленіи и возрожденіи Пьера посредствомъ любви къ Наташѣ, первой любви его въ жизни, останавливается пока развитіе романа, и дальнѣйшаго его теченія должно ожидать уже въ четвертомъ томѣ.

„Голосъ“ 1868 г.

Княгиня Болконская.

*) Маленькая княгиня Болконская одна изъ самыхъ очаровательныхъ женщинъ въ Петербургѣ; когда она говоритъ, бѣличья губка ея такъ граціозно притрогивается къ нижней, глазки ея такъ свѣтлы, дѣтски-капризныя выходки такъ милы, кокетство такъ игриво: обо всемъ этомъ необходимо упомянуть, потому что въ этой губкѣ, глазкахъ, выходкахъ и кокетствѣ—вся маленькая княгиня. Она одинъ изъ тѣхъ прелестныхъ цвѣтковъ, назначеніе которыхъ украшать жизнь, одна изъ тѣхъ милыхъ дѣтей-куколокъ, для которыхъ жизнь — сегодня балъ у одной княгини, завтра

*) „Отеч Записки“ 1868 г., т. 178, № 6, отд. 2. Статья Николаевой, подъ заглавіемъ: „Наши Бабушки“. (По поводу женскихъ характеровъ въ романѣ „*Война и Миръ*“).

раутъ у другой, толпы поклонниковъ, наряды, болтовня о послѣднемъ спектаклѣ и анекдотъ при дворѣ, да легкое злословіе о фальшивыхъ зубахъ одной графини и волосахъ другой. Никогда ни одна серьезная мысль не мелькнула въ этихъ свѣтлыхъ глазкахъ, ни одинъ вопросъ о значеніи жизни не слеталъ съ этой мило приподнятой губки.

Этотъ прелестный цвѣтокъ перенесенъ изъ взрастившей его теплицы и украшаетъ собою жизнь князя Андрея Болконскаго, это дитя-куколка — жена и готовится быть матерью. Въ князѣ Андреѣ авторъ желалъ представить одного изъ лучшихъ людей своего времени. Онъ честолюбивъ, но не мелкимъ честолюбіемъ, отличія и власть для него не цѣль, а средство сдѣлать что-либо истинно великое; онъ отказывается служить въ штабѣ, гдѣ занялъ бы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ арміи, но сражается въ рядахъ, потому что именно тамъ рѣшается настоящее дѣло; онъ принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ преобразованіяхъ того времени и даже критически относится къ нимъ; онъ изъ первыхъ обращаетъ крестьянъ своихъ въ вольныхъ хлѣбопашцевъ, хотя руководится при этомъ вовсе не понятіями о правахъ человѣка и сознаніемъ угнетеннаго положенія народа, но сознаніемъ глубоко растлѣвающаго вліянія неограниченной власти одного человѣка надъ другимъ на самихъ помѣщиковъ, — сознаніемъ, невольно напоминающимъ намъ прискорбіе Митрофанушки о томъ, что матушка его устала, колотя батюшку. Князь Андрей человѣкъ мыслящій; онъ привыкъ останавливаться передъ каждымъ явленіемъ жизни, отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ впечатлѣніи и доводить это даже до болѣзненности, и этотъ человѣкъ—мужъ очаровательнаго ребенка-куколки. Какъ это случилось, намъ не говоритъ авторъ. Вѣроятно, онъ, какъ и всякій смертный, увлекся игривымъ кокетствомъ хорошенькой куколки и, благодаря романическому духу времени, украсилъ свое увлеченіе громкимъ именемъ любви, нашелъ смыслъ въ этой дѣтской болтовнѣ и смѣхѣ, въ этихъ хорошенькихъ глазкахъ много чувства и мысли, и вообразилъ, что эта куколка есть именно подруга, созданная для

него. Разумѣется, онъ не замедлилъ убѣдиться въ своей ошибкѣ. Мы застаемъ ихъ черезъ полгода послѣ свадьбы. Хорошенькая куколка и послѣ замужества осталась тою же хорошенькой куколкой. Близость съ такимъ человѣкомъ, какъ князь Андрей, не принесла рѣшительно ничего маленькой княгинѣ. Она и съ мужемъ выдѣлываетъ тѣ милыя штучки невинно-игриваго кокетства, какъ и съ идіотомъ Ипполитомъ Курагинымъ; мужъ обращается съ нею съ холодной вѣжливостью, какъ съ посторонней женщиной. Онъ тяготится жизнью, въ которой нѣтъ простора его силамъ, мечтаетъ о славѣ, о подвигахъ, а она пристаетъ къ нему съ упреками, отчего мы женщины всѣмъ довольны и ничего не хотимъ; онъ собирается ѣхать въ армію, потому что война единственно доступный ему путь къ его цѣлямъ, а она плачется тономъ обиженнаго ребенка, зачѣмъ онъ покидаетъ жену свою въ такомъ положеніи,— и безъ того, при помощи ея дяди, онъ могъ бы устроить себѣ блестящую карьеру и быть флигель-адъютантомъ! Разладъ между ними растетъ, страдаютъ оба. Страдаетъ маленькая княгиня, насколько можетъ страдать, когда забудетъ о балахъ, поклонникахъ и придворныхъ новостяхъ; она все-таки любитъ своего мужа, насколько ея маленькое сердечко способно любить, какъ любила бы всякаго прекраснаго молодого человѣка, который бы сдѣлался ея мужемъ. Избалованная свѣтомъ, вѣроятно, избалованная дома, какъ всѣ хорошенькія невѣсты, привыкшая къ поклоненію, къ обожанію, она ожидала того же отъ мужа, она оскорблена его холодностью и пренебреженіемъ. „За что ты ко мнѣ перемѣнился, я ничего тебѣ не сдѣлала",— упрекаетъ она. И въ самомъ дѣлѣ, за что ему было мѣняться къ ней. Глазки ея такъ же свѣтлы, кокетство такъ же мило-игриво, бѣличья губка ея, все такъ же граціозно слегая, притрогивается къ нижней, она попрежнему очаровательна, поклонники ея безпрестанно увѣряютъ ее въ томъ,— за что же мужу не любить ее, особенно теперь, когда она пріобрѣтаетъ новыя права на любовь его, готовясь быть матерью его ребенка? Никогда не понять этого ея хорошенькой го-

ловкѣ. Князь Андрей, какъ натура впечатлительная и нервная, страдаетъ несравненно болѣе; каждая дѣтски-капризная выходка, каждая игриво-кокетливая штучка жены дѣйствуетъ на него раздражительно до боли, какъ раздирающая фальшивая нота на музыкальное ухо, пустота и ничтожество жены составляютъ несчастіе его жизни, и въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда человѣкъ чувствуетъ неодолимую потребность высказаться, вызываютъ у него слѣдующую горькую филиппику противъ женщинъ. „Эгоизмъ, тщеславіе, тупоуміе — вотъ женщины, когда онѣ показываются, какъ онѣ есть“, и слѣдующій совѣтъ пріятелю: „Никогда не женись, братъ, пока ты не скажешь себѣ, что ты сдѣлалъ все, что могъ, и до тѣхъ поръ, пока ты не перестанешь любить ту женщину, которую ты выбралъ, пока не увидишь ее ясно. Женись старикомъ никуда не годнымъ, а то пропадетъ все, что есть въ тебѣ хорошаго и высокаго, все истратится по мелочамъ“. Изъ этихъ словъ видно, что князь Андрей считаетъ любовь чѣмъ-то въ родѣ темной воды, застилающей зрѣніе, и роковой неотразимой силы, переворачивающей всего человѣка. „Если ты ждешь отъ себя что-нибудь впереди“,— продолжаетъ онъ свои жалобы,— „то на каждомъ шагу ты будешь чувствовать, что для тебя закрыто все, кромѣ гостиной, гдѣ ты будешь стоять на одной доскѣ съ лакеемъ и идіотомъ“. Мудрено понять, почему неудачная женитьба могла закрыть для князя Андрея все, чего онъ могъ ждать отъ себя впереди, а и онъ самъ и всѣ знавшіе его ждали многаго. Съ неудачной женитьбой для него закрывалась одна сторона жизни — любви, семейнаго счастія; любовь и счастіе необходимы человѣку, любовь поддержитъ его въ минуту утомленія, придастъ ему силы на трудъ и борьбу, но она далеко не все въ жизни, и если неудачная женитьба закрыла для князя Андрея эту радостную сторону жизни, то не могла же она закрыть остальныхъ — полезную дѣятельность, науку, славу. Еще мудренѣе понять, почему неудачная женитьба могла погубить въ князѣ Андреѣ все, что было въ немъ хорошаго и высокаго, или все, что есть хорошаго и высокаго въ человѣкѣ, все, что составляетъ

его нравственное достоинство? Такая жалоба могла бы вырваться у человѣка дюжиннаго, которому недоступны никакія другія стороны жизни, кромѣ тѣснаго міра семейныхъ радостей и печалей, но она совершенно неумѣстна и непонятна въ такомъ человѣкѣ, какъ князь Андрей. „Гостиная, сплетни, балы — вотъ тотъ міръ, изъ котораго я не могу выйти“,—жалуется онъ далѣе. Но почему же? Если жена его не могла жить безъ этого міра гостиныхъ, сплетенъ и баловъ, то развѣ она не могла жить въ нихъ безъ него? Стеречь жену было бы недостойно его самолюбія, да и напрасно; онъ самъ сознавалъ, что жена его „одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, съ которыми мужъ можетъ быть спокоенъ за свою честь“: маленькая княгиня не заразилась нравственною распущенностью своего круга, блестящей представительницею которой была великолѣпная красавица Элленъ Безухая; увлечься сильнымъ чувствомъ къ человѣку, способному внушить его, не могло ея кукольное сердечко, не то она поняла и оцѣнила бы мужа, и ей незачѣмъ было бы далеко искать. Что же могло заставить князя Андрея тратить такъ много своей жизни въ этомъ такъ презираемомъ имъ мірѣ гостиныхъ, сплетенъ и баловъ и по цѣлымъ часамъ показывать тамъ свою пренебрежительную усмѣшку и скучающее отчасти напускной скукой лицо? А вотъ что: хорошенькая женщина, окруженная поклонниками, неизбѣжно дѣлается предметомъ сплетенъ, и князь Андрей, презирая на словахъ этотъ міръ гостиныхъ, баловъ и сплетенъ, на самомъ дѣлѣ преклонялся передъ его законами — его имени не должна была коснуться ни малѣйшая сплетня. Ради этого, уѣзжая въ армію, онъ поступаетъ съ женой совершеннымъ деспотомъ: отвозитъ беременную женщину къ отцу своему, котораго та страшно боится, разлучаетъ съ ея друзьями, привычками, чтобы избавить ее отъ ухаживанья идіота Ипполита, къ которому почти ревнуетъ, несмотря на свою увѣренность къ женѣ. Маленькая княгиня, насильственно вырванная изъ родного ей мірка, скучаетъ невыносимо въ деревнѣ, хотя сознаніе, что она готовится быть матерью, могло бы открыть ей другой

міръ ощущеній, надеждъ, мыслей, который не одного ребенка превращалъ въ женщину. Авторъ часто упоминаетъ о ея счастливомъ спокойномъ взглядѣ беременной женщины, который смотритъ внутрь себя, но взглядъ этотъ чисто-физическое слѣдствіе ея положенія, взглядъ этотъ не отражаетъ ни одной разумной мысли объ ожидающихъ ее обязанностяхъ, ни тревоги о томъ, достойна ли она ихъ: ни одно слово, доказывающее это, не срывается съ ея теперь неграціозно-оттянутой бѣличьей губки; она даже сердится на свое положеніе, когда пріѣздъ свѣтскаго красавца напоминаетъ ей о ея родномъ мірѣ гостиныхъ, успѣховъ, поклонниковъ, и она, какъ „боевой конь, заслышавшій трубу“, готовится предаться привычному галопу кокетства, и чувствуетъ, насколько оно мѣшаетъ ея милымъ ребячествамъ и игриво-кокетливымъ выходкамъ. Даже въ минуту разрѣшенія, къ которой она могла бы приготовиться, она остается тѣмъ же жалкимъ ребенкомъ: она пугается и плачетъ дѣтски-капризными и даже нѣсколько притворными слезами, умоляя всѣхъ разувѣрить ее, что это не то, „не страшное, неизбѣжное то“.

Она умираетъ въ родахъ. Мужъ возвращается съ воскресшимъ чувствомъ любви къ куколкѣ-женѣ. Истекая кровью на Праценскихъ высотахъ и чувствуя смерть надъ собой, разочарованный въ своихъ мечтахъ и славѣ, князь Андрей вдругъ почувствовалъ, что жизнь дорога ему, и дорога именно семьей и женой. Отдаленіе сглаживаетъ черныя тѣни и угловатости предметовъ, все представляется въ смягченномъ видѣ, все, что больно терзало насъ, перестаетъ раздражать насъ, и мы можемъ спокойнѣе и потому безпристрастнѣе отнестись ко всему; тѣмъ сильнѣе это чувство, когда смерть грозитъ навсегда скрыть все отъ нашихъ глазъ, тутъ уже безпристрастно-спокойное отношеніе переходитъ въ любовное; передъ мракомъ открытой могилы, мы видимъ однѣ свѣтлыя стороны предметовъ, какъ бы незначительны онѣ ни были, и забываемъ остальныя — это весьма естественное слѣдствіе живучести человѣка, отвращеніе природы его къ уничтоженію, заставляющее

жизнь цѣпляться за соломинку, лишь бы только поддержать послѣднюю искру. Подъ вліяніемъ этого чувства, и князь Андрей захотѣлъ жить для своей жены, этой пустой, ничтожной женщины, которой не хотѣлъ поручить воспитаніе сына (для дочери — эта пустая, ничтожная женщина была вполнѣ прекрасной воспитательницей), и его собственная холодность и пренебреженіе къ куколкѣ-женѣ показались жестокими и несправедливыми. Онъ возвращается съ твердымъ намѣреніемъ загладить все, но застаетъ жену при послѣднемъ издыханіи и читаетъ на безжизненномъ и прелестномъ личикѣ ея слѣдующій упрекъ: „Ахъ, зачѣмъ вы это, и что вы это со мной сдѣлали? Я никому зла не сдѣлала". Князь Андрей глубоко потрясенъ и чувствуетъ, что виноватъ въ винѣ, которую ему не поправить и не забыть. Тяжело должно лечь на совѣсть каждаго человѣка сознаніе, что онъ заставилъ страдать другого, хоть бы ребенка, тѣмъ болѣе, когда этотъ ребенокъ былъ близокъ и дорогъ ему; но князь Андрей обладаетъ особенной способностью мучить себя; онъ тоскуетъ цѣлые годы, воображаетъ, что все счастье въ жизни погибло для него, въ немъ даже совершается нравственный переворотъ: изъ скептика онъ дѣлается вѣрующимъ. „Не то убѣждаетъ" — говоритъ онъ своему другу, масону Безухому, приводившему ему разныя умозрѣнія и доводы: „а то, когда чувствуешь, что оскорбилъ близкое и дорогое существо, и знаешь, что ничѣмъ загладить нельзя; заглядываешь, и видишь это страшное— тамъ ничего". Такой переворотъ въ человѣкѣ, какъ князь Андрей, могла бы еще произвести смерть существа, съ которымъ онъ былъ бы связанъ крѣпкой связью пониманія и любви, съ которымъ онъ бы привыкъ дѣлить каждое чувство и мысль. При жизни жены, онъ, какъ скептикъ, не могъ чувствовать себя связаннымъ съ нею религіозными узами брака; какъ человѣкъ, проникнутый семейнымъ началомъ, онъ могъ чувствовать къ ней родъ привязанности, какъ къ женщинѣ, носившей его имя и матери его ребенка; но всѣ эти связи не крѣпкая живая связь чувства, все это привито къ человѣку извнѣ: разрывъ ихъ не за-

ставитъ сердце дрогнуть мучительной болью,—оставалось только влеченіе мужчины къ хорошенькой женщинѣ, отдавшей ему свою молодость и свѣжесть, съ чего же было взяться вдругъ годамъ тоски, какъ могла смерть куколки произвести такой переворотъ? Подъ вліяніемъ своей нервной, впечатлительной натуры, еще слабый отъ вынесенной болѣзни и недавней раны, князь Андрей на лицѣ умершей жены читаетъ цѣлую повѣсть глубокихъ затаенныхъ страданій, которыхъ маленькая княгиня никогда не была способна перечувствовать. Она весьма естественно огорчалась холодностью мужа, его обиднымъ пренебреженіемъ, чувствовала себя оскорбленной, но по-дѣтски, мимолетно, и вспыхнувъ немножко, она черезъ минуту готова была въ сотый разъ также звонко смѣяться, разсказывая о фальшивыхъ зубахъ одной графини, о волосахъ другой. Она любила своего мужа; но балы, наряды и успѣхи въ свѣтѣ столько же; и если бъ ей пришлось выбирать между мужемъ и всѣмъ этимъ, она была бы еще несчастнѣе, лишившись всего этого, чѣмъ любви мужа. Не въ холодности и отчужденіи своемъ къ женѣ долженъ былъ упрекать себя князь Андрей: она была естественнымъ, невольнымъ и потому вполнѣ законнымъ слѣдствіемъ ничтожества самой маленькой княгини; но въ томъ, что онъ позволилъ себѣ увлечься ею, связавъ ее съ собой, и лишивъ ее возможности счастья съ другимъ человѣкомъ по плечу ей, который могъ бы восхищаться ея милымъ ребячествомъ, игривококетливыми выходками, и былъ бы первымъ изъ ея поклонниковъ въ свѣтѣ. Зачѣмъ вы выбрали меня, когда не могли любить такой женщины, какъ я? Я не обѣщала вамъ ничего, я ничего не знала, а вы, вы умный человѣкъ, вы, у котораго есть и опытъ и знаніе жизни и людей, зачѣмъ же вообразили, что я могу быть той женой, которая нужна вамъ, обѣщали мнѣ любовь и счастье для того, чтобы потомъ съ презрѣніемъ оттолкнуть меня — вотъ тотъ упрекъ, который князь Андрей долженъ бы былъ прочесть на лицѣ умершей жены, и котораго маленькая княгиня не умѣла въ жизни высказать такъ сознательно.

Останься въ живыхъ маленькая княгиня, — послѣ первыхъ радостей свиданія, жизнь ихъ пошла бы прежнимъ порядкомъ. Темныя тѣни и угловатости, смягченныя отдаленіемъ, выступили бы снова, по прежнему ея милое ребячество и игривое кокетство стали бы коробить до боли князя Андрея; развѣ что подъ вліяніемъ предсмертнаго раскаянія и чувства къ ней, какъ къ матери своего ребенка, онъ сталъ бы искуснѣе скрывать свое пренебреженіе къ хорошенькой куколкѣ-женѣ, и бросать ей въ подачку снисходительную ласку; но женщину, хоть бы и такую куколку, какъ маленькая княгиня, трудно провести на этотъ счетъ, и снова надувая сердито бѣличью губку, маленькая княгиня дѣтски-капризнымъ голосомъ стала бы упрекать мужа за то, что онъ не любитъ ее, и удивляться, отчего это мужчины ничѣмъ не довольны, а намъ, женщинамъ, ничего не надо въ жизни. И раскаяніе князя Андрея и любовь, воскресшая на Праценскихъ высотахъ, все изгладилось бы передъ ежедневнымъ всесильнымъ вліяніемъ жизни, передъ тѣми неумышленными безпрестанными оскорбленіями, которыя неизбѣжно наносятъ другъ другу люди совершенно разныхъ характеровъ, понятій, связанные вмѣстѣ неразрывными для нихъ цѣпями. Но маленькая княгиня умерла, оставивъ по себѣ репутацію отлетѣвшаго ангела, какую всегда оставляетъ для чувствительныхъ душъ каждая умершая молоденькая и хорошенькая женщина, если она только не положительно вѣдьма, а въ многочисленныхъ поклонникахъ своихъ воспоминаніе о прекрасномъ цвѣткѣ, скошенномъ такъ рано безжалостною рукою смерти. Но мы, увы, настолько жестокосерды, что не можемъ признать эту руку слишкомъ безжалостной.

Николаева (М. К. Цебрикова).

Марія Болконская (княжна).

*) Некрасивая сестра князя Андрея, княжна Марія Болконская не похожа на свою куколку-невѣстку — это натура, при всей ея ограниченности, несравненно болѣе глубокая и симпатичная; она не можетъ удовлетвориться блестящей внѣшностью, даже если бы она была хорошенькая; наряды, выѣзды, балы, успѣхи въ свѣтѣ не могли бы наполнить ея жизнь; ей нужно другое, лучшее, сознаніе исполненнаго долга, свое дорогое святое, къ чему привязаться. Для нея возможна одна жизнь—жизнь сердца, которую столько мыслителей и поэтовъ считаютъ единственно доступной для женщины.

Авторъ часто упоминаетъ о мысли, свѣтившейся въ прекрасныхъ лучистыхъ глазахъ ея, но именно мысли и нѣтъ въ жизни княжны Марьи. Робкая и покорная, какъ всѣ ограниченныя натуры, она живетъ жизнью безграничной преданности и самоотверженія, она умѣетъ только любить и безотвѣтно покоряться. Умъ ея совершенно не развитъ, хотя она и имѣла случай получить такое воспитаніе, какое не получали другія дѣвушки въ ея время. Отецъ ея, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей вѣка Екатерины, самъ воспитывалъ ее, но рѣзкій, нетерпѣливый, онъ запугалъ и безъ того не блестящія способности ея, и ученье было для княжны Марьи однимъ изъ многочисленныхъ мученій ея жизни. Когда умъ спитъ, тѣмъ сильнѣе потребности сердца. Но некрасивая наружность княжны Марьи, непривлекательность которой она преувеличиваетъ себѣ, дѣлаетъ для нея невозможною любовь мужчины и семейное счастіе. Она видитъ въ этомъ перстъ Божій, начертавшій ей ея путь въ жизни, и заглушаетъ въ себѣ малѣйшую мечту о счастіи, какъ дьявольское навожденіе; „моя жизнь есть жизнь са-

*) „Отеч. Записки“ 1868 г., № 6. Статья Николаевой (М. К. Цебриковой), подъ заглавіемъ: „Наши Бабушки“. (По поводу женскихъ характеровъ въ романѣ „Война и Миръ“.

моотверженія и любви“, говоритъ она, и свою жажду любви переноситъ на немногихъ близкихъ людей, отца, брата, племянника, и всю жизнь свою отдаетъ имъ, но самоотверженіе ея безплодно, и любовь ея не приноситъ ей самой ничего, кромѣ страданій. Она страстно обожаетъ отца и страдаетъ. Отецъ ея, вліятельный человѣкъ при Екатеринѣ и сосланный при Павлѣ въ деревню, какъ и всѣ честолюбивые и энергическіе люди, осужденные на насильственное бездѣйствіе, тратитъ на пустяки свою потребность дѣятельности и административныя способности, которыя, не находя сродной имъ почвы, вырождаются въ мелочной неумолимый деспотизмъ и самодурство. Все въ домѣ преклоняется передъ его желѣзной волей, все трепещетъ его взгляда, жизнь домашнихъ должна идти какъ хорошо устроенная машина по указанному имъ пути. Дѣятельность — вотъ счастіе, говоритъ онъ, и занятъ цѣлый день; у него на все опредѣленные часы: на точенье, постройки, занятія съ дочерью, писаніе записокъ, — и онъ воображаетъ, что дѣлаетъ дѣло, какъ бѣлка въ колесѣ воображаетъ, что бѣжитъ. Онъ и дочери устраиваетъ то же счастье. Княжна Марья безропотно сноситъ все; она не только не смѣетъ жаловаться, она рада бы и не это снести, лишь бы обожаемый отецъ взглянулъ на нее съ любовью, сказалъ ей ласковое слово; въ любви своей къ нему она доходитъ до полнѣйшаго уничиженія человѣческаго достоинства, до самаго рабскаго подобострастія. Отецъ зоветъ ее дурой, упрекаетъ въ безобразіи, и она не думаетъ возмущаться; она не позволяетъ себѣ не только понимать недостатки отца, но нарочно отводитъ себѣ глаза, чтобы не видѣть ихъ; отецъ ея въ минуту гнѣва бьетъ стараго вѣрнаго слугу, а она терзается одной мыслію, какъ держать себя прилично такому случаю: сохранить-ли печальный видъ, чтобъ выказать сочувствіе къ дурному расположенію отца и тѣмъ вызвать привычный упрекъ, что она вѣчно готова хныкать, или сдѣлать видъ, что ничего не замѣчаетъ и тѣмъ, еще хуже, заставить подозрѣвать себя въ преступномъ равнодушіи къ огорченію отца. Когда выжившій изъ ума

старикъ, со злобы, на ненавистную ему женитьбу сына, приближаетъ къ себѣ ловкую интриганку, Бурьенъ, которая, пользуясь его слабостью, хочетъ выгодно обезпечить себя, она и тутъ упрекаетъ себя въ черныхъ мысляхъ. И въ награду за эту безграничную преданность, на которую уходятъ ея лучшіе годы, она видитъ пренебреженіе, холодность; она чувствуетъ, что между нею и отцомъ никогда не будетъ той крѣпкой связи, какъ между нимъ и ея братомъ; она сознаетъ, что она для отца не болѣе ничтожнаго винта въ машинѣ, что она нужна ему лишь для того, чтобъ онъ могъ положенные часы тратить съ нею на уроки геометріи, и видѣть лицо ея на привычномъ мѣстѣ, какъ необходимую принадлежность домашняго порядка—и страдаетъ. Она обожаетъ брата и невѣстку, и страдаетъ за разладъ ихъ, причины котораго не можетъ понять; она страдаетъ вдвойнѣ, чувствуя, что, несмотря на всю любовь свою къ брату, она ничѣмъ не можетъ быть въ его жизни, что у него есть свой міръ идей, занятій, плановъ, въ которомъ ей нѣтъ мѣста; она страдаетъ несчастіями брата, но она не можетъ утѣшить его: она можетъ только плакать съ нимъ да указать ему тотъ путь, въ которомъ она нашла утѣшеніе, которое не можетъ утѣшить брата. Она страстно привязывается къ племяннику, но любовь ея и самоотверженная преданность безполезны и даже вредны для ребенка, а ей самой приносятъ новыя мученія. Она терзается и за здоровье ребенка и за его ученіе. Она сама учитъ его, но эта болѣзненная любовь усиливаетъ ея раздражительность, неизбѣжное слѣдствіе ея жизни, гнета и страха; она въ свою очередь запугиваетъ ребенка и отталкиваетъ его отъ ученья; за лѣностью слѣдуетъ неизбѣжное наказаніе, послѣ котораго она ужасается своей злобы и обливается слезами раскаянія, а ребенокъ выбѣгаетъ изъ угла утѣшать ее. А между тѣмъ воспитаніе дѣтей есть именно то дѣло, всегда доступное женщинѣ, въ которомъ любящая натура княжны Марьи могла бы найти цѣль жизни; но для того, чтобъ быть воспитательницей, ей надо было сначала перевоспитать себя,—а это удѣлъ не-

многихъ сильныхъ натуръ,—или самой вырости въ рукахъ воспитателей, которые смотрѣли бы на нее не какъ на живой матеріалъ для выдѣлки по той или другой теоріи, но какъ на личность, имѣющую свои права, изъ которой надо приготовить полезнаго члена обществу. Князь Андрей, чтобы сынъ не сдѣлался „слезливой старой дѣвкой", какъ говоритъ старый Болконскій, спѣшитъ взять ему гувернера, и княжнѣ Маріи остается одно—изливать свои чувства въ перепискѣ съ пріятельницей и въ молитвѣ.

Разъ всего эта томительно-однообразная жизнь гнета и страха была нарушена—пріѣздомъ жениха. Сердце княжны Марьи вспыхнуло любовью, когда она еще не успѣла видѣть этого человѣка, посланнаго ей Провидѣніемъ, и узнало новыя терзанія. Она терзается мыслью о томъ, отдастъ ли ее отецъ; она терзается страхомъ, что некрасивая наружность ея оттолкнетъ жениха; она видитъ, наконецъ, жениха, и терзается опасеніемъ, что не умѣла показать ему свою внезапно вспыхнувшую любовь, и заставляетъ отца злиться на нее за недостатокъ чувства собственнаго достоинства, когда онъ самъ все дѣлалъ, чтобы забить его въ ней, и на то, что стоитъ явиться мужчинѣ—и отецъ забытъ. Такіе легкомысленные кутилы, какъ Анатоль Курагинъ, обладаютъ, къ несчастію, особенной способностью увлекать женщинъ, особенно тѣхъ, которыя выросли подъ гнетомъ; ихъ лица, сіяющія беззаботной радостью, кажутся еще прекраснѣе для глазъ, привыкшихъ къ хмурымъ лицамъ и угрюмымъ взглядамъ; свобода и непринужденность ихъ въ обращеніи, происходящая отъ полнаго довольства собой и жизнью, тѣмъ неотразимѣе дѣйствуютъ на робкія забитыя существа, привыкшія дрожать за каждое слово, взглядъ. Съ перваго взгляда на Анатоля княжна Марья убѣждается, что этотъ прекрасный мужчина съ открытымъ, свѣтлымъ взглядомъ, добръ, великодушенъ, словомъ, одаренъ всевозможными добродѣтелями, и непремѣнно сдѣлаетъ ея счастіе; въ мечтахъ своихъ она видитъ себя уже счастливой женой и матерью съ ребенкомъ у груди, а этого прекраснаго мужчину мужемъ, который съ любовью смотритъ на нее. Надежды на любовь жестоко

обманываютъ бѣдную дѣвушку, и ей остается одно прибѣжище отъ жизни самоотверженія, которая начинаетъ уже утомлять ее,—религія. Но нравственно искалѣченная княжна Марья неспособна понять человѣческую сторону евангельскаго ученія, ученія дѣятельной любви и братства; счастье не далось ей, ни брату ея, и она убѣдилась въ невозможности и грѣховности счастья: неспособная понять, насколько само человѣчество виновато въ своихъ страданіяхъ и несчастіяхъ собственнымъ неумѣньемъ разумно устроить жизнь свою, она сочла страданье неизбѣжнымъ закономъ жизни, отдалась мечтамъ о страданіи, подвигахъ, стала собирать около себя разныхъ божьихъ людей, благоговѣйно слушать разсказы о томъ, какъ у матушки изъ щечки потекло миро, а во лбу засіяла звѣзда. Въ княжнѣ Марьѣ находятъ повтореніе Лизы „Дворянскаго Гнѣзда"; нѣкотораго сходства отрицать нельзя: обѣ считаютъ счастіе грѣхомъ, и монастырь, которымъ кончаетъ Лиза, стоитъ божьихъ людей княжны Марьи; но вмѣстѣ съ тѣмъ какая разница: Лиза возмущена неправдами окружающей ее жизни, не одна разбитая надежда на счастье, но и желаніе замолить всю эту неправду гонитъ ее въ монастырь; въ княжнѣ Марьѣ нѣтъ ни малѣйшаго сознанія неправды, окружающей ея жизнь; Лиза несравненно болѣе женщина, чѣмъ княжна Марья; она знаетъ, за что̀ любитъ; она полюбила Лаврецкаго, увидѣвъ, что они любятъ и не любятъ одно и то же, его невѣріе тревожитъ ее; ей нужно, чтобы между ею и любимымъ человѣкомъ была полная нравственная связь,—а княжна Марья, узнавъ, что Анатоль Курагинъ пріѣхалъ женихомъ, уже пылаетъ къ нему страстью, и видитъ себя въ мечтахъ уже матерью съ ребенкомъ у груди—его ребенкомъ, и потомъ, заставъ Бурьенъ въ его объятіяхъ, она оправдываетъ ее по чувству христіанской любви и снисхожденія, но сознавая въ душѣ, что на ея мѣстѣ, она сдѣлала бы то же самое. И это для человѣка, котораго она видѣла въ первый разъ въ жизни, чья репутація кутилы и развратника, котораго сочли за нужное отдалить отъ родной сестры, должна была бы оттолкнуть ее. Ея готовность не размышляя принять въ су-

пруги человѣка, указаннаго ей Провидѣніемъ, потому что бракъ есть божеское установленіе, которому женщина обязана подчиняться,—какъ она писала своей подругѣ,—въ сущности, оказывается готовностью кинуться въ объятія перваго встрѣчнаго мужчины — очень грубая и некрасивая подкладка для мистицизма, но мы это встрѣчаемъ въ жизни на каждомъ шагу.

Княжна Марья старѣется, продолжая самоотвергаться для отца, жизнь ея становится все нестерпимѣе. Отецъ находитъ злобное удовольствіе мучить и оскорблять ее на каждомъ шагу; онъ презираетъ ее и какъ неудавшуюся попытку воспитанія по своей теоріи и какъ дуру за ея божьихъ людей, которые ненавистны ему, какъ ненавистно умному человѣку всякое уродство. То растлѣвающее вліяніе неограниченной власти одного человѣка надъ другимъ человѣкомъ, которое, какъ замѣтилъ князь Андрей, имѣло на стараго Болконскаго крѣпостное право, выказывается во всемъ своемъ безобразіи и безнравственности и въ отношеніяхъ отца къ дочери. Человѣкъ, поставленный надъ другими, обязанными безпрекословно повиноваться ему, весьма естественно привыкаетъ считать за ничто права этихъ людей: ихъ удобства, желанія, самое счастіе—ничто передъ его волей, передъ его малѣйшей прихотью. Если онъ уменъ, въ немъ можетъ проснуться сознаніе несправедливости такого порядка, но привычка беретъ свое. Старикъ Болконскій понималъ очень хорошо, что жизнь дочери въ его рукахъ, что онъ лишаетъ ее счастья, обрекаетъ на одиночество. Ея печальный видъ служитъ ему постояннымъ упрекомъ и становится нестерпимъ ему, какъ нестерпимъ каждому деспоту видъ его жертвы; ея безотвѣтная покорность, неустанная преданность и любовь раздражаютъ его еще болѣе: если бъ княжна Марья жаловалась, упрекала его, ему было бы легче, онъ могъ бы счесть себя оскорбленнымъ въ своихъ правахъ отца и найти себѣ оправданіе въ своихъ собственныхъ глазахъ; но ея безропотная покорность лишаетъ его всякой возможности оправданія, и тяжелое чувство собственной виновности онъ вымещаетъ на ней же. Онъ самъ

несчастенъ оттого, что мучитъ ее и не можетъ не мучить. Кажется, чего бы проще было ему, сознавая себя виновнымъ въ душѣ,—сознаніе, которое высказалось въ немъ въ минуту смерти,—измѣнить свое обращеніе съ дочерью и постараться устроить ей ту жизнь, которая была нужна ей; но для этого, во-первыхъ, нужно нарушить установленный имъ самимъ ходъ жизни, а это, не говоря уже о трудности измѣнить въ его лѣта привычкамъ годовъ, немыслимо было для него, какъ деспота, потому что деспоты вообще, за недостаткомъ уваженія къ чужимъ правамъ, питаютъ глубочайшее благоговѣніе къ малѣйшему дѣянію собственной особы; во-вторыхъ, это значило бы признать себя виновнымъ въ глазахъ другихъ, а этого онъ не могъ допустить, этому мѣшало и всосанное съ молокомъ матери понятіе о власти родителей надъ дѣтьми, и пренебреженіе мужчины къ этому низшему и подчиненному существу — женщинѣ. Еще проще было бы при такихъ отношеніяхъ разъѣхаться, но хотя старикъ Болконскій въ минуту бѣшенства, сжимая кулаки, кричитъ: „И никто не возьметъ эту дуру замужъ!“ онъ былъ бы очень недоволенъ, если бъ эта дура вышла замужъ, и потому отваживаетъ всѣхъ жениховъ. Что бы сталось тогда съ его потребностью мучить и оскорблять эту дуру, имѣть въ рукахъ еще одну подвластную ему жизнь! Мысль оставить отца не приходитъ на умъ княжнѣ Марьѣ; перстъ Божій, опредѣлившій ей жизнь въ домѣ отца, указываетъ одинъ выходъ—въ домъ мужа, и княжна Марья лучше вынесетъ всѣ муки, чѣмъ не подчинится этому указанію.

Съ отцомъ ея дѣлается ударъ, и княжна Марья переноситъ во время болѣзни его ту мучительную борьбу, которую переносятъ и придется переносить тысячамъ женщинъ, когда онѣ видятъ, что жизнь свободная, жизнь безъ вѣчнаго гнета и страха открывается имъ единственно смертью дорогого, близкаго имъ человѣка, съ которымъ онѣ связаны священнымъ и страшнымъ для нихъ долгомъ. Княжна Марья ухаживаетъ за отцомъ со всею своею не измѣняющейся ни на минуту преданностію, но страшно сказать, несмотря на

всю свою страстную любовь къ отцу, несмотря на всю свою религіозность, она испытываетъ странное чувство: облегченіе при видѣ умирающаго отца. И она часто невольно слѣдитъ за отцомъ не съ надеждой найти признаки облегченія болѣзни, но—желая найти признаки приближающагося конца. Страшно было княжнѣ Марьѣ сознавать въ себѣ это чувство, но оно было въ ней. „И что было еще ужаснѣе для княжны Марьи,—говоритъ далѣе авторъ,—это было то, что со времени болѣзни ея отца (даже едва ли не ранѣе, когда она, ожидая чего-то, осталась съ нимъ), въ ней проснулись всѣ заснувшія, забытыя личныя желанія и надежды. То, что годами не приходило ей въ голову—мысли о свободной жизни безъ страха отца, даже мысли о возможности любви и семейнаго счастія, какъ искушенія дьявола безпрестанно носились въ ея воображеніи“.

Напиши эти строки другой кто, а не писатель, такъ глубоко проникнутый семейнымъ началомъ, какъ Л. Толстой, какая поднялась бы буря криковъ, намековъ, обвиненій въ разрушеніи семьи и подрываньи общественнаго порядка. А между тѣмъ нельзя ничего сильнѣе сказать противъ порядка, закрѣпляющаго женщину, что̀ сказано этимъ примѣромъ любящей, безотвѣтной, религіозной княжны Марьи, привыкшей всю жизнь свою отдавать другимъ и доведенной до противоестественнаго желанія смерти родному отцу. Не Л. Толстой учитъ насъ, но сама жизнь, которую онъ передаетъ, не отступая ни передъ какими проявленіями ея, не нагибая ея ни подъ какую рамку.

Княжна Марья съ ужасомъ давитъ въ себѣ это чувство, настраиваетъ себя на мысль о томъ, что смерть отца страшное несчастіе для нея, и успокоивается; но утромъ, въ минуту пробужденія, когда міръ привычныхъ понятій, неестественныхъ условій и отношеній не успѣлъ еще охватить человѣка, и онъ бываетъ правдивъ и искрененъ, бываетъ вполнѣ самимъ собой, какъ бываютъ искренни люди только въ минуту смерти,—она съ содроганіемъ чувствуетъ, что это страшное, безчеловѣчное желаніе именно и есть ея настоящее чувство. Какъ ни дави, какъ ни насилуй жизнь во

имя теоріи, она скажется и восторжествуетъ. Какъ ни заглушала въ себѣ годами княжна Марья свою грѣховную жажду счастія и свободы, все-таки эта жажда жила въ ней; какъ ни устремляла она всѣ надежды свои и желанія къ блаженству загробной жизни, все-таки она сознавала, что эта вѣчная загробная жизнь для вѣрующихъ есть отдыхъ, успокоеніе, безмятежное пристанище; а жизнь съ ея стремленіями, надеждами, тревогами, настоящая жизнь есть жизнь земная, и она не могла не чувствовать, что отецъ ея стоялъ между нею и этой грѣшной, но такъ дорогой жизнью. „И она чувствовала, — говоритъ авторъ, — что со смертью отца ее охватываетъ другой міръ, міръ трудной и свободной дѣятельности“. Она хочетъ молиться, но молитва въ эти минуты, когда рѣшается вопросъ ея жизни, оказывается безсильна. Женщину, въ которой зашевелилась бы мысль, это состояніе навело бы на цѣлый рядъ размышленій, которыя произвели бы благодѣтельный переломъ; очнувшись отъ мистическихъ стремленій, она стала бы трезво глядѣть на жизнь, потребность сознанія исполненнаго долга перешла бы въ жизнь пользы и дѣла, и потребность горячо, крѣпко привязаться нашла бы себѣ достойную цѣль. Но для княжны Марьи нѣтъ выхода въ міръ „трудной и свободной дѣятельности“. Она уничтожена разрушеніемъ прежняго міра безотвѣтной преданности и самоотверженія, на который она потратила лучшіе годы своей жизни, и жизнь ея со смертью отца теряетъ смыслъ; нѣтъ болѣе мѣста для борьбы между грѣховными желаніями и покорностью волѣ Провидѣнія, этимъ душевнымъ подвигамъ, которые были ей необходимы, какъ отцу ея его постройки, точенье, уроки. „Да онъ не придетъ болѣе мѣшать тебѣ“, — злобно упрекаетъ она себя за свои преступныя желанія, и съ радостью вспоминаетъ послѣднія ласковыя слова отца къ себѣ въ минуту смерти, когда естественная привязанность отца къ дочери, задавленная годами деспотизма, нелѣпыми отношеніями, высказалась, наконецъ; она цѣпляется за нихъ какъ за единственное доказательство, что она была нужна ему, что она прожила столько лучшихъ годовъ не даромъ. Но те-

перь, что ей дѣлать со своею жизнью? Впрочемъ, княжна Марья не остается долго въ неизвѣстности, куда пристроить свою самоотверженную любовь. Рыцарь Ростовъ, двумя оплеухами усмирившій бунтовавшихъ крестьянъ, является ей какъ спаситель, посланный небомъ; встрѣча съ нимъ въ то время, когда свадьба сестры его съ ея братомъ разстроилась, кажется особенно знаменательной княжнѣ Марьѣ, и она чувствуетъ, что любитъ и будетъ вѣчно любить этого прекраснаго, благороднаго, великодушнаго спасителя. Самъ Ростовъ, какъ слѣдуетъ рыцарю, очаровывается лучистыми глазами спасенной дамы, которые заставили его забыть некрасивость ея лица. Здѣсь останавливается разсказъ. Будетъ ли княжна Марья всю жизнь томиться безнадежной вѣчной любовью къ своему спасителю, или эта участь выпадетъ на долю вѣрной Сонѣ, характеръ княжны Марьи обрисованъ вполнѣ: — останется ли она плаксивой старой дѣвой, утѣшающейся своими божьими людьми, или сдѣлается счастливой супругой и будетъ самоотвергаться для страстно-обожаемаго мужа, который отдастъ ей время, свободное отъ охоты, пировъ полковой службы, она останется все тѣмъ же безполезнымъ существомъ, неспособнымъ къ разумной жизни. А между тѣмъ нельзя не задуматься надъ жизнью княжны Марьи; это жизнь многихъ женщинъ. Для того, чтобъ годами калѣчить себя, подавляя естественную жажду счастья и свободы, для того, чтобъ отстаивать хоть бы божьихъ людей отъ деспота отца—нужна сила. Эта сила не крупная, она сама собой не найдетъ дорогу во мракѣ, она не сдѣлаетъ ничего сама собой, но все-таки жаль и этой силы, погибшей безплодно, потому что этихъ силъ много. Соберите въ одно эти разбросанныя, задавленныя, угасающія силы, укажите цѣль этой способности привязаться, этому самоотверженію, этой потребности подвиговъ— и эти силы пойдутъ за учителемъ всюду, куда онъ ни поведетъ ихъ, онѣ не измѣнятъ ему для мелкихъ личныхъ выгодъ, для мишуры свѣта; труды, лишенія, страданія не испугаютъ ихъ, и много сдѣлаютъ эти маленькія силы, собранныя воедино и направленныя на прямой путь.

Николаева (М. К. Цебрикова).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ именъ, названій журналовъ, газетъ, книгъ, статей и т. п., встрѣчающихся на страницахъ четвертой части „Русской критической литературы о произведеніяхъ Л. Н. Толстого".

11. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію". М. 1892 г. Ц. 25 к.

12. Объяснительный словарь болѣе употребительныхъ въ русской литературѣ и рѣчи иностранныхъ словъ. Составленъ примѣнительно къ правописанію. М. 1901 г. Ц. 50 коп. (Содержаніе этой книги то же, что и 4-го выпуска «Справочника по русскому правописанію»).

13. Краткій алфавитный справочникъ по русскому правописанію. Опытъ группировки ороографическихъ правилъ въ порядкѣ русскаго алфавита. М. 1901 г. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка:

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку).

14а. Обученіе грамотѣ по звуковому способу. Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, пріемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разработанныхъ извѣстными педагогами. Изд. 3-е. М. 1902 г. Ц. 1 р.

15б. Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію, разработанные извѣстными русскими педагогами. Изд. 3-е. М. 1891 г. Ц. 1 р.

16в. Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. М. 1892 г. Ц. 1 р.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

17. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Выпускъ I. Изд. 4-е. М. 1902 г. Ц. 2 рубля. Выпускъ II. Изданіе 3-е. Состоитъ изъ двухъ частей. М. 1899 г. Ц. 1-й части 2 р., а 2-й—1 р.

18. Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Три части и прибавленіе. Изд. 3-е. М. 1901 г. Ц. 3 р. 50 к.

19. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Три части. Ц. 3 р. (1-я и 2-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

20. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Семь частей. Ц. 7 р. (1, 2, 3, 4, 5 и 6 части вышли 2-мъ изданіемъ).

21. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Восемь частей. М. Ц. 8 р. (1, 2, 3 и 4 части вышли 2-мъ изд.).

22. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

23. Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и Дѣти". Ц. 35 к.

24. Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. Ц. 50 к.

25. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. Ц. по 1 р. за часть. (1-я и 2-я части вышли 2-мъ изд.).

26. Критическіе разборы „Дворянскаго Гнѣзда“ и „Наканунѣ“— Тургенева. Перепечатано безъ измѣненій изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“. М. 1895 г. Ц. 70 к.

27. Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонтова. 2 части. (Каждая часть отдѣльно по 1 руб.).

28. А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго. Отдѣльный оттискъ изъ «Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина». Ц. 2 р.

29. Критическіе разборы «Записокъ Охотника» — Тургенева. Оттискъ изъ «Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева». М. 1902 г. Ц. 40 к.

IV. Серія разныхъ книжекъ:

30. Китайскія сказки. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей В. Зелинскаго. Ц. 10 к.

31. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

32. Bibliothèque d'enfants. Сборникъ историческихъ разсказовъ на французскомъ языкѣ, съ подстрочнымъ словаремъ, для внѣкласснаго упражненія дѣтей во французскомъ языкѣ. № 1 (Louis XVII, Prascovie, Jeanne D'Arc). Ц. 10 к.

33. Мурадъ-Неудачникъ. Переводъ съ англійскаго. Повѣсть изъ восточной жизни для дѣтей старшаго возраста. Ц. 10 к.

34. Леди Бетти и ея друзья. Переводъ съ англійскаго. Разсказъ для дѣтей. Цѣна 25 к.

35. Генезисъ, анализъ и методъ естественнаго пѣнія. Сост. К. Михайловъ-Стоянъ. Цѣна 25 к.
